Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
и ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Северо-Западный институт управления

На правах рукописи

ЧЖОУ ЮДИ

ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ ИЗ КИТАЯ В СТРАНАХ ЕС: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ)

Специальность: 5.5.4 – «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Еремина Наталья Валерьевна

Санкт-Петербург, 2026 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 43

1.1 Теоретические концепции изучения китайской миграции 43

1.2 Принципы миграционной политики в контексте внешней политики Китая 55

1.3 Ретроспектива и современные тренды китайской миграции в мире 63

1.4 Особенности современной китайской диаспоры за рубежом 83

1.5 Теоретико-методологические подходы к процессам адаптации и интеграции китайских мигрантов в принимающих странах 97

1.6 Миграционная политика ЕС и китайские мигранты 106

1.7 Влияние китайских мигрантов на культурный и политический ландшафт стран Европы 116

ГЛАВА 2. КИТАЙСКИЕ ИММИГРАНТЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦИИ 129

2.1 Ретроспектива развития китайской миграции во Францию 129

2.2 Состав и структура китайской диаспоры во Франции 140

2.3 Идентичность китайских мигрантов во Франции и применимость концепции «образцового меньшинства» 158

ГЛАВА 3. КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ КАК КРУПНЕЙШАЯ АЗИАТСКАЯ ГРУППА В ГЕРМАНИИ 178

3.1 Развитие китайской миграции в Германию 178
3.2 Состав и структура китайских диаспор в Германии 190
3.3 Особенности идентичности и проблемы ассимиляции китайской диаспоры в Германии 209
3.4 Оценка интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии на основе индексного метода 226
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 246
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 258

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В XXI в. международная миграция превратилась в один из устойчивых факторов мирового развития, влияющий на внутреннее состояние государств и на характер их сотрудничества друг с другом. Рост мобильности населения, различия в уровне экономического развития стран, демографическая неравномерность населения и продолжающиеся политические кризисы приводят к тому, что о миграции больше нельзя говорить как об эпизодическом явлении. Она является долговременным процессом, затрагивающим значительную часть современного мира. По данным Международной организации по миграции (далее по тексту – МОМ), к середине 2025 г. численность международных мигрантов достигла приблизительно 304 млн человек и мигранты составили около 3,7% населения мира, что является наиболее высоким показателем за весь период соответствующих статистических наблюдений[1].

Расширение темпов международной миграции тесно связано с изменениями в мировой экономике и развитием глобального рынка труда. Потребность государств в трудовых ресурсах, различия в уровне заработной платы и качестве жизни, а также сохраняющееся неравенство социально-экономического развития продолжают поддерживать высокий уровень миграционной активности населения. При этом последствия миграции для принимающих государств оцениваются неоднозначно. В ряде случаев приток мигрантов позволяет частично компенсировать нехватку рабочей силы и поддерживать отдельные сектора экономики, испытывающие кадровый дефицит. Активное развитие миграционных потоков часто сопровождается ростом социальной нагрузки, обострением дискуссий вокруг интеграции мигрантов и усилением политической чувствительности миграционной проблематики. Данные процессы сопровождаются структурными и

1 IOM Launches 2026 Global Appeal to Support 41 Million People on the Move. // IOM UN Migration. 8 December 2025. URL: https://www.iom.int/news/iom-launches-2026-global-appeal-support-41-million-people-move (дата обращения: 30.01.2026).

социальными вызовами, включая перераспределение ресурсов, давление на системы социальной поддержки, а также трансформацию профессиональной и демографической структуры населения.

Помимо экономического измерения, влияние международной миграции все в большей степени затрагивает социальные, политические, культурные и религиозные аспекты жизни принимающих государств. Усиление культурного многообразия и межкультурного взаимодействия может способствовать формированию более инклюзивных обществ, однако одновременно порождает напряжения, связанные с вопросами идентичности, социальной сплоченности и восприятия «культурной инаковости». В этом контексте миграция предстает не как однозначно позитивный или негативный феномен, а как сложный процесс, результаты которого зависят от институциональных условий, интеграционной политики и характера взаимодействия мигрантов с принимающим обществом.

В современном мире миграция остается одним из наиболее устойчивых и динамично развивающихся процессов, оказывающих значительное влияние на международные политические отношения. Ее рост определяется комплексом социальных, экономических и культурных факторов, а также внезапными кризисами регионального масштаба, способными спровоцировать массовое перемещение населения. Важную роль в этом процессе играет феномен идентичности, который часто становится отправной точкой для формирования миграционных потоков. Самоидентификация на основе национальной принадлежности нередко служит фактором, определяющим мотивацию и направление миграции.

Таким образом, миграционные процессы оказывают глубокое воздействие на социальные и политические структуры принимающих государств, способствуя как интеграции и адаптации мигрантов, так и формированию очагов социального напряжения. Стирание этнических и конфессиональных границ в социальной структуре может способствовать созданию более инклюзивного общества, но одновременно порождает конфликты, связанные с восприятием культурных и ценностных различий.

Традиционно одним из крупнейших поставщиков международных мигрантов выступает Китай. Актуальность исследования особенностей современной китайской миграции в страны Европы обусловлена стремительным развитием внешней политики КНР под руководством лидера Си Цзиньпина, который ориентирует страну на путь дипломатии «сильного государства» и демонстрирует новый уровень открытости в международных отношениях[2]. В рамках таких глобальных инициатив, как «Один пояс – один путь», наблюдается усиление инвестиционной активности, что в долгосрочной перспективе может привести к увеличению китайской бизнес-миграции в промышленно развитые страны Западной Европы.

В 2024 г. Международная организация по миграции отметила устойчивый рост масштабов международной миграции и увеличение численности мигрантов из стран Азии, включая КНР. Согласно оценкам международных организаций и исследовательских центров, Китай продолжает входить в число крупнейших стран происхождения международных мигрантов[3].

Следует отметить, что определение точной численности китайских мигрантов в мире осложняется различиями в методологиях международного статистического учета. В зависимости от используемых критериев (гражданства, страны рождения, этнического происхождения либо статуса постоянного проживания) оценки масштабов китайской миграции могут существенно различаться. В связи с этим, международные организации и исследовательские центры, как правило, используют усредненные показатели и ориентируются преимущественно на данные национальных миграционных служб и международных баз данных.

Так, согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, по состоянию на 2025 г. численность китайских эмигрантов в мире превышала 10 млн человек, что позволяет отнести КНР к числу крупнейших

2 Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 71-89.
3 The World Migration Report 2024. // IOM. URL: https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/ (дата обращения: 03.02.2026).

стран происхождения международных миграционных потоков[4]. При этом в странах Европейского союза наблюдается постепенный рост численности граждан КНР, имеющих вид на жительство или иные формы легального пребывания. Динамика китайской миграции в Европейский союз демонстрирует постепенный, но устойчивый рост. Согласно данным Eurostat, в 2010 г. в странах ЕС проживало порядка 350-400 тыс. граждан КНР, имеющих действующий вид на жительство. По состоянию на 2024-2025 гг. численность граждан Китая, легально проживающих в странах ЕС, превысила 700 тыс. человек[5]. Наибольшая концентрация китайских мигрантов фиксируется во Франции, Германии, Италии и Испании, при этом Франция и Германия стабильно входят в число ключевых принимающих стран.

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития и Международной организации по миграции, по состоянию на 2025-2026 гг. численность китайских эмигрантов в мире стабильно превышает 10 млн человек[6], что позволяет КНР сохранять позиции одной из крупнейших стран происхождения международных миграционных потоков.

Приведенные данные подчеркивают важность исследования проблематики идентичности китайских мигрантов и их адаптации в условиях жизни в таких развитых европейских странах, как Франция и Германия, что, в свою очередь, помогает лучше понять динамику китайской миграции в страны ЕС. Дополнительную значимость исследованию придает возможность использования результатов анализа интеграционных моделей Франции и Германии для более широкого изучения современных миграционных процессов, связанных с китайской миграцией. Анализ зарубежного опыта стран ЕС позволяет выявить эффективные механизмы интеграции мигрантов и

4 International Migration Outlook 2025. // OECD. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/11/international-migration-outlook-2025_355ae9fd/ae26c893-en.pdf (дата обращения: 01.02.2026).
5 Migration to and from the EU. // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_to_and_from_the_EU& (дата обращения: 16.02.2026); EU population diversity by citizenship and country of birth. // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=71974&title=EU_population_diversity_by_citizenship_and_country_of_birth (дата обращения: 16.02.2026)
6 International Migration Outlook 2025. // OECD. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/11/international-migration-outlook-2025_355ae9fd/ae26c893-en.pdf (дата обращения: 01.02.2026); Immigration by Country 2026. // World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/immigration-by-country (дата обращения: 01.02.2026).

потенциальные социальные и культурные проблемы, возникающие в условиях роста миграционного многообразия.

Актуальность исследования особенностей современной китайской миграции в Европу и конкретно во Францию и Германию подчеркивается рядом факторов.

Во-первых, рост численности и территориальной концентрации китайских эмигрантов в Европе ведет к формированию китайской диаспоры, что требует более глубокого изучения, включая вопросы идентичности, адаптации и ассимиляции. Китайские диаспоры в таких странах, как Франция и Германия, становятся важными субъектами экономической и культурной жизни, оказывая влияние на локальные рынки труда, образовательные системы и социальные институты.

Во-вторых, миграционные потоки из Китая в Европу представляют собой уникальный феномен, который не может быть просто вписан в общую картину мировой глобализации. Китайская миграция в страны Европы представляет интерес как часть современных миграционных процессов и также как пример длительного сосуществования разных культурных моделей. Для китайских мигрантов переезд в европейские государства связан с необходимостью адаптации к иной социальной среде, отличающейся системой общественных норм, характером повседневной коммуникации и представлениями о месте человека в обществе.

Различия между китайской и европейской культурной средой отражаются на процессе интеграции мигрантов и на том, каким образом сохраняется их культурная и национальная идентичность за пределами Китая. Жизнь в европейских странах влияет на формы общения внутри китайских диаспор, отношение мигрантов к традиционным ценностям, а также на их коммуникации с принимающим обществом. В связи с этим изучение китайской миграции в Европу, в том числе на примере Франции и Германии, позволяет рассмотреть особенности адаптации китайских мигрантов в европейской среде и определить их место в экономической и общественной жизни принимающих государств.

Цель исследования – выявить уникальные аспекты и проблемы идентичности китайских мигрантов в условиях формирования китайской диаспоры на европейском пространстве на примере таких стран как Франция и Германия.

Постановка обозначенной цели обуславливает необходимость решения следующих **задач исследования**:

– подвергнуть анализу как уже устоявшиеся в научном мире, так и впервые введенные в российский научный оборот китайские теоретические концепции и подходы к изучению китайской миграции;

– изучить ретроспективу развития и современные тренды китайской миграции в мире в целом;

– охарактеризовать принципы миграционной политики в контексте приоритетов внешней политики КНР;

– обозначить теоретико-методологические подходы к процессам адаптации и интеграции китайских мигрантов в принимающих странах;

– проанализировать миграционное законодательство ЕС с учетом его влияния на китайскую миграцию и китайских мигрантов;

– проанализировать особенности формирования и развития китайской диаспоры во Франции, включая состав и структуру китайских иммигрантов, специфику их социокультурной адаптации и трансформации идентичности, а также применимость концепции «образцового меньшинства»;

– исследовать особенности формирования и развития китайской диаспоры в Германии, включая состав и структуру китайских диаспор, характер интеграционных процессов и проблемы ассимиляции китайских мигрантов;

– провести сравнительную оценку процессов адаптации и интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии с учетом национальных моделей интеграционной политики и социокультурных условий принимающих обществ.

Объект исследования – миграционные потоки из Китая в Европу.

Предмет исследования – демографические, культурные и социально-экономические особенности проявления идентичности китайских

мигрантов в странах Европы на примере Франции и Германии.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что различия между французской и германской моделями интеграции оказывают непосредственное влияние не только на степень, но и на тип адаптации китайских мигрантов в принимающем обществе. Предполагается, что французская модель интеграции, характеризующаяся большей социокультурной гибкостью и более выраженными элементами мультикультурализма, способствует формированию более высокой социальной и психологической адаптации китайских мигрантов при сохранении устойчивой этнокультурной идентичности и диаспоральных связей. В то же время германская модель интеграции ориентирована преимущественно на функционально-экономическое включение мигрантов, вследствие чего профессиональная и образовательная интеграция китайских мигрантов оказывается более выраженной, чем их социальная и культурная включенность в принимающее общество.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XXI в. до настоящего времени. Выбор данного временного интервала обусловлен активизацией международной миграции из Китайской Народной Республики в страны Европейского союза, а также институционализацией миграционной и интеграционной политики ЕС в условиях расширения, углубления наднационального регулирования и трансформации моделей интеграции мигрантов.

Основной акцент сделан на периоде 2000-2025 гг., в рамках которого были зафиксированы ключевые изменения в характере и структуре китайской миграции в Европу, формирование устойчивых китайских диаспор во Франции и Германии, а также эволюция подходов принимающих государств к вопросам адаптации и интеграции мигрантов. В указанный период произошло обновление нормативно-правовой базы миграционной политики как на уровне Европейского союза, так и на уровне национальных государств, а также существенное изменение социально-экономического и образовательного

профиля китайских мигрантов.

При этом в целях более глубокого понимания предпосылок современных миграционных процессов и особенностей формирования китайских диаспор во Франции и Германии в отдельных разделах исследования осуществляется обращение к более раннему историческому периоду – второй половине XX в., включая первые волны массовой миграции из Китая в европейские государства. Расширение хронологических рамок направлено на выявление устойчивых структурных и социокультурных факторов, оказавших влияние на современные модели адаптации и идентичности китайских мигрантов в Европе.

Источниковую базу исследования можно сгруппировать по следующим направлениям.

Прежде всего, стоит выделить официальные документы Китайской Народной Республики, отражающие институциональные основы миграционной политики, регулирование международной мобильности населения и государственную стратегию взаимодействия с зарубежными китайскими диаспорами. К данной категории относятся нормативно-правовые акты и программные документы органов государственной власти КНР, включая Закон об управлении въездом и выездом Китайской Народной Республики[7], Правила рассмотрения и утверждения заявлений на получение постоянного вида на жительство иностранцами[8], а также нормативные документы, регулирующие порядок привлечения иностранных специалистов и предоставления им социально-правовых гарантий[9]. Использование данных источников позволило выявить правовые механизмы регулирования миграционных процессов, принципы селективной иммиграционной политики Китая, а также институциональные условия пребывания иностранных граждан на территории

7 Закон об управлении въездом и выездом Китайской Народной Республики. // Государственное управление по делам миграции КНР. URL: https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1013311/content.html (дата обращения: 23.01.2026).

8 Правила рассмотрения и утверждения заявлений на получение постоянного вида на жительство для иностранцев в Китае. // Государственное управление по делам миграции КНР. URL: https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1295837/content.html (дата обращения: 24.01.2026).

9 Уведомление № 53 от 2012 года, изданное Министерством трудовых ресурсов и социального обеспечения, касающееся «Меры в отношении иностранцев, пользующихся соответствующими льготами для получения постоянного вида на жительство в Китае». // Shui5. URL: https://www.shui5.cn/article/ba/56347.html (дата обращения: 24.01.2026).

страны.

Важным значением для исследования обладают программные документы социально-экономического развития КНР, в том числе доклады о реализации пятилетних планов и стратегические документы, определяющие долгосрочные цели национального развития[10]. В них отражается государственная политика Китая в сфере привлечения человеческого капитала, развития международной образовательной и научной мобильности, а также формирования транснациональных экономических и профессиональных связей. В частности, положения Тринадцатого[11] и Четырнадцатого[12] пятилетних планов позволяют проследить эволюцию подходов китайского государства к вопросам международной миграции, привлечения высококвалифицированных специалистов и интеграции миграционной политики в общую стратегию социально-экономической модернизации страны.

Важную группу источников также составляют политико-программные документы высших органов власти КНР, включая официальные доклады руководства страны, в которых обозначаются приоритеты государственной политики в сфере развития человеческого капитала, международного сотрудничества и взаимодействия с зарубежными китайскими диаспорами[13]. Использование перечисленных источников позволило выявить стратегическую связь миграционной политики Китая с задачами внешнеполитического и

10 Предложение Центрального комитета КПК по разработке 15-го пятилетнего плана национального эко номического и социального развития. Принято на четвертом пленарном заседании двадцатого Центральн ого комитета Коммунистической партии Китая 23 октября 2025 г. // Официальный веб-портал Организац ионного отдела ЦК КПК КНР. URL: https://www.12371.cn/2025/10/28/ARTI1761640401107119.shtml (дата обращения: 05.02.2026).

11 План 13-й пятилетки национального экономического и социального развития Китайской Народной Ре спублики (2016-2020 гг .) // Официальный веб-портал центрального правительства Китая. 13 марта 2021. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/201603/P020191104614882474091.pdf (дата обращения: 04.02. 2026).

12 14-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Ре спублики и наброски долгосрочных целей на 2035 год // Официальный веб-портал центрального правите льства Китая. 13 марта 2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обраще ния: 04.02.2026).

13 Полный текст доклада Ху Цзиньтао на 17-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. / /Официальный веб-портал Центрального Народного Правительства КНР. 24 октября 2007 г. URL: https:/ /www.gov.cn/ldhd/2007-10/24/content_785431.htm (дата обращения: 16.02.2024); Постоянный представитель Китая при ООН Чэнь Сюй, подробно изложил позицию и предложения Китая по вопросам иммиграции. // Портал китайской дипломатии. 29.11.2024. URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-11/29/content_1175 76214.shtml (дата обращения: 05.02.2026).

экономического развития, укрепления международных гуманитарных контактов и расширения международного присутствия страны за рубежом.

Отдельную группу источников представляют материалы, характеризующие социокультурные аспекты китайской миграции. К ним можно отнести материалы и исследования аналитических центров и исследовательских институтов[14], которые охватывают вопросы интеграции китайских мигрантов в принимающие общества, их идентичности, культурной адаптации и коммуникации с местным населением. Часть исследований, посвященных китайской миграции, содержит сведения о деятельности китайских диаспор и организаций за рубежом[15]. Материалы дают возможность проследить особенности функционирования китайских мигрантских сообществ, а также определить их место в общественной и экономической жизни принимающих стран.

В работе также использованы статистические материалы ООН[16], Международной организации по миграции[17], Всемирного банка[18], Организации экономического сотрудничества и развития[19], Евростат[20]. Перечисленные

14 Chinese Migrant Communities in Germany: Heritage Language, Identities and Ideologies. // Seminar Migrations and Multiculturalism. 9 March 2020. URL: https://www.sciencespo.fr/centre-etudes-europeennes/sites/sciencespo.fr.centre-etudes-europeennes/files/200309%20sem%20M%26M.pdf (дата обращения: 18.03.2024); Chinese immigration to France. // Institut national d'études démographiques. 18 January 2023. – URL: https://www.ined.fr/en/news/press/limmigration-chinoise-en-france/ (дата обращения: 01.03.2024).

15 Лекция Е.Ю. Садовской о растущем присутствии Китая в Центральной Азии. // Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. 30 мая 2019 г. URL: https://xn--h1aauh.xn--p1ai/news-2019-0073/ (дата обращения: 19.02.2024); В Германии существует около 40 зарубежных китайских организаций. // Китай за границей. –URL: https://web.archive.org/web/20070703220359/http://www.chinabroad.org/Huaren1.htm (дата обращения: 19.03.2024); Тан Синь: В каком городе Германии проживает больше всего китайцев?. // Plandi. 06.06.2023. URL: https://www.deplanking.com/article/135332 (дата обращения: 19.03.2024).

16 International Migration Report 2006: A Global Assessment. // UN Department of Economic and Social Affairs. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2006.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

17 World Migration Report 2020. // ION UN Migration. URL: https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2020-interactive/ (дата обращения: 15.02.2024); China – International Organization for Migration. // IOM. URL: https://www.iom.int/countries/china#:~:text=To%20respond%20to%20an%20increasingly,and%20Regular%20Migration%20(GCM). (дата обращения: 27.05.2024); World Migration Report 2024. // IOM Publications Platform. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-047-l-world-migration-report-2024_13.pdf (дата обращения: 13.12.2024).

18 World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies. // A World Bank Group Flagship Report, 2023. – URL: https://bit.ly/wdr2023fullEN (дата обращения: 14.02.2024).

19 The new immigrants: Global trends in migration towards OECD countries between 2000/01 and 2015/16. Migration Data Brief № 4. // Organization for Economic Co-operation and Development, 2019. URL: https://www.oecd.org/els/mig/Migration-data-brief-4-EN.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

20 Statistiques sur la migration et la population migrante. // Eurostat, 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_POP3CTB__custom_2289178/default/table?lang=en (дата обращения: 02.03.2024).

данные необходимы для рассмотрения общей динамики международной миграции, масштабов миграционных потоков и особенностей миграционной политики различных государств.

Также полезными стали статистические данные о китайской миграции[21], данные Федерального статистического ведомства Германии[22], Национального института статистики и экономических исследований Франции[23], способствовавшие проведению количественного анализа масштабов и динамики китайской миграции в Европу, а также для сравнения миграционных потоков в Германию и Францию. В данной группе источников представлены численные данные о количестве китайских мигрантов, их распределении по странам и регионам, а также их демографические характеристики.

Степень научной изученности темы.

Исследования всех миграционных процессов, как правило, находятся на стыке нескольких научных направлений: экономики, социологии, демографии, политологии и истории. При этом не трудно заметить, что особый акцент связан с экономическими и социологическими аспектами, которые ценны и для политологических работ.

К настоящему моменту в науке подробно изучены вопросы интеграции мигрантов в принимающие общества и причины миграций. Так, исследователи международной миграции выделяют две ключевые траектории социокультурной адаптации мигрантов: ассимиляция[24] и транснационализм[25].

21 Anzahl der chinesischen Staatsbürger in Deutschland nach Bundesländern im Jahr 2022. // Statista. – URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/74726/umfrage/auslaender-aus-china-und-korea-nach-bundeslaendern/ (дата обращения: 20.03.2024); Number of Chinese people living overseas 2012 and 2022, by continent. // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/632850/chinese-nationals-number-overseas-by-continent/ (дата обращения: 22.02.2024); Total number of citizens of the People's Republic of China living in the countries of the European Union in 2021. // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/1419107/eu-china-relations-chinese-citizens-living-europe/ (дата обращения: 22.02.2024).

22 Population based on the 2011 Census. // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Current-Population/Tables/census-sex-and-citizenship-2018.html (дата обращения: 20.03.2024); Foreign population by place of birth and selected citizenships. // Statistisches Bundesamt: Startseite.URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/foreigner-place-of-birth.html (дата обращения: 18.03.2024).

23 Recensement 2017: résultats sur un territoire, bases de données et fichiers détail. // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/information/4467366 (дата обращения: 01.06.2024).

24 Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants among post-1965 immigrant youth // Annals of American Academy of Political and Social Sciense. -1993. – № 530. – P. 74-98.

Ассимиляция связана с интеграцией в новое общество, которая зачастую сопровождается утратой или значительным ослаблением связи с родной культурой. В противоположность этому, транснационализм предполагает совмещение новых культурных ценностей и моделей поведения с уже существующими, расширение жизненного пространства мигрантов и создание новых, гибридных идентичностей, которые сочетают элементы как старого, так и нового культурного контекста.

Существующие исследования по теориям миграции охватывают широкий спектр аспектов и различных подходов. Среди них изначально наибольший объем работ все же был связан с социально-экономическими и, прежде всего, экономическими аспектами миграционного процесса. В частности, макроэкономические теории рассматривают миграцию как результат географических различий в спросе и предложении рабочей силы.

Исследования, посвященные теориям миграции, охватывают широкий круг вопросов и предлагают различные объяснения причин и механизмов миграционных процессов. Однако значительная часть научных работ была сосредоточена прежде всего на социально-экономических аспектах миграции, а в особенности на ее экономической составляющей. В рамках макроэкономических подходов миграция чаще всего рассматривается как следствие различий между странами и регионами в уровне спроса и предложения рабочей силы. Обозначенные различия создают условия, при которых перемещение людей становится экономически рациональным решением.

Некоторые ученые рассматривают миграцию прямо через экономический контекст и отмечают, что трудовая миграция сопровождается формированием финансовых потоков в обратном направлении, например, денежных переводов мигрантов в страны происхождения. Они играют важную роль в экономике государств-доноров рабочей силы и позволяют лучше понять экономические

25 Phinney J. Ethnic Identity in adolescence and adults: a review of research. // Psychological Bulletin. – 199 0. – № 108. – P. 499-514.

последствия миграции[26].

А. Портес, например, связывает миграционные процессы со структурой рынка труда. По его мнению, перемещение мигрантов определяется спросом на рабочую силу как на первичном, так и на вторичном сегментах рынка труда, где иностранные работники нередко занимают определенные экономические ниши[27].

Другим направлением в изучении миграции является теория человеческого капитала Г. Беккера[28]. Внимание уделено знаниям, профессиональной подготовке, квалификации и опыту человека как ресурсам, от которых зависит его положение на рынке труда и уровень экономической эффективности. С позиции данной теории миграция рассматривается как решение, связанное с поиском более благоприятных условий для реализации имеющихся навыков и профессиональных возможностей.

Подход Р. Скелдона, основанный на концепции мобильного перехода, связывает международную миграцию с более широкими изменениями в мировой экономике и социальной структуре общества[29]. Он обращает внимание на то, что изменения направлений и масштабов миграции происходят под влиянием экономического роста, развития глобальных рынков труда, повышения уровня жизни и усиления международной взаимосвязанности государств.

Микроэкономические подходы к изучению миграции в большей степени рассматривают мотивацию самих мигрантов, их представления о возможностях отдельных стран и личные причины принятия решения о переезде. Такие исследователи, как М.П. Тодаро и Дж. Харрисс[30], утверждают, что принятие решения о миграции основывается на личных мотивациях и ожиданиях

26 Castles S., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. – New York: Guilford, 2003. – 338 p

27 Portes A. Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview // The Economi c Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship, by A. Portes (ed.). – N.Y.: Russell Sage Foundation, 1995. – Pp. 211-217.

28 Becker G. Investments in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. – 1962. – № 70. – Pp. 9-49.

29 Skeldon R. Myths and realities of Chinese irregular migration. – Geneva: IOM, 2000. – 46 p.

30 Harris J., Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis // American Econo mic Review. – 1970. – № 60. – Pp. 126-142.

относительно перспектив развития различных регионов. Дж. Тейлор предложил так называемую новую экономическую теорию миграции, в рамках которой особое внимание уделяется уровню заработной платы в странах назначения. По его мнению, именно различия в оплате труда становятся важным стимулом для выбора места работы и переезда. Однако в отличие от классических экономических моделей, где решение о миграции рассматривается как индивидуальный выбор человека, Тейлор исходит из того, что подобные решения чаще принимаются на уровне семьи[31]. С этого подхода миграция выступает частью семейной стратегии выживания и улучшения материального положения. Члены семьи совместно оценивают возможные риски и выгоды, распределяют роли и принимают решение о том, кто именно будет мигрировать, чтобы поддерживать экономическое благополучие домохозяйства. Вместе с тем данная теория имеет ограничения. Она достаточно хорошо объясняет временную трудовую миграцию, когда один из членов семьи уезжает работать за границу, а остальные остаются в стране происхождения. Однако в случае полной семейной миграции, когда переезд осуществляется всей семьей, возможности этой модели для объяснения миграционных процессов оказываются ограниченными.

Мы видим, что исследователи в основном изучают миграцию в рамках глобальной системы, в которой мировые и национальные экономические процессы прямо влияют друг на друга. Поэтому указанные теории международной миграции подчеркивают, что усиление процессов интеграции автоматически приводит к увеличению объема миграции.

Свой вклад в понимание процессов миграции и потенциала интеграции иммигрантов в принимающее сообщество внесли представители некоторых парадигм теории международных отношений, подчеркнув различные стороны данной научной проблемы, но также обращая основное внимание на социально-экономические аспекты.

31 Taylor J. The New Economics of Labour Migration and the Role of Remittances in the Migration Process // International Migration. – 1999. – № 37. – Pp. 63-88.

Например, И. Валлерстайн, представлявший неомарксистский подход, связывал миграцию с логикой развития мировой капиталистической системы[32]. По его мнению, глобализация усиливает перемещение населения, поскольку мировой рынок труда постоянно требует перераспределения рабочей силы в соответствии с интересами центра и периферии. Такой подход позволяет увидеть миграцию как часть более широких структурных процессов, связанных с неравномерностью мирового развития. Вместе с тем слабой стороной этой теории является то, что она почти не учитывает субъективные мотивы самих мигрантов, их личный выбор, ожидания и индивидуальные стратегии.

Представители школы либерализма и неолиберализма отмечали, что взаимозависимость государств и сотрудничество между ними активно способствуют миграциям благодаря открытым границам и либерализации экономики. Например, представитель неолиберализма Р. Кеохейн отмечает положительные аспекты свободного перемещения производства для развития межгосударственного сотрудничества[33].

Непосредственно вопросам китайской миграции ученые уделяют меньшее внимание по сравнению с общемировыми миграционными трендами, рассматривая разные аспекты китайской миграции в конкретной стране.

Однако российские исследователи чаще всего изучали китайские диаспоры в глобальном контексте или как фактор российско-китайских отношений. А число исследований, относящихся непосредственно к вопросам положения китайской диаспоры во Франции или Германии, пока еще совсем невелико. Так, ряд российских авторов внесли значительный вклад в исследование как теоретических, так и практических аспектов влияния китайской миграции на принимающее сообщество и причин миграции. Например, в монографии С.В. Рязанцева и Я. Хунмей[34] проведен анализ потоков трудовых и учебных мигрантов, изучены проблемы адаптации

32 Wallerstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World E conomy in the Sixteenth Century. – New York: Academic Press, 1974.
33 Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton: Prin ceton University Press, 2005. – 320 p.
34 Хунмэй Я., Рязанцев С.В. Китайская миграция в Россию-тенденции, последствия и подходы к регули рованию. – М.: Экономическое образование, 2010. – 142 с.

китайских мигрантов в контексте России, даны оценки миграционного потенциала и рассмотрены различные подходы к регулированию миграции между Китаем и Россией.

В диссертационном исследовании З.К. Вазирова[35] выделяются четыре основных этапа развития эмиграции из Китайской Народной Республики. Каждый из них отличается как направлением миграционных потоков, так и социально-демографическими характеристиками самих мигрантов. Первый этап охватывает период с середины XIX до середины XX вв. Второй относится к времени с 1950-х до 1980-х гг. Для этих двух этапов было характерно преимущественное направление китайской миграции в страны Северной Америки, Австралию и государства Западной Европы. Третий этап, приходящийся на 1980-е – начало 2000-х гг., связан прежде всего с процессами легализации китайских мигрантов в странах их проживания. Наконец, четвёртый этап, начавшийся в 2000-е гг. и продолжающийся до настоящего времени, характеризуется появлением новых масштабных миграционных потоков, направленных уже не только в традиционные центры притяжения, но и в страны Центральной Азии, Европы и Африки.

А.В. Гордон[36] исследует факторы и этапы формирования современной китайской диаспоры во Франции в контексте глобальных тенденций в трансграничной миграции и ее превращения в новую форму – диаспору. Автор анализирует связи диаспоры с Китаем и их восприятие во французском обществе, рассматривает особенности интеграции во французском обществе китайской диаспоры.

Неудивительно, что больший интерес к конкретным аспектам положения китайской диаспоры во Франции и Германии и в странах ЕС в целом проявили учёные из стран ЕС. Среди зарубежных исследователей о китайских

35 Вазиров З.К. Китайская миграция в страны Центральной Азии: тенденции и социально-демографическ ие последствия: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – М., 2021. – 146 с.

36 Гордон А.В. Трансграничная миграция и образование диаспор: китайцы во Франции. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2021. – № 2. – Р. 26-56; Гордон А.В. Маршруты идентичности в китайской д иаспоре Франции // Диалог со временем. – 2022. – № 78. – Р. 243-259; Гордон А.В. Китайские общины Парижа: интегрироваться, сохраняя идентичность // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 3. – Р. 136-163.

иммигрантах во Франции можно выделить работу И. Аттане[37], которая рассматривает последние тенденции китайской иммиграции (рост, географическое распределение, роль студенческой миграции, продолжительность пребывания и приобретение французского гражданства) и описывается ее социально-демографический профиль (возрастная структура, пол и уровень образования). Статья посвящена анализу данных переписи населения для описания основных социально-демографических характеристик китайских иммигрантов по сравнению с выходцами из других стран во Франции. Автор использует административные данные для описания миграционных потоков, которые способствовали увеличению числа китайцев во Франции. В исследовании утверждается, что большой приток студентов из Китая постепенно меняет общий социально-демографический профиль китайских мигрантов во Франции, повышая уровень высококвалифицированных кадров и формируя собой новый тип китайских мигрантов в Европе.

Один из наиболее «классических» французских исследователей китайской диаспоры Э. Ма Мун[38] задает границы понимания диаспоры не как этнической группы в целом, а как пространственно-организованного и экономически встраивающегося сообщества. Он показывает, как миграционные сети, «ниши» занятости и территориальная концентрация в крупных агломерациях производят устойчивые формы социальной адаптации той или иной диаспоры в принимающем обществе.

Французский синолог и политолог К. Пина-Герассимофф[39] дает другой, «государственно-политический» ракурс и рассматривает, как мобильность и зарубежные китайские сообщества вписываются в контур внешнеполитических стратегий КНР. Работа позволяет трактовать идентичность китайских мигрантов не как исключительно внутренний процесс адаптации, а как динамику, на которую воздействуют транснациональные институты,

37 Attané I. Chinese Immigration to France. // Population. – 2022. – Vol. 77. – № 2. – Pp. 217-248.
38 Ma Mung E. La Diaspora chinoise, géographie d'une migration. – Paris: Ophrys, 2000. – 176 p.
39 Pina-Guerassimoff C. La Chine et sa nouvelle diaspora: la mobilité au service de la puissance. – Paris: Ell ipses, 2012. – 240 p.

ассоциации с диаспорой, политика исторической памяти и каналы связи с родиной мигрантов.

В контексте анализа диаспоры как социальной категории важны работы социолога С. Дюфуа[40]. Хотя его исследования не ограничиваются китайской миграцией, его концептуализация диаспоры как динамической формы транснациональной идентичности активно используется во французских исследованиях китайских диаспор. Он позволяет рассматривать китайскую диаспору во Франции не как замкнутую этническую группу, а как сеть, структурированную через множественные центры принадлежности.

Важный вклад внесен в работе М.-К. Сальо-Яцимирски[41], исследователь Национальной сети исследований в области социальных наук (ENESS), изучающую социальную уязвимость китайских мигрантов в Париже. Она раскрывает малоизученный сегмент нелегальной и полулегальной миграции, показывая, что китайская диаспора во Франции неоднородна и включает группы с крайне различным социальным статусом.

Среди немецких исследователей, анализирующих китайскую миграцию и формирование идентичности китайской диаспоры в Германии и Европе, следует выделить ряд авторов, чьи работы получили признание в академическом сообществе. Существенный вклад внес Т. Хеберер[42], один из ведущих германских синологов и специалистов по зарубежным китайским сообществам. В его работе рассматривается роль зарубежных китайцев в транснациональных экономических связях, в том числе в европейском контексте, а также влияние диаспоры на инновационное развитие и экономическое сотрудничество.

Также следует отметить работу немецкого историка Ф. Вемхойера[43], который исследует китайские студенческие и интеллектуальные миграционные

40 Dufoix S. La dispersion. Une histoire des usages du mot diaspora. – Paris: Éditions Amsterdam, 2011. – 416 p.

41 Saglio-Yatzimirsky M.-C. La voix des sans-voix. Migrants chinois à Paris. – Paris: CNRS Éditions, 2012. – 320 p.

42 Heberer Th., Schubert G. The Chinese Diaspora and Mainland China: An Emerging Economic Synergy. – London; New York: Routledge, 2008. – 240 p.

43 Wemheuer F. Chinese Students in Germany and Transnational Knowledge Transfer. // China Information. – 2012. – Vol. 26. – No. 3. – P. 329-348.

потоки в Германию. В частности, автор показывает роль академической мобильности как фактора формирования нового типа китайской миграции в Германии, ориентированной на научно-технологическое сотрудничество и инновационную экономику.

Исследователь Свободного университета Берлина Б. Гранзов[44] анализирует социально-экономические стратегии китайских мигрантов в Германии, сочетание интеграции в немецкое общество с поддержанием устойчивых транснациональных связей с КНР, а также особенности предпринимательской мобильности.

Немецкий ученый К. Шефер[45] в своем исследовании утверждает, что благодаря культурным и языковым навыкам, китайцы, живущие за границей (преимущественно рассматривается опыт китайцев во Франции и Германии) помогли создать новые отрасли промышленности, рабочие места, передать технологии и интеллектуальные навыки и, таким образом, способствовать развитию инновационного потенциала Китая, посредством укрепления диалога культур.

Проблематика формирования и развития китайских диаспор во Франции и Германии, с учетом экономических приоритетов китайских мигрантов и грамотной адаптации в условия функционирования принимающих сообществ, социокультурные преграды для успешной коммуникации и интеграции рассмотрены в работах китайских исследователей: Миу Чунг Ян и Карен Лок Йи Вонг[46], Чжао Линг[47]. При этом именно китайские ученые начали обращать внимание на вопросы идентичности и даже самоощущения китайских мигрантов, проживающих в европейских государствах.

Исследование жизненного мира китайцев, проживающих в Германии,

44 Gransow B. Chinese Migrants in Germany: Transnationalism and Integration. // Journal of Current Chinese Affairs. – 2008. – Vol. 37. – No. 1. – P. 27-52.

45 Schäfer C. Chinas »kostbarste Ressource«? Die chinesische Diasporapolitik und die Rolle der Auslandschine sen im Reformprozess. // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2020. – Berlin: Metropol Verlag, 2 020. – Pp. 71-88.

46 Yan M.-C., Wong K., Lai D. Subethnic interpersonal dynamic in diasporic community: A study on Chines e immigrants in Vancouver. // Asian Ethnicity. – 2019. – Vol. 20. – № 4. – P. 451-468.

47 Zhao Jing. Knowledge, practice and emotion in migration: The lifeworld of Chinese migrants in Germany. // Chinese Immigrants in Europe, Liu Yue, Wang Simeng (eds.). – Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2020. – P. 53-74.

Франции и странах ЕС, представляет собой относительно новую и недостаточно изученную область. Несмотря на обширное внимание, уделяемое китайской диаспоре в таких регионах, как Юго-Восточная Азия[48], и США[49], количество исследований, посвященных китайским мигрантам в Германии и Франции, остается ограниченным. Большая часть существующей литературы сосредоточена на историческом развитии китайской диаспоры в этих странах и вопросах образования китайских образовательных мигрантов. Тем не менее, исследования жизненного мира и специализированных культурных сфер китайцев, проживающих во Франции и Германии, все еще находятся на начальном этапе исследований.

Китайская научная литература изучения международной миграции формировалась в тесной связи с историческим опытом массовых эмиграционных потоков и специфической ролью зарубежных китайцев в социально-экономическом и внешнеполитическом развитии КНР. В отличие от западных исследовательских школ, где миграция преимущественно анализируется через призму индивидуального выбора, рынка труда и интеграции в принимающее общество, китайские авторы изначально рассматривают миграцию как многоуровневый процесс, включающий государство происхождения, диаспоральные сети и принимающие страны.

Работы Чжуан Готу, посвященные динамике международной китайской миграции в конце XX – начале XXI вв., заложили основы системного анализа зарубежных миграционных потоков, их географической диверсификации и институционального оформления. В исследованиях 1990-х гг. и более поздних работах автор последовательно показывает, что китайская миграция не может быть объяснена исключительно экономическими факторами, поскольку она опирается на устойчивые социальные сети, региональные традиции выезда (в

48 Huang X. New Chinese Migrants in Laos. // Bagui Qiaokan. – 2005. – № 5. – P. 73-78; Ju Y. Japan's New Overseas Chinese Status Quo and Future Development. // World EthnoNational Studies. – 2006. – № 2. – P. 38-44; Liu G. Legal Issues of Overseas Chinese. // Southeast Asia Studies. – 2010. – № 4. – P. 67-75.

49 Cheng X. The View of Chinese Culture of the Overseas Chinese in America. // Bagui Qiaokan. – 2000. – № 4. – P. 19-22; Wu K. Analysis of Overseas Chinese in the USA. // Bagui Qiaokan. – 2002. – № 3. – P. 22-26.

частности, из провинций Фуцзянь и Чжэцзян) и транснациональные деловые структуры[50]. Это получило развитие в фундаментальной монографии Чжуан Готу о современных китайских торгово-предпринимательских сетях, где миграция интерпретируется как ресурс формирования транснационального экономического пространства с учетом сохранения китайской идентичности, а не как односторонний процесс ассимиляции[51].

Историко-демографический аспект китайской миграции подробно представлен в работах Чэнь Литэ и в исследованиях, посвящённых изменениям численности и пространственного распределения миграционных сообществ хуацяо и хуарэнь, обладающих своими культурно-идентификационными характеристиками[52]. Работа формирует эмпирическую основу для понимания масштабов и долговременного характера китайского присутствия за рубежом, подчёркивая, что европейское направление миграции является относительно новым, но быстро растущим сегментом глобальной китайской диаспоры.

Исследователь Сун Цюаньчэн[53] на примере анализа различных крупных китайских диаспор во Франции и Германии выявляет основные характеристики, присущие европеизированным китайским мигрантам, в числе которых диверсифицированные экономические структуры иммигрантов, быстрое развитие китайских ассоциаций и культурных кварталов.

В коллективной монографии таких китайских исследователей, как Юэ Лю и Сименг Ван[54] проводится анализ того, как после введения политики реформ и открытости более 10 млн. мигрантов покинули Китай, а Европа стала основным пунктом назначения китайской иммиграции. Сосредоточив внимание на двух ключевых европейских странах – Германии и Франции, в данной монографии авторы анализируют какое влияние оказывает растущее число

50 Zhuang Guotu. Zui jin 20 nian huaren guoji yimin huodong de ji dian kaolu. // Huaqiao huaren lishi yanji u. – 1997. – № 2. – Pp. 2-6.

51 Чжуан Готу. Современные китайские деловые сети и китайские иммигранты: происхождение, подъем и развитие. Тайвань: Издательство «Даосян», 2005. – 814 с.

52 Чэнь Литэ. История китайских эмигрантов. Литэ Чэнь. Народный издательский дом Шаньси, 2014. 10 2 с.

53 Song Quancheng. Chinese Overseas Migration in Europe: Scale, Feature, Problems and Prospects. // Chines e Overseas Migration in Europe: Scale, Feature, Problems and Prospects. Theoretical journal. 2013. № 11. UR L: http://www.ims.sdu.edu.cn/__local/9/5E/21/1FBE21E4E8FCDC9CEB463E9CA6D_36179D5D_55F53.pdf

54 Yue Liu, Simeng Wang. Chinese Immigrants in Europe. – Berlin: De Gruyter, 2020. – 244 p.

высококвалифицированных иммигрантов из Китая на развитие и восприятие зарубежных китайских диаспор в Европе и как меняется развитие китайской идентичности в связи со сменой поколений.

Аналогичную проблематику развивают Ли Минхуань и Чжу Мэй, анализируя трансформацию социальной структуры китайских диаспор в Европе и изменения идентичности в условиях межпоколенческого перехода[55]. В их работах подчеркивается, что европейские китайцы формируют особый тип диаспоры, отличающийся более высокой степенью институциональной интеграции при сохранении устойчивых культурных и символических связей с Китаем.

Китайские исследования миграции уделяют заметное внимание влиянию государства происхождения на жизнь зарубежных китайских сообществ. В работах Ли Хайфэна и исследованиях, посвященных политике КНР в отношении зарубежных китайцев, рассматривается деятельность системы «дел зарубежных китайцев», через которую поддерживаются связи мигрантов с Китаем[56]. Речь идет о вопросах правовой или организационной поддержки, о сохранении языковых, культурных связей китайских мигрантов со страной происхождения. В этом непосредственно и заключается одна из особенностей китайских исследований от значительной части западных миграционных концепций, где обычно основное внимание сосредоточено на принимающем обществе и на процессах интеграции.

Культурно-идентификационные аспекты миграции и вопросы культурной идентичности китайских мигрантов находят отражение в исследованиях Ду Цзюань, посвященных китайским трудовым мигрантам во Франции, где показано, что экономическая адаптация может сопровождаться как усилением

55 Ли Минхуань, Чжу Мэй. Новые тенденции в китайском обществе в Европе – сравнение двух специальных вопросов китаеведения в Европе. // Международная миграция: Исследования по истории Китая за рубежом. 2022. № 2. URL: http://www.chinaql.org/BIG5/n1/2022/0615/c420265-32447415.html (дата обращения: 27.07.2024).

56 Ли Хайфэн: новые возможности в работе с хуацяо, открывшиеся после 17 съезда КПК // China Review News. 12.10.2007. URL: http://cn.chinareviewnews.com/doc/1004/6/7/4/100467404.html?coluid=7&kindid=0&docid=100467404&mdate=1012122901 (дата обращения: 28.06.2024); Ли Хайфэн: гармонизация структуры ассоциаций зарубежных китайцев – это надежды и ожидания зарубежных соотечественников // China Review News. 20.06.2007. URL: http://cn.chinareviewnews.eom/doc/1003/9/2/5/100392550.html? coluid=7&kindid=0&docid= 100392550 (дата обращения: 29.06.2024).

этнической солидарности, так и формированием гибридных форм идентичности[57].

Особое место в китайской литературе занимает анализ китайской миграционной политики. Бяо Сян[58] рассматривает основные сферы политики Китая, связанные с управлением миграцией. Автор утверждает, что режим управления миграцией в КНР фрагментирован, отчасти потому, что миграция состоит из разных потоков и управляется разными правительственными ведомствами, так как некоторые вопросы миграции являются совершенно новыми для китайского правительства. В работе констатируется, что в целом китайские власти все чаще рассматривают иммиграцию как средство усиления интеграции Китая в мире и стремятся избегать любых конфликтов с международным сообществом по миграционным вопросам.

В целом анализ китайской научной литературы позволяет сделать вывод о том, что китайские исследователи не разработали самостоятельной универсальной теории миграции, интеграции и адаптации, сопоставимой по уровню абстракции с западными теоретическими школами. Вместе с тем они последовательно развивают собственную аналитическую перспективу, в рамках которой миграция рассматривается как нелинейный, транснациональный и институционально опосредованный процесс. Китайские авторы в значительной степени используют и переосмысливают зарубежные теоретические подходы, дополняя их акцентом на роль государства происхождения, диаспоральных сетей и культурной идентичности.

Именно отсутствие завершенной самостоятельной теоретической модели в китайской научной литературе при одновременном наличии богатого эмпирического и аналитического материала, объясняет выбор зарубежных теорий миграции и интеграции для проведения диссертационного исследования. Привлечение работ китайских ученых при этом позволяет расширить

57 Ду Цзюань. Толерантность, идентичность и временность – рынок труда и отношения между китайски ми рабочими-иммигрантами во Франции. // О тенденциях рынка труда в Китае, 2018. URL: https://theses. hal.science/tel-02137794/file/DU_Juan_2_incomplete_20180927.pdf (дата обращения: 16.03.2024).
58 Xiang Biao. Emigration from China: A Sending Country Perspective // International Migration. – 2003. – Vol. 41. – № 3. – Pp. 21-48.

аналитические рамки исследования и повысить его научную значимость для российской науки, обеспечив сочетание международных теоретических подходов и специфического китайского исследовательского опыта.

Делая общий вывод обо всех проанализированных выше научных исследованиях, отметим следующие моменты. Миграция, несомненно, открывает мигрантам доступ к более широкому мировоззрению, расширяя их жизненный мир. Однако линейная взаимосвязь между миграционным опытом и многоуровневым участием в обществах происхождения и/или принимающем обществе, а также между жизненным миром мигрантов и их культурными объектами наследия, до сих пор не получила достаточно внимания в научных исследованиях. В существующих исследованиях китайской миграции в Европе чаще уделяется внимание вопросам интеграции мигрантов в принимающее общество. Как правило, рассматриваются участие китайских мигрантов в деятельности различных объединений, поддержание контактов со страной происхождения, денежные переводы, молодежные организации и иные формы общественной активности китайских общин за рубежом.

Но многие вопросы, связанные с внутренней стороной жизни китайских мигрантов, раскрыты слабее. Касается, прежде всего, это восприятия культурной принадлежности, отношения к китайским традициям за пределами КНР, а также того, как меняется самоощущение мигрантов в условиях длительного проживания в европейской среде. Недостаточно подробно исследовано и повседневное взаимодействие китайских мигрантов с принимающим обществом вне показателей интеграции. По этой причине изучение китайской миграции требует более широкого подхода, который учитывал бы не только экономические или демографические показатели, но и культурные особенности жизни мигрантов, что позволит рассматривать миграцию не только как перемещение населения между государствами, но и как процесс постоянного соприкосновения разной культурно-социальной среды.

Обзор научного дискурса обнаружил, что отдельные важные проблемы, в

частности, исследования социальных аспектов и рисков, возникающих в процессе международной миграции и межкультурного взаимодействия, остаются без должного внимания ученых и практиков. Многим исследованиям не хватает понятийной упорядоченности, отсутствуют исчерпывающие классификации рисков, возникающих в процессе межкультурного взаимодействия мигрантов с гражданами принимающих стран. Крайне мало верифицированных инструментов измерения миграционных рисков в контексте трудовой и иной деятельности мигрантов в рамках традиционной и деловой культуры принимающих обществ.

Теоретико-методологическая база исследования выстроена на сочетании нескольких взаимодополняющих подходов, каждый из которых используется на определенном аналитическом уровне и решает конкретную исследовательскую задачу.

В качестве теоретической основы для анализа факторов формирования и направленности миграционных потоков из КНР в страны Европейского союза в работе используется теория «толчка – притяжения» (push – pull). Сформированная профессором социологии Университета Джорджии Э. Спердженом Ли[59] теория, известная также как теория «выталкивающих» и «притягивающих» факторов, является одной из первых, которая позволяет рассматривать миграцию не только как демографический или экономический процесс, но и как социальное и политическое явление, благодаря чему мы можем учитывать и идентификационные критерии мигрантов. Данная теория предлагает аналитическую модель, позволяющую объяснять формирование и направленность миграционных потоков между странами происхождения и странами назначения через совокупность взаимосвязанных факторов.

Согласно данной теории, миграционные процессы формируются под воздействием четырех групп факторов. Первая группа связана с условиями в стране происхождения мигранта и включает так называемые «выталкивающие» факторы, побуждающие индивида к эмиграции. Ко второй группе относятся

59 Lee E. A Theory of Migration // Demography. – 1996. – Vol. 3. – № 1. – Pp. 47-65.

«притягивающие» факторы страны назначения, определяющие привлекательность конкретного государства для потенциального мигранта. Третью группу составляют промежуточные барьеры, которые могут затруднять или ограничивать миграцию, включая языковые, культурные, административные, географические и правовые препятствия. Наконец, четвертая группа факторов связана с индивидуальным восприятием мигрантом окружающей среды, его личными установками, ожиданиями, мотивацией и субъективной оценкой потенциальных выгод и рисков миграции.

Использование полной модели Э. Ли позволяет рассматривать китайскую миграцию в страны Европейского союза не только как следствие экономических различий между государствами, но и как более сложный процесс, в рамках которого важную роль играют культурная дистанция, особенности восприятия принимающего общества, образовательные и профессиональные стратегии мигрантов, а также влияние диаспоральных сетей и индивидуальных миграционных ожиданий.

В рамках настоящего исследования теория «толчка-притяжения» применяется для объяснения масштабов, динамики и пространственного распределения китайской миграции во Францию и Германию, а также для выявления условий, в которых формируются миграционные стратегии китайских граждан в европейском направлении. Использование полной модели Э. Ли позволяет анализировать китайскую миграцию не только через экономические различия между КНР и странами ЕС, но и через совокупность культурных, образовательных, социальных и идентификационных факторов, влияющих на адаптацию мигрантов, их восприятие принимающего общества и сохранение устойчивых связей с собственной диаспоральной средой.

Второй теоретической основой исследования, которая позволила в еще большей степени оценить идентификационные аспекты китайской миграции, стала концепция кросс-культурной адаптации, разработанная Й. Ким[60].

60 Kim Y. Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation. – Toronto: SAGE Publications, Inc., 2001. – 336 p.

Концепция интегрирует подходы как ассимиляции, так и транснационализма, что позволяет более комплексно рассматривать процессы адаптации мигрантов. В контексте миграции китайских граждан в Европу, в частности во Францию и Германию, данная концепция представляет собой ценный инструмент для анализа, так как она учитывает не только влияние принимающего общества, но и сохранение элементов родной культуры мигрантов.

Факторы адаптации, предложенные Й. Ким, соотнесены со спецификой социокультурной адаптации китайских мигрантов во Франции и Германии. Среди таких факторов можно выделить: социокультурную восприимчивость принимающего общества; институты социальной поддержки; отношение принимающего сообщества (например, уровень принятия и дружелюбия со стороны местного населения может значительно повлиять на успешность адаптации); языковая компетенция; дистанция культур (культурные различия между Китаем и европейскими странами могут как осложнять адаптацию, так и создавать уникальные возможности для культурного обмена); социальный статус мигрантов (профессиональные навыки, уровень образования и социальное положение). Эти факторы служат основными критериями для анализа социокультурной адаптации китайских мигрантов в Европе, что позволяет получить более полное понимание динамики их интеграции в европейское общество.

Применение концепции кросс-культурной адаптации в исследовании обусловлено ее интегративным характером, сочетающим элементы ассимиляционного и транснационального подходов без сведения интеграции к линейной утрате культурных связей со страной происхождения. В рамках исследования миграции китайских граждан в Европу, в частности во Францию и Германию, концепция кросс-культурной адаптации позволяет учитывать влияние институциональной среды принимающего общества, степень его социокультурной восприимчивости, роль языковой компетенции, культурную дистанцию, социальный статус мигрантов, а также наличие и функционирование диаспоральных сетей. Указанные параметры используются

в работе в качестве критериев анализа социокультурной адаптации китайских мигрантов и позволяют выявить специфику интеграционных процессов в различных национальных моделях.

Таким образом, теория «толчка-притяжения» используется в исследовании для объяснения формирования миграционных потоков, концепция кросс-культурной адаптации – для анализа процессов интеграции, а категория идентичности, один из важнейших элементов в указанных теоретических основах диссертационного исследования, – в качестве ключевого аналитического критерия оценки адаптации китайских мигрантов в странах Европейского союза.

Важное место в методологии исследования занимает категория идентичности, которая рассматривается как центральный критерий оценки степени и характера интеграции мигрантов[61]. Идентичность мигранта в контексте адаптации проходит через процесс, который позволяет сохранять элементы родной культуры, но при этом усваивать новые социальные и культурные нормы принимающего общества[62]. Анализ идентичности китайских мигрантов позволяет выявить, каким образом сочетаются процессы адаптации к европейскому социокультурному пространству и сохранение элементов культурной и этнической принадлежности, а также каким образом эти процессы варьируются в зависимости от национальных моделей интеграции во Франции и Германии.

Дополнением к указанным теоретическим основам диссертационного исследования стал социально-конструктивистский подход к объяснению феномена идентичности. Согласно ему идентичность не является статичным и заранее заданным конструктом, а формируется и переосмысливается в результате социального взаимодействия[63].В данном контексте особое внимание

61 Amit K., Bar-Lev S. Immigrants' sense of belonging to the host country: The role of life satisfaction, lang uage proficiency, and religious motives. // Social Indicators Research. – 2015. – Vol. 124. – № 3. – P. 947-9 61.

62 Amit K., Dolberg P. Who do you think I am? Immigrant's first name and their perceived identity. // Com parative Migration Studies. 2023. – Vol. 11. – № 6. – P. 2-18.

63 Schwarz K., Williams J. Studies on the social construction of identity and authenticity. – L.: Routledge, 2 021. – 182 p.

уделяется тому, как китайские мигранты осмысляют свою идентичность в условиях новой социокультурной среды, а также тому, какие элементы родной культуры они сохраняют, а какие из них подвергаются трансформации. Представляется возможным выявить, каким образом происходит взаимодействие между индивидуальной идентичностью мигрантов и коллективной идентичностью принимающего общества, исследовать как социальные ожидания, стереотипы и культурные различия влияют на восприятие китайских мигрантов и на их самоидентификацию в рассматриваемых странах.

Кроме того, в качестве дополнения к указанным теоретическим основам исследования используются отдельные положения мир-системной теории И. Валлерстайна и концепции цивилизационного взаимодействия С. Хантингтона. Их использование позволяет рассматривать китайскую миграцию в страны Европейского союза в контексте глобальных социально-экономических процессов, а также анализировать влияние культурно-цивилизационных различий на адаптацию и интеграцию китайских мигрантов.

Использование указанных теоретических подходов в совокупности позволяет обеспечить целостный анализ китайской миграции в странах Европейского союза, связав объективные факторы формирования миграционных потоков с субъективными и социокультурными аспектами адаптации и идентичности мигрантов.

Методология исследования включает применение нескольких групп методов для комплексного анализа проблем китайской миграции в государствах Европы. К общенаучным методам относятся сравнительный анализ и системный подход. Сравнительный анализ используется для выявления сходств и различий в процессах адаптации и интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии.

Использование системного подхода позволяет рассматривать китайскую миграцию не как совокупность изолированных миграционных перемещений, а как часть более широких глобальных процессов, связанных с международной

экономической взаимозависимостью, транснациональной мобильностью населения и усилением межкультурных контактов. В данном контексте отдельные положения мир-системной теории И. Валлерстайна используются для анализа влияния мировой экономической системы и глобального разделения труда на формирование устойчивых миграционных потоков между КНР и странами Европейского союза. В свою очередь, отдельные положения концепции С. Хантингтона позволяют рассматривать миграционные процессы как одну из форм взаимодействия различных культурно-цивилизационных пространств в условиях глобализации, что особенно значимо для анализа особенностей адаптации китайских мигрантов в европейском обществе.

К специально-научным (политологическим) методам исследования относится индексный метод, использованный в работе в качестве вспомогательного аналитического инструмента для сравнительной оценки отдельных аспектов интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии. Индексный метод применялся для обобщения качественных и статистических данных, связанных с уровнем занятости мигрантов, доступом к образовательным и социальным услугам, языковой адаптацией, а также участием в общественной и культурной жизни принимающих государств. Полученные показатели использовались не как самостоятельный количественный критерий, а как дополнительный инструмент сравнительного анализа интеграционных процессов. Эмпирическая часть исследования основывается на качественном подходе и включает анализ интервью, материалов международных организаций, статистических данных и научных исследований, посвященных китайской миграции в странах Европейского союза. Интервьюирование носило качественно-аналитический характер и было направлено на выявление особенностей адаптации китайских мигрантов, восприятия интеграционных практик и роли диаспоральных связей в принимающем обществе. При формировании выборки учитывались различия в типах миграции (образовательная, трудовая, предпринимательская), а также особенности положения китайских мигрантов во Франции и Германии.

Статистические методы анализа данных международных источников, таких как ООН, Группа Всемирного банка, Евростат и Государственное управление по делам миграции КНР, позволяют оценить реальную численность китайских мигрантов в Германии, Франции и в мире в целом. Анализ источников и научной литературы позволяет выделить ключевые термины и понятия, отражающие понимание категории китайских мигрантов, тенденции миграционных потоков и факторы, влияющие на их адаптацию в рассматриваемых европейских странах.

Научная новизна диссертационного исследования определяется рядом обстоятельств. Источниковедческая новизна заключается в проведенном автором анализе современных миграционных тенденций китайских мигрантов в страны Европейского союза, с особым акцентом на Францию и Германию на основе различных европейских и китайских статистических данных, ранее не интегрированных в сравнительные исследования миграционных процессов. В ходе работы также были собраны эмпирические материалы, включая серию экспертных интервью, проведенных среди специалистов в области миграционной политики, представителей китайских диаспор. Концептуальная новизна исследования состоит в попытке синтезировать общепринятые международные подходы к изучению миграции и интеграции с концептуальными взглядами китайских исследователей на китайскую миграцию, диаспору и транснациональные связи. Это позволяет рассматривать идентичность китайских мигрантов в странах Европейского союза не только в рамках западных теоретических моделей, но и с учетом китайской исследовательской оптики. На основе этих данных была осуществлена социально-экономическая оценка процессов адаптации и интеграции китайских мигрантов, с особым вниманием к трудовой и образовательной миграции. В результате исследования были сделаны выводы, составившие содержательную новизну. Так, сделан вывод, что социально-экономический мотив миграционных процессов является важным фактором успешной адаптации китайских мигрантов во Франции и Германии. Тем не менее, полная

интеграция китайского населения в европейское сообщество осложняется культурными и языковыми барьерами, а также различиями в социально-культурных нормах. Однако эти аспекты частично компенсируются успешной адаптацией китайских мигрантов на рынке труда и в образовательной сфере, где они демонстрируют высокую степень профессиональной и академической интеграции. Таким образом, социально-экономическая составляющая играет ключевую роль в адаптации и частичной интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии, особенно в контексте сложного и многослойного культурного пространства Франции и Германии. Историографическая новизна диссертации связана с введением в научный оборот в России целого ряда исследований китайских авторов, представленных в соответствующем разделе Введения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Образовательная миграция китайских граждан в страны Европейского союза представляет собой одну из ключевых форм современной транснациональной мобильности КНР и отличается высокой степенью связи с последующей профессиональной и академической интеграцией в принимающих странах. Франция и Германия выступают для китайских студентов не только как центры получения высшего образования, но и как пространства формирования долгосрочных профессиональных, научных и социальных связей. Проведенное исследование показало, что образовательная миграция китайских граждан нередко трансформируется в устойчивую профессиональную мобильность, способствуя закреплению части выпускников в европейском экономическом и академическом пространстве. Специфика китайского кейса заключается в сочетании высокой образовательной мобильности с сохранением устойчивых транснациональных связей с КНР, включая культурные, профессиональные и диаспоральные контакты. Существенную роль играют китайские государственные программы поддержки зарубежного образования, ориентированные на подготовку квалифицированных специалистов и формирование международных

профессиональных компетенций, а также развитые диаспоральные сети, обеспечивающие адаптацию студентов и их включение в образовательную и профессиональную среду принимающих государств.

2. Экономическая миграция китайских граждан во Францию и Германию характеризуется высокой степенью профессиональной и предпринимательской дифференциации и развивается преимущественно в сегментах квалифицированной занятости, малого и среднего бизнеса, высокотехнологичных отраслей, торговли и сферы услуг. Установлено, что устойчивость китайской миграции обеспечивается не только экономической привлекательностью принимающих государств, но и функционированием развитых диаспоральных сетей, которые способствуют адаптации мигрантов, сохранению этнокультурной идентичности и формированию устойчивых транснациональных экономических связей. Проведенный сравнительный анализ показал, что французская и германская модели интеграции по-разному влияют на характер включения китайских мигрантов в принимающее общество: во Франции более выражены социально-психологические аспекты адаптации и социокультурной интеграции, тогда как в Германии преобладает функционально-экономическая модель интеграции, ориентированная прежде всего на профессиональную вовлеченность мигрантов, их участие в высокотехнологичных и индустриальных секторах экономики, а также академической и научно-технической деятельности.

3. Миграционные потоки китайцев во Францию и Германию имеют ряд общих черт, однако различаются в ключевых аспектах. Во Франции китайская диаспора сформировалась раньше и традиционно была сосредоточена на малом бизнесе и торговле. В последнее время наблюдается рост числа китайских студентов и исследователей, что делает Францию привлекательной в сфере академического сотрудничества. Германия, напротив, привлекает китайских мигрантов преимущественно в промышленные и высокотехнологичные секторы, что связано с сильными позициями страны в автомобилестроении, машиностроении и инженерных науках.

4. Франция и Германия различаются и в политике интеграции китайских мигрантов. Франция предлагает сравнительно гибкие возможности натурализации, что способствует долгосрочному закреплению мигрантов в стране. Германия, напротив, ориентирована на привлечение высококвалифицированных специалистов, предоставляя возможности трудовой миграции, но при этом ограничивая легкость получения гражданства. В обоих случаях китайские мигранты способствуют расширению экономических и научных связей, однако во Франции их вклад более заметен в сфере образования и торговли, тогда как в Германии – в промышленности и инновационных технологиях. При этом именно во Франции легче сохранять и проявлять идентичность.

5. Исходя из исследования численности китайской диаспоры в странах ЕС с акцентом на Францию и Германию, которые являются наиболее привлекательными для китайских мигрантов, выявляются особенности ассимиляции китайских диаспор в этих странах, а также основные сферы их занятости, что позволяет лучше понять процессы интеграции китайцев в европейское общество. Исследование подчеркивает, что Франция и Германия являются основными центрами притяжения китайских мигрантов благодаря развитой экономике, широким возможностям для образования и относительно высоким стандартам жизни. Важно отметить, что за последние десятилетия численность китайского населения во Франции и Германии заметно выросла. Во многом это связано с расширением экономических связей Китая с ЕС, увеличением образовательных обменов, а также с политикой европейских государств, ориентированной на привлечение иностранных студентов, квалифицированных специалистов и научных кадров.

6. Проведенный анализ показал, что китайские мигранты во Франции и Германии в целом достаточно устойчиво включены в экономическую сферу принимающих государств, прежде всего в систему занятости и профессиональной деятельности. Вместе с тем адаптация за пределами экономической сферы протекает сложнее. Наиболее актуальными выглядят

проблемы связаны с культурной средой, социальными контактами и восприятием мигрантов внутри принимающего общества. Во Франции китайские мигранты в значительной степени сосредоточены в крупных городах, прежде всего в Париже. Для китайских общин характерно сохранение устойчивых внутригрупповых связей, поддержание контактов с Китаем и высокая роль этнокультурной среды в повседневной жизни. Это способствует сохранению языка, культурных традиций и элементов национальной идентичности. Ситуация в Германии имеет свои особенности. Здесь китайские мигранты чаще ориентированы на профессиональную реализацию и образовательную сферу, однако процесс социального и культурного включения нередко проходит более сложно. Одной из причин выступают особенности интеграционной политики и более сдержанный характер взаимодействия между мигрантскими сообществами и местным населением.

7. Как показало исследование, адаптация китайских мигрантов во Франции и Германии отличается. В обеих странах китайские мигранты достаточно активно представлены в сфере занятости, образовании и предпринимательской деятельности, однако их включенность в социальную и культурную среду принимающего общества остается неодинаковой. Во Франции китайские общины в большей степени встроены в повседневную социальную жизнь крупных городов. Китайская диаспора в городах Франции сохраняет устойчивые внутренние связи и длительное время взаимодействует с французской городской средой, поэтому культурная идентичность китайских мигрантов сохраняется без полной изоляции от принимающего общества.

В Германии ситуация складывается иначе. Китайские мигранты здесь чаще связаны с научной, инженерной и высокотехнологичной сферой, а сама миграция во многом носит образовательный и профессиональный характер. При этом процесс социальной адаптации нередко проходит медленнее, чем профессиональная интеграция. В данном случае важны требования к языковой адаптации и особенности самой интеграционной модели Германии. Соответственно, особенности адаптации китайских мигрантов зависят не

только от экономических условий, но и от характера государственной политики, устройства социальной среды и положения диаспоры в принимающем обществе.

8. Материалы исследования показывают, что китайские мигранты во Франции и Германии достаточно часто сталкиваются с настороженным отношением к себе. Во многом это связано с устойчивыми представлениями об азиатских мигрантах, которые существуют в европейском обществе. В Германии подобные ситуации более распространенные. Особенно в тех регионах, где иностранное население представлено слабее и контакты с мигрантами для местных жителей менее привычны. В результате китайские мигранты нередко испытывают сложности при выстраивании социальных связей и взаимодействии с окружающей средой за пределами профессиональной сферы. Во Франции отношение к мигрантам в целом более привычно для городской среды, прежде всего в Париже и других крупных городах. Тем не менее отдельные проблемы сохраняются и там. В интервью и исследованиях упоминаются сложности при поиске жилья, случаи недоверия со стороны арендодателей и бытовая дистанция в повседневном общении. При этом для многих китайских мигрантов большое значение сохраняют связи внутри собственной общины. Помощь родственников, знакомых и китайских объединений нередко облегчает адаптацию после переезда и снижает зависимость от внешней социальной среды.

9. Проведенное исследование показывает, что проживание китайских мигрантов во Франции и Германии не сопровождается полной потерей культурной идентичности и разрывом связей со страной происхождения. Даже при вовлеченности в систему образования, занятости и предпринимательской деятельности многие мигранты продолжают поддерживать связи с китайской средой, сохраняют язык, привычные формы повседневного общения и контакты с КНР. После переезда важную роль для китайских мигрантов продолжают играть личные связи (родственники, знакомые, выходцы из тех же регионов Китая, а также китайские культурные и бытовые пространства в крупных

городах – чайна-тауны). Их связь способна упростить поиск работы, жилья и помочь адаптироваться на первых этапах жизни в другой стране. Сохранение преимущественно внутреннего круга общения может приводить к тому, что коммуникация с местным населением будет ограничиваться рабочими и деловыми рамками, даже несмотря на успешную профессиональную или образовательную адаптацию мигрантов. Сравнительный анализ показал, что во Франции идентичность китайской диаспоры воспроизводится преимущественно через устойчивые городские и культурные пространства, семейно-диаспоральные сети и механизмы мультикультурной адаптации, тогда как в Германии более выраженную роль играют образовательная и профессиональная интеграция, академическая мобильность и институциональные механизмы культурной репрезентации, включая деятельность Институтов Конфуция. Установлено, что сохранение китайской идентичности в европейском пространстве выступает не проявлением неуспешной интеграции, а результатом формирования устойчивой транснациональной модели принадлежности в условиях глобальной мобильности.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при анализе современных миграционных процессов, разработке интеграционных стратегий и оценке механизмов адаптации иностранных мигрантов в принимающих государствах. Материалы исследования могут представлять интерес для специалистов в области международных отношений, миграционной политики, диаспоральных исследований и межкультурной коммуникации. Работа способствует развитию исследований китайской миграции в рамках политической науки и международных отношений. Анализ китайской образовательной, профессиональной и предпринимательской мобильности позволяет рассматривать миграционные процессы как часть более широких транснациональных и внешнеполитических взаимодействий КНР с европейскими государствами.

Отдельную практическую значимость представляют выводы, связанные с ролью китайской диаспоры как механизма сохранения транснациональных социальных, образовательных и профессиональных связей, а также рекомендации, касающиеся учета тенденций эмиграции китайских граждан в страны Европы и использования потенциала зарубежных китайских диаспор в гуманитарной и внешнеполитической деятельности КНР.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были апробированы в ходе участия автора в Международном молодежном научном форуме «Ломоносов», а также обсуждались на научных мероприятиях факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, посвящённых вопросам международных отношений, миграционных процессов и межкультурного взаимодействия.

В рамках научных докладов и дискуссий были представлены отдельные аспекты исследования, связанные с миграционными процессами между Китаем и Европейским союзом, проблемами адаптации китайских мигрантов, трансформацией идентичности в европейском пространстве, а также особенностями интеграционных моделей Франции и Германии.

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в научных публикациях автора. По теме диссертации опубликовано 5 научных статей, в том числе 4 статьи в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, и 1 статья в издании, индексируемом в РИНЦ. В опубликованных работах были рассмотрены вопросы европейской идентичности, миграционных процессов между Китаем и Европой, а также социально-психологической адаптации китайских мигрантов в странах Европейского союза, что впоследствии нашло отражение в соответствующих разделах диссертационного исследования.

Объем и структура диссертации. Диссертация включает введение, три главы, четырнадцать параграфов, заключение, список источников и литературы.

Основная часть работы изложена на 262 страницах. Список литературы включает 276 источника. Текст работы включает 10 таблиц и 3 рисунка.

ГЛАВА 1. КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

1.1 Теоретические концепции изучения китайской миграции

При рассмотрении теоретических и концептуальных подходов к изучению китайской миграции прежде всего следует отметить, что по мере роста миграционных потоков на региональном и глобальном уровнях международная миграция приобрела масштаб, который позволяет рассматривать ее как один из важнейших факторов современного мирового развития. Перемещение населения становится значимым элементом глобальных процессов, влияя не только на демографическую динамику, но и на социальные, экономические и политические изменения в различных регионах мира.

Международная миграция оказывает заметное воздействие на трансформацию мировой экономики и общественных отношений. Она сопровождается усилением мобильности рабочей силы, расширением транснациональных экономических связей и активизацией обмена ресурсами между странами[64]. Отмеченные процессы тесно связаны с движением товаров, услуг, капитала и инвестиций, что, в свою очередь, способствует экономическому росту отдельных государств и регионов. Повышение уровня экономического развития и расширение возможностей на рынке труда делают такие территории более привлекательными для мигрантов, туристов и иностранных специалистов, тем самым усиливая взаимосвязь между миграционными процессами и общей динамикой глобального развития.

В научной литературе, в силу естественного роста исследовательского внимания к международной миграции, существует ряд теорий, затрагивающих миграционные процессы, которые, исходя из подхода конкретных исследователей, а также акцента на определенных элементах миграции, могут быть сегментированы на макроэкономический контекст, микроэкономический

64 Медведева А.М. Глобализация, регионализация, миграция: особенности современных международных отношений. // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2023. – № 1. С. 41.

контекст и т.н. «глобализационный контекст». В рамках данного параграфа указанные теоретические подходы рассматриваются в качестве аналитического контекста исследования, необходимого для систематизации существующих интерпретаций миграционных процессов, тогда как выбор базовых теоретических оснований исследования будет обоснован в заключительной части параграфа.

В рамках макроэкономического подхода к изучению миграции важное место занимают работы С. Каслса, который обращает внимание на развитие идеи пространственно-миграционного баланса. В соответствии с этим подходом миграция рассматривается как результат различий между регионами и странами в соотношении спроса и предложения рабочей силы. Там, где возникает дефицит трудовых ресурсов и одновременно существуют более высокие экономические возможности, формируются центры притяжения мигрантов. В то же время, по мере активизации миграции, по оценкам С. Каслса, происходит и формирование устойчивых финансовых потоков, образуя своеобразный «замкнутый контур»[65].При нем движение миграционных потоков осуществляется за инвестициями, а совокупное усиление миграционных потоков может способствовать развитию рынка труда, повышению его конкурентоспособности, привлекательности для инвесторов, с пропорциональным ростом инвестиций.

Альтернативный взгляд на причины миграции представлен в работах М. Тодаро и Дж. Р. Харриса. Исследователи исходили из того, что решение о переезде принимается прежде всего на уровне самого человека и во многом зависит от его ожиданий и представлений о возможностях, которые существуют в разных регионах. По их мнению, люди мигрируют не только из-за фактической разницы в уровне доходов, но и из-за ожиданий более высоких заработков и лучших условий жизни в других странах или регионах[66]. Иными словами, миграционные потоки естественным образом будут

65 Castles S., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. – New York: Guilford, 2003. P. 18.

66 Harris J., Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis // American Econo mic Review. – 1970. – № 60. P. 131.

направлены в развитые с экономической и политической, финансовой точки зрения страны. Указанный подход предполагает успешное применение «мягкой силы»[67]государства – через благоприятное позиционирование как пространства возможностей для мигрантов (карьера, качественные государственные услуги, развитая социальная, медицинская инфраструктура, уровень и качество жизни, развитый рынок труда).

«Собирательный образ» государства может способствовать росту привлекательности страны как направления миграционных потоков[68]. Дополнить вышеизложенное можно теорией сегментированного рынка труда, представленной А. Портесом. По его оценкам, в соответствии с данной теорией, миграция может быть идентифицирована в качестве «баланса между спросом и предложением рабочей силы», применительно к первичному и вторичному рынкам труда[69].

Следующий пласт теорий затрагивает микроэкономический аспект. Согласно теории пространственно-миграционного баланса, разработанной М. Дж. Миллером, мигранты рассматриваются как рациональные акторы. Иными словами, решение о переезде принимается ими не случайно, а после оценки возможных преимуществ и затрат, связанных с миграцией. Потенциальный мигрант сопоставляет ожидаемые выгоды, более высокий доход, лучшие условия труда или возможности для профессионального роста, с возможными издержками, такими как расходы на переезд, адаптация к новой среде или риски, связанные с трудоустройством. Именно результат такого сравнения во многом определяет готовность человека принять решение о миграции и

67 Примечание: «мягкая сила» может быть выражена в наличии фактической способности государства д остигать целей на внешнеполитической арене за счет своих естественных ресурсов (культура, язык, диас пора, история, имидж, образ жизни, совокупная привлекательность государства). См.: Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2005.

68 Лебедева М.М. Международная миграция в современном мире. Развитие интеллектуальной междунаро дной миграции в конце XX – начале XXI вв. Миграционные процессы в конце XX – начале XXI вв. О сновные причины особенности современной интеллектуальной миграции. // Интеллектуальная миграция в современном мире. Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – P. 16-17.

69 Portes A. Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview // The Economi cSociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship, by A. Portes (ed.). – N.Y.: Russell Sage Foundation, 1995. P. 214.

выбрать конкретную страну или регион для проживания[70].При этом, исключительно экономические причины не всегда могут выступать единственным аспектом миграции, и в современных условиях они действуют в едином комплексе с дополнительными элементами влияния. Например, с наличием объективных факторов (уровень жизни, безопасности в стране пребывания и в стране предполагаемого назначения), перспектив (карьера, государственная помощь), наличия диаспор, конкретных целей конкретного индивида (иначе вся миграция осуществлялась бы исключительно из бедных регионов мира в наиболее богатые регионы, но не наоборот).

Другой подход к объяснению миграции представлен в работах К. Тейлора и Д. Блума. Они развивали так называемую новую экономическую теорию миграции, в рамках которой внимание смещается с макроэкономических факторов на уровень домохозяйства. В этой логике важную роль играет уровень заработной платы в странах назначения, который выступает дополнительным стимулом при выборе рынка труда[71]. При этом решение о миграции, согласно данной теории, принимается не только самим человеком, а в рамках более широкой семейной стратегии. Члены семьи совместно оценивают возможные выгоды и риски, определяют, кто из них будет мигрировать, и рассчитывают на получение денежных переводов из-за рубежа. Именно такие переводы становятся одним из ключевых экономических мотивов миграции. В результате подобная модель чаще всего применяется для объяснения временной трудовой миграции, когда один из членов семьи уезжает работать за границу, чтобы поддерживать материальное положение домохозяйства[72]. Отметим логичность указанного подхода, но оговоримся, что не во всех случаях решение о миграции может приниматься совместно и не всегда мигрант будет поддерживать связь с страной своего происхождения, даже в условиях позиционирования миграции как исключительно трудовой.

70 Castles S., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. – New York: Guilford, 2003. P. 24.
71 Taylor J. The New Economics of Labour Migration and the Role of Remittances in the Migration Process. // International Migration. – 1999. – № 37. P. 69.
72 Stark O., Bloom D. The New Economics of Labor Migration // American Economic Review. – 1985. – №75. P. 175.

В работах, основанных на реалистском и неореалистском подходах, миграция обычно рассматривается в связи с вопросами устойчивости государства и внутренней безопасности[73]. В подобной трактовке основное внимание уделено последствиям от крупных миграционных потоков для принимающих стран, прежде всего в социально-экономической сфере. Часть исследований обращает внимание на то, что высокая концентрация мигрантов в отдельных городах, районах или профессиональных сферах может вызывать напряженность в принимающем обществе. На практике же такого рода опасения чаще всего связаны с конкуренцией на рынке труда, нагрузкой на социальную инфраструктуру и распределением государственных ресурсов. Поэтому миграция и как демографический, и как экономический процесс, и как фактор, способный влиять на общественную стабильность и восприятие безопасности внутри государства. Кроме того, концентрация мигрантских сообществ может сопровождаться возникновением культурных и идентификационных напряжений, связанных с различиями в социальных нормах, ценностях и моделях повседневного поведения.

Вместе с тем подобная трактовка носит ситуативный и дискуссионный характер, поскольку влияние миграции существенно варьируется в зависимости от социально-экономического контекста, институциональных условий принимающего государства и степени культурной близости между странами происхождения и назначения. Миграция далеко не всегда осуществляется между регионами, имеющими принципиальные различия в языковой, религиозной или культурной сфере, что ограничивает универсальность интерпретации миграции исключительно как угрозы.

В рамках либеральной и неолиберальной парадигмы международных отношений миграционные процессы интерпретируются принципиально иначе, как элемент взаимозависимости, способствующий углублению экономических, социальных и институциональных связей между странами. Классический

73 Weiner M. Security, Stability, and International Migration. // International Security. – 1992/93. – Vol. 17. –№ 3. P. 99.

либеральный тезис о позитивной роли трансграничной мобильности населения опирается на представление о расширении рынков труда, циркуляции человеческого капитала и формировании плотных сетей экономического взаимодействия, способных снижать конфликтный потенциал в международной системе[74].В логике неолиберального институционализма миграция рассматривается как регулируемый процесс, эффективность которого определяется качеством международных режимов и внутренними институтами принимающих государств, обеспечивающих координацию интересов и минимизацию издержек.

Р. Кеохейн подчеркивал, что в условиях комплексной взаимозависимости государства заинтересованы не только в контроле над потоками, но и в выстраивании устойчивых механизмов сотрудничества, поскольку транснациональные связи, включая миграционные, создают долгосрочные экономические и социальные эффекты, превышающие краткосрочные издержки[75]. Дж. Най, развивая концепцию «мягкой силы», указывал, что мобильность населения способствует формированию культурных и образовательных каналов влияния, укрепляющих международные позиции государств без прямого принуждения[76]. В рамках данной логики миграция выступает не угрозой, а ресурсом – для экономического роста, научно-технологического обмена и культурного разнообразия. Таким образом, в либеральной и неолиберальной парадигме акцент переносится с безопасности и контроля на регулирование, институционализацию и использование миграционного потенциала в интересах развития и международного сотрудничества.

С позиции институционального подхода миграционное поведение населения формируется не только под воздействием экономических факторов, но и в рамках той институциональной среды, которая складывается вокруг

74 Keohane R., Nye, J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. – Boston: Little, Brown, 19 77.

75 Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton: Pri nceton University Press, 1984.

76 Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004.

миграционных процессов. Существенную роль здесь играют государственные структуры, а также неправительственные и гуманитарные организации, социальные службы и иные институты, вовлеченные в регулирование и сопровождение миграции. По мере того, как государство и связанные с ним институты расширяют механизмы поддержки международной мобильности населения, миграционные процессы постепенно приобретают более устойчивый и организованный характер[77]. В этих условиях увеличивается и общий объем миграционных потоков, поскольку часть перемещений получает легальный статус и становится в меньшей степени зависимой от неблагоприятных внешних обстоятельств.

Дополнить изложенные подходы можно идеями Д. Мейси, который развивал теорию социального капитала мигрантов. Согласно этой концепции, по мере развития миграционных потоков постепенно формируются устойчивые сети взаимных связей между мигрантами, их родственниками, знакомыми и представителями диаспоры. Именно эти связи и образуют своеобразный социальный капитал, который облегчает процесс переезда и адаптации в новой стране[78]. Их наличие помогает новым мигрантам быстрее ориентироваться на рынке труда, получать информацию о возможностях трудоустройства, жилье и административных процедурах. Кроме того, через контакты с диаспорами и посреднические структуры мигранты легче устанавливают взаимодействие с государственными и общественными институтами принимающей страны. В результате социальный капитал способствует более быстрой интеграции мигрантов в экономическую и общественную жизнь страны пребывания и одновременно поддерживает устойчивость самих миграционных потоков.

При этом положения теории социального капитала можно рассматривать как своего рода сочетание идей теории миграционных сетей и институционального подхода. Такое понимание объясняется тем, что

77 Wilhelmina J. Macro-economic determinants of international migration in Europe. // Thesis fully internal (DIV), University of Groningen, 2004. URL: https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/9799522/c3.pdf (дата обращ ения: 11.02.2024).
78 Massey D. A Missing Element in Migration Theories. // Migration Letters. – 2015. – Vol. 12. – № 3. P. 284.

международная миграция формируется под воздействием сразу нескольких групп факторов. С одной стороны, на неё влияют макроэкономические условия – состояние рынка труда, уровень доходов и общие социально-экономические возможности в разных странах. С другой стороны, важную роль играют формальные и неформальные институты, а также сети связей между самими мигрантами[79].

Поэтому рассматривать миграционные процессы исключительно через один фактор невозможно. Реальное движение миграционных потоков формируется под влиянием совокупности обстоятельств – экономических условий, институциональной среды и социальных связей. Именно их взаимодействие в конечном итоге определяет масштабы, направления и устойчивость международной миграции.

По мнению С. Мейси, современную миграцию следует рассматривать как сложную систему, в которой одновременно действуют несколько взаимосвязанных факторов. В рамках такого подхода миграционные процессы формируются под влиянием целого ряда элементов.

Во-первых, важную роль играют структурные процессы в странах происхождения. Социально-экономическая ситуация, состояние рынка труда, уровень доходов населения и демографические условия могут создавать предпосылки, которые стимулируют мобильность населения и формируют стремление к переезду в другие страны.

Во-вторых, значительное влияние оказывают условия в странах назначения. Экономическое развитие, потребность в рабочей силе, демографические изменения и заинтересованность государств в привлечении квалифицированных специалистов формируют спрос на мигрантов. В ряде случаев речь идёт не только о привлечении работников, но и о заинтересованности в притоке предпринимателей, инвестиций и представителей интеллектуальных профессий.

79 Lőrincz L., Németh B. How Social Capital is Related to Migration Between Communities? // European Jo urnal of Population. – 2022. – Vol. 38. – № 1. P. 1122.

В-третьих, важное значение имеют личные мотивы самих мигрантов. Решение о переезде часто связано с желанием улучшить материальное положение, обеспечить более высокий уровень жизни для себя и своей семьи, получить образование или реализовать профессиональные и карьерные возможности. Наряду с экономическими причинами могут играть роль и политические факторы, вопросы безопасности или стремление к социальной стабильности.

Наконец, на развитие миграционных процессов заметно влияет и социальная среда. Существующие сети мигрантов, диаспоры, семейные и дружеские связи облегчают переезд и адаптацию в новой стране, тем самым способствуя дальнейшему расширению миграционных потоков[80].

Также представляется интересным глобальный подход к объяснению международной миграции, в частности положения мир-системной теории неомарксиста И. Валлерстайна[81]. Миграционные процессы рассматриваются как часть функционирования мировой экономической системы, основанной на неравномерности развития различных регионов мира и устойчивом взаимодействии между центром, полупериферией и периферией. Расширение глобальных экономических связей, международного разделения труда и транснациональных рынков способствует усилению международной мобильности населения и формированию устойчивых миграционных потоков. Мир-системный подход позволяет рассматривать миграцию не как изолированное социальное явление, а как часть широких процессов глобализации, экономической взаимозависимости и транснационального взаимодействия,так как рост образовательной, трудовой и предпринимательской мобильности мигрантов выступает одним из проявлений включенности страны происхождения мигрантов в современную мировую экономическую систему и расширения ее международного присутствия.

Иной подход представлен А. Дж. Франком в концепции зависимого

80 Massey D. A Missing Element in Migration Theories. // Migration Letters. – 2015. – Vol. 12. – № 3. P. 285-287.

81 Wallerstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World E conomy in the Sixteenth Century. – New York: Academic Press, 1974.

развития – в соответствии с данной теорией, международная миграция может быть идентифицирована в качестве «фактора закрепления зависимости экономических слабых стран», от рынков более сильных с экономической точки зрения стран[82]. В то же время, по оценкам экспертов, миграция в данном случае не может быть идентифицирована в качестве полноценного ресурса экономического либо социального развития[83].

Также примечательной видится теория мобильного перехода, представителем которого выступает Р. Скелдон. По его оценкам, в развивающемся мире наблюдается усиление связи международной миграции и глобализации, в разрезе изменения международной миграции, усиления влияния миграции на темпы экономического роста, включая расширение (либо сокращение) экономических возможностей принимающей страны, а также роста благосостояния населения[84].

Развитие данного подхода можно увидеть и в работах М. Критц и Лим Лин, которые предложили концепцию международных миграционных систем. В рамках этой теории миграция рассматривается не как изолированное перемещение людей между отдельными государствами, а как часть более широкой и взаимосвязанной системы. Миграционные потоки между странами происхождения и странами назначения оказываются тесно связаны между собой и формируют устойчивые каналы передвижения населения[85].

С этой точки зрения исследование миграции требует анализа не отдельных направлений перемещения, а всего пространства международных миграционных связей. Такой подход позволяет выявлять закономерности формирования миграционных потоков, их динамику, основные направления и особенности развития на конкретном историческом этапе. Именно системное

82 Kay C. Andre Gunder Frank: 'Unity in Diversity' from the Development of Underdevelopment to the World System. // New Political Economy. – 2011. – Vol. 16. – № 4. P. 529.
83 Farny E. Dependency Theory: A Useful Tool for Analyzing Global Inequalities Today? // E-International Relations. November 23, 2016. URL: https://www.e-ir.info/2016/11/23/dependency-theory-a-useful-tool-for-analyzing-global-inequalities-today/ (дата обращения: 13.02.2024).
84 Skeldon R. A classic re-examined: Zelinsky's hypothesis of the mobility transition. // Migration Studies. – 2019. – Vol. 7. – № 3. P. 397.
85 Kritz M., Lim Lin, Zlotnik H. International Migration Systems: A Global Approach. – Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 29.

рассмотрение миграции дает возможность понять, каким образом экономические, политические и социальные связи между странами формируют устойчивые миграционные маршруты и влияют на их дальнейшую эволюцию.

Рассмотренные подходы позволяют показать, что международная миграция не может быть объяснена исключительно через один фактор (экономический, институциональный, социальный или культурный). Для анализа китайской миграции в страны Европейского союза особенно значимым является сочетание нескольких уровней объяснения – факторов, стимулирующих выезд из страны происхождения; условий, формирующих привлекательность принимающего государства; роли диаспоральных сетей, облегчающих адаптацию; а также культурных механизмов, влияющих на сохранение или трансформацию идентичности мигрантов в принимающем обществе.

Таким образом, анализ теоретических концепций, представленных в научной литературе, свидетельствует о многообразии подходов к объяснению миграционных процессов, охватывающих макроэкономические, микроэкономические, институциональные и глобализационные измерения. Каждый из рассмотренных подходов позволяет выявить отдельные аспекты формирования и развития миграционных потоков, однако в изолированном виде они не дают целостного объяснения как причин миграции, так и последующих процессов адаптации мигрантов в принимающих обществах. При этом практически все исследования делают акцент на неизбежности миграций с учетом глобальных процессов. Поэтому указанные выше подходы и взгляды не могли быть выбраны в качестве теоретической основы диссертации, но являются вспомогательными теоретическими рамками для понимания разных и противоречивых аспектов процесса миграции.

В представленном диссертационном исследовании в качестве теоретической основы используются теория «толчка–притяжения» (push–pull) и концепция кросс-культурной адаптации. Теория «толчка–притяжения» применяется для анализа факторов формирования и направленности китайских

миграционных потоков, а также для объяснения пространственного распределения китайской миграции в европейском направлении. Концепция кросс-культурной адаптации, в свою очередь, используется для анализа процессов интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии, с акцентом на трансформацию идентичности и взаимодействие с принимающим социокультурным пространством. При этом для теоретического осмысления процессов формирования идентичности в работе используется конструктивистский подход, позволяющий рассматривать её как социально конструируемую категорию.

Рассмотренные в данном параграфе теории используются в работе как вспомогательные аналитические рамки, позволяющие раскрыть исследуемые процессы и уточнить отдельные элементы миграционной динамики, однако не выступают в качестве базовых теоретико-методологических оснований исследования. Именно поэтому в дальнейшем анализе теория «толчка-притяжения» используется прежде всего для объяснения причин и направлений китайской миграции во Францию и Германию, тогда как концепция кросс-культурной адаптации позволяет раскрыть особенности включения китайских мигрантов в принимающие общества без сведения интеграции только к экономической занятости или юридическому статусу. Вспомогательное значение сохраняют теория миграционных сетей и диаспоральный подход, поскольку они позволяют объяснить устойчивость китайских диаспор, роль внутренних связей, механизмов взаимопомощи и сохранения этнокультурной идентичности. Представляемая логика позволяет связать теоретический аппарат исследования с последующим сравнительным анализом французского и германского кейсов.

1.2 Принципы миграционной политики в контексте внешней политики Китая

Миграционная политика КНР представляет собой результат длительной эволюции государственной стратегии регулирования трансграничной мобильности населения. Ее формирование отражает постепенный переход от подконтрольной государству системы, характерной для периода до конца 1970-х гг., к более гибкой модели управления миграционными процессами, адаптированной к условиям глобальной экономической и социальной трансформации.

До начала реформ 1978 г. миграция рассматривалась китайским руководством прежде всего как объект административного контроля. Выезд граждан за рубеж был существенно ограничен и регулировался в рамках общей политики внешнеполитической и экономической закрытости. Однако с началом курса «реформ и открытости» подход к миграции постепенно начал пересматриваться. Смягчение режима выезда граждан, расширение контактов с зарубежными странами и постепенное включение Китая в мировые экономические процессы привели к тому, что миграционные вопросы стали рассматриваться уже не только как инструмент внутреннего контроля, но и как элемент более широкой стратегии социально-экономического развития.

В зарубежной научной литературе пересмотр миграционной политики Китая часто интерпретируется как переход от изоляционистской модели управления мобильностью населения к системе, в которой миграционные процессы рассматриваются в контексте международной интеграции и модернизации китайской экономики[86]. При этом, следует подчеркнуть, что формирование современной миграционной политики Китая происходило и под влиянием собственного опыта взаимодействия с иностранными специалистами и высококвалифицированной рабочей силой.

Начало экономических реформ 1978 г., направленных на ускоренную

86 Xiang Biao. Emigration from China: A Sending Country Perspective. // International Migration. 2003. Vol. 41. № 3. URL: https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/17507186.pdf (дата обращения: 21.01.2026).

модернизацию страны и ее включение в мировую экономическую систему, объективно потребовало пересмотра прежних подходов к регулированию миграции. Особое значение приобрел вопрос привлечения иностранных специалистов и экспертов, способных содействовать технологическому обновлению китайской экономики. В условиях дефицита современных технологий, управленческих компетенций и инвестиционных ресурсов китайское руководство было вынуждено постепенно смягчать существовавшие ограничения и создавать институциональные механизмы, обеспечивающие возможность легального пребывания в стране иностранных специалистов.

С началом политики реформ и открытости китайское руководство постепенно перешло к более гибкой модели регулирования международной мобильности населения. Одновременно с расширением внешнеэкономических связей государство стало создавать механизмы привлечения иностранных специалистов, студентов и инвесторов, рассматривая международную миграцию как один из инструментов модернизации экономики и технологического развития страны[87].

В последующие десятилетия китайское государство последовательно расширяло нормативную базу, регулирующую международную мобильность населения, уделяя особое внимание привлечению высококвалифицированных специалистов, инвесторов и представителей научно-образовательной сферы[8889]. Постепенно миграционная политика КНР стала приобретать более селективный характер, ориентированный на поддержку тех категорий мигрантов, которые рассматривались как значимые для модернизации экономики, технологического развития и укрепления международных связей Китая.

Стремление китайского государства одновременно решить задачи привлечения высококвалифицированных кадров и усиления контроля над нелегальной миграцией было развито в рамках новой стратегии миграционной политики, реализация которой началась с середины 2000-х гг. Ключевым шагом

87 Аршин К.В. Политика управления миграцией в КНР. // Власть. – 2021. – № 3. С. 269-270.
88 Временные правила Государственного совета о привлечении иностранных талантов 1983 г. // Правово й портал КНР. URL: https://www.055110.com/law/1/35954.html (дата обращения: 24.01.2026).
89 Аршин К.В. Политика управления миграцией в КНР. // Власть. – 2021. – № 3. С. 270.

стало принятие в 2004 г. Положения о регулировании выдачи иностранным гражданам вида на жительство в Китае, которое существенно конкретизировало и сузило круг лиц, имеющих право на долгосрочное пребывание в стране[90]. В соответствии с данным документом право на получение вида на жительство предоставлялось прежде всего категориям мигрантов, представлявших наибольший интерес с точки зрения социально-экономического развития и внешнеэкономической стратегии КНР. К ним были отнесены высококвалифицированные специалисты, занятые на концессионных и совместных предприятиях, крупные иностранные инвесторы, лица, внесшие значимый вклад в развитие китайской экономики и науки, а также члены семей в рамках политики воссоединения. Тем самым миграционный режим был выстроен по принципу селективности, ориентированной на экономическую целесообразность и управляемость миграционных потоков.

Практический эффект от пересмотра условий предоставления вида на жительство проявился в краткосрочной перспективе – уже к 2005 г. численность иностранных граждан, обладавших статусом постоянного или долгосрочного проживания в Китае, достигла 649 тыс. человек[91]. Динамика свидетельствовала о том, что обновленные нормативные механизмы оказались востребованными и позволили Китаю в сжатые сроки усилить приток желаемых категорий иностранных мигрантов, одновременно выстраивая более жесткие рамки для нелегальной миграции.

В контексте внешней политики Китая эволюцию миграционной стратегии целесообразно рассматривать через призму изменения международного позиционирования КНР и характера ее отношений с ключевыми внешними партнерами.

Условно можно выделить несколько этапов миграционной политики Китая, каждый из которых коррелирует с доминирующими установками внешней политики. На первом этапе, охватывающем период до конца 1970-х гг.,

90 Правила рассмотрения и утверждения заявлений на получение постоянного вида на жительство для иностранцев в Китае. // Государственное управление по делам миграции КНР. URL: https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1295837/content.html (дата обращения: 24.01.2026).

91 Аршин К.В. Политика управления миграцией в КНР. // Власть. – 2021. – № 3. С. 272.

миграция рассматривалась преимущественно как фактор риска для внутренней стабильности и суверенитета, что соответствовало внешнеполитической стратегии самоограничения и минимизации контактов с внешним миром. Второй этап, начавшийся с политики реформ и открытости, характеризуется переосмыслением миграции как инструмента модернизации и международного взаимодействия, прежде всего в сфере науки, образования и технологий. В этот период формируются устойчивые каналы академической и профессиональной мобильности между Китаем и странами Западной Европы.

С начала XXI в. и особенно после углубления стратегического диалога между Китаем и ЕС миграционная политика всё более вписывается в логику внешнеполитического курса КНР, ориентированного на расширение гуманитарных и экономических связей. Эмиграция в страны Европейского союза перестает восприниматься как утечка человеческого капитала и уже рассматривается как элемент транснационального присутствия Китая, способствующий развитию научно-образовательного обмена, предпринимательства и экономического сотрудничества.

Перемены отражали и изменение подхода Китая к собственной зарубежной диаспоре. Если ранее эмиграция преимущественно воспринималась как потенциальный риск потери человеческого капитала, то в условиях углубления глобализации и расширения международного присутствия КНР зарубежные китайские сообщества все чаще стали рассматриваться как элемент транснационального экономического, образовательного и гуманитарного взаимодействия. Китайская диаспора постепенно приобретала значение своеобразного посредника между Китаем и принимающими государствами, обеспечивая развитие деловых, академических и культурных контактов.

В 2012 г. нормативная база, регулирующая правовой статус иностранных граждан в Китае, была существенно расширена за счет введения новых механизмов, направленных на дальнейшее институциональное оформление миграционной политики. Внесенные изменения отражали стремление китайского государства систематизировать правила пребывания иностранцев на

территории страны и повысить привлекательность Китая для тех категорий мигрантов, которые значимы с точки зрения экономического и технологического развития. Одним из ключевых шагов стала публикация Перечня прав и мер социального обеспечения, предоставляемых иностранным гражданам, имеющим вид на жительство в КНР[92]. Документ закрепил принцип постепенного сближения правового положения иностранных резидентов с правовым статусом граждан Китая. В нормативном акте предусматривалось, что иностранцы, получившие право на постоянное проживание в стране, могут пользоваться сопоставимыми правами и нести сходные обязанности в таких сферах, как трудовая деятельность, социальное обеспечение и доступ к ряду общественных услуг. Формирование более предсказуемых правовых условий проживания и трудовой деятельности иностранцев должно было способствовать их более устойчивой интеграции в китайское общество и одновременно укрепить позиции Китая как привлекательного направления для международной профессиональной мобильности.

Также в 2012 г. был принят Закон КНР «О контроле въезда и выезда», который регулирует порядок пересечения государственных границ гражданами Китая, иностранцами и лицами без гражданства, а также определяет процедуры получения виз и других разрешений. Закон является фундаментом миграционной политики, закрепляя правовые рамки контроля над миграцией и подчиняя их задачам государства по обеспечению национальной безопасности, общественного порядка и суверенитета[93].

Одним из ключевых направлений реформы стало создание более благоприятных условий для иностранных специалистов и их семей. В рамках обновлённой системы были введены специализированная виза категории R, предназначенная для высококвалифицированных кадров, востребованных в

92 Уведомление № 53 от 2012 года, изданное Министерством трудовых ресурсов и социального обеспеч ения, касающееся «Меры в отношении иностранцев, пользующихся соответствующими льготами для пол учения постоянного вида на жительство в Китае». // Shui5. URL: https://www.shui5.cn/article/ba/56347.html (дата обращения: 24.01.2026).

93 Закон об управлении въездом и выездом Китайской Народной Республики. // Государственное управл ение по делам миграции КНР. URL: https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1013311/content.html (дата об ращения: 23.01.2026).

стратегически значимых секторах экономики, а также виза категории S, предоставляемая родственникам иностранных граждан, работающих или постоянно проживающих на территории Китая.

Так, можно говорить о том, что с начала проведения реформ открытости внешнему миру миграционная стратегия Китая претерпела изменения, отражающие смену ориентиров внешней политики КНР. Если первоначально акцент делался на контроле исходящей миграции и ограничении утечки рабочей силы, то с началом XXI в. внимание сместилось на интеграцию миграции с задачами международного сотрудничества, технологического обмена и экономического развития.

В последние годы миграционная стратегия Китая все более тесно связывается с задачами внешнеполитического и внешнеэкономического позиционирования страны. Особое значение приобретает поддержка транснациональной мобильности высококвалифицированных специалистов, предпринимателей и студентов, способных формировать устойчивые экономические и гуманитарные связи между КНР и принимающими государствами. Также усиливается внимание китайского государства к зарубежной диаспоре, которая рассматривается не только как сообщество этнических китайцев за рубежом, но и как дополнительный канал развития торгово-экономических, образовательных и культурных контактов[94]. В условиях расширения глобального присутствия Китая подобный подход начинает все более отчетливо вписываться в стратегию укрепления международного влияния КНР посредством гуманитарного и экономического сотрудничества[95].

Особое место в современной стратегии международной мобильности Китая занимает поддержка образовательной миграции. Начиная с 2000-х гг. китайское государство последовательно расширяет систему программ, ориентированных на обучение граждан КНР в ведущих зарубежных

94 Харитонов А.И. Миграционная политика КНР как инструмент «Мягкого» влияния в мире. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2017. – № 3. – С. 69-75.
95 Дяо Ли. итайские мигранты за рубежом и экономическое развитие принимающих стран в рамках ин ициативы «Один пояс, один путь». // Китайский рынок. 2023. № 24. – С. 1-7.

университетах. Координацию значительной части подобных программ осуществляет Китайский стипендиальный совет (далее – CSC), действующий при Министерстве образования КНР. Программы CSC предусматривают финансирование обучения, научных стажировок и академических обменов китайских студентов, аспирантов и исследователей за рубежом, включая страны ЕС. Особенностью китайской модели образовательной мобильности является сочетание государственной поддержки зарубежного обучения с ориентацией на формирование долгосрочных профессиональных, научных и технологических связей Китая с принимающими государствами. При этом государственная поддержка зарубежного образования рассматривается не только как инструмент подготовки квалифицированных кадров, но и как механизм расширения международного присутствия Китая в академической и научно-технологической среде. Значение имеет и то обстоятельство, что образовательная мобильность китайских граждан нередко трансформируется в устойчивые формы профессиональной и академической миграции. Часть выпускников остается в странах обучения, формируя устойчивые транснациональные профессиональные и исследовательские сети. В результате образовательная миграция начинает выполнять одновременно кадровую, экономическую, гуманитарную и внешнеполитическую функции, что позволяет рассматривать ее как один из элементов современной стратегии международного позиционирования КНР.

Связь миграционной политики Китая с его внешнеполитическим курсом в отношении Европейского союза находит отражение в официальных документах МИД КНР, определяющих рамки китайско-европейского взаимодействия. В частности, в стратегических документах по отношениям Китая и ЕС подчеркивается приоритет развития так называемых личные связи (*«people-to-people exchanges»)*, включающих образовательные, научные и культурные обмены, а также обмены студентов, исследователей и специалистов[96]. Хотя миграция не выделяется в этих документах как

96 China's Policy Paper on the European Union. // The State Council of the People's Republic of China. UR

самостоятельное направление политики, ее функциональная роль в укреплении двусторонних связей фактически признается на уровне внешнеполитической риторики и практики.

В данном контексте отношение Китая к эмиграции в страны ЕС носит преимущественно прагматичный характер. В отличие от миграции в отдельные развивающиеся регионы, эмиграция в Европейский союз воспринимается как социально и экономически оправданная форма внешней мобильности, связанная с доступом к передовым образовательным и технологическим ресурсам. Это позволяет рассматривать китайских мигрантов в ЕС не как объект ограничительной политики, а как потенциальный ресурс внешнеполитического и экономического взаимодействия, что соответствует более широкой стратегии Китая по укреплению своего международного присутствия и влияния.

Таким образом, эволюция миграционной политики Китая отражает изменение роли КНР в международной системе и постепенное расширение ее внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. В современных условиях международная мобильность китайских граждан рассматривается китайским руководством не только через призму внутреннего регулирования миграции, но и как часть более широкого процесса формирования транснациональных экономических, образовательных и гуманитарных связей. В отношении ЕС данный подход проявляется в поддержке академической мобильности, предпринимательской активности и развитии контактов между китайскими диаспорами и принимающими обществами, что позволяет рассматривать миграционные процессы как один из элементов современного внешнеполитического позиционирования КНР.

L: https://english.www.gov.cn/archive/ministrydocument/201812/18/content_WS5d3ae98cc6d08408f5022944.html (дата обращения: 04.02.2026); Policy paper on EU: Deepen China-EU comprehensive strategic partnership for mutual benefit and win-win cooperation. // The State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2014/08/23/content_281474983026968.htm (дата обращения: 04.02.2026).

1.3 Ретроспектива и современные тренды китайской миграции в мире

Термин «китайцы за рубежом» обычно используется для обозначения примерно 46 миллионов этнических китайцев, проживающих за пределами Китая, Гонконга, Тайваня и Макао. Хотя короткие эпизоды китайской миграции можно проследить в истории, явление, обычно называемое «китайской диаспорой», датируется лишь серединой XIX века[97].

Рост масштабов китайской миграции в современный период тесно связан с процессами экономической модернизации КНР, расширением международных контактов и включением Китая в глобальные экономические и образовательные сети[98]. По мере усиления внешнеэкономической активности Китая китайская диаспора стала рассматриваться не только как совокупность мигрантских сообществ, но и как важный элемент транснациональных экономических, культурных и гуманитарных связей.

Еще в докладе по итогам 17-го Всекитайского съезда КПК отмечалось, что китайская культура является важным источником сплочения и творчества китайской нации и важной духовной связью, которая поддерживает и развивает отношения между зарубежными китайцами и родиной[99]. Китайские мигранты рассматриваются как проводники и ретрансляторы морально-ценностных и духовных компонентов культуры Китая в странах пребывания[100].

В свою очередь, это позволяет выделить три ключевых группы факторов, мотивирующих граждан Китая к принятию решений о миграции.

Во-первых, социально-экономический аспект. Стремительный экономический рост Китая выступает результатом осуществляемых в стране

97 Liu H., Van Dongen. The Chinese Diaspora. // Oxford Bibliographies. URL: http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199920082/obo-9780199920082-0070.xml (дата обращения: 19.07.2024).

98 Лю Чжишань. Культурная открытость иммигрантов и ее влияние. // Гуманитарные науки Лингнан. № 92. 29 мая 2019. URL: https://www.cssn.cn/ztzl/jzz/rwln/wh/tswh/202209/t20220923_5541324.shtml (дата обращения: 17.02.2024).

99 Полный текст доклада Ху Цзиньтао на 17-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. // Официальный веб-портал Центрального Народного Правительства КНР. 24 октября 2007 г. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2007-10/24/content_785431.htm (дата обращения: 16.02.2024).

100 Лю Вэйцзе. Анализ наследственного статуса и контрмер китайской культуры новыми китайскими иммигрантами за рубежом. // Исследования по вопросам зарубежного Китая. 2008. № 1. URL: http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/140/1070.shtml (дата обращения: 16.02.2024).

реформ, включая политику открытости (с начала 70-х гг. XX в.), результатом чего выступают структурные изменения во всех сферах жизни общества (технологизация, развитие промышленности, информатизация, появление новых транспортно-логистических маршрутов, повышение уровня и качества жизни, урбанизация, стимулирование переезда в город, рост населения и т.п.), с акцентом как на внутренней миграции, так и на внешней миграции[101]. В то же время, гибкость миграционных потоков на внутреннем уровне, дополняемая приватизацией, создавали риски для роста безработицы, стимулируя миграционные потоки.

Во-вторых, важную роль играет этноконфессиональный фактор. Он проявляется, в частности, в миграциях, связанных с религиозной мобильностью: перемещении буддийских паломников, а также переселении мусульманских групп, включая уйгуров, в страны Центральной и Юго-Восточной Азии[102].

В-третьих, существенное значение имеет демографический фактор. Длительное время быстрый рост населения Китая формировал значительный миграционный потенциал, стимулируя как внутренние перемещения населения, так и выезд за пределы страны. Однако в последние годы демографическая динамика в КНР постепенно меняется и темпы роста населения снижаются, что в перспективе может повлиять и на характер миграционных процессов[103].

Так, наряду с социально-экономическими причинами существенную роль в развитии миграционных процессов играют культурные, региональные и семейно-сетевые факторы, оказывающие влияние на направления миграции и механизмы формирования зарубежных китайских сообществ.

Предпосылки усиления китайского присутствия за рубежом связаны и с изменениями внутри самого китайского общества. Экономические реформы и трансформация социальной структуры привели к появлению новых моделей

101 Россия и Китай: Изменения в социальной структуре общества. / Под ред. М.К. Горшкова, Ли Пэйл инь, З.Т. Голенковой. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 257-260.

102 Лекция Е.Ю. Садовской о растущем присутствии Китая в Центральной Азии. // Институт социально -политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российско й академии наук. 30 мая 2019 г. URL: https://xn--h1aauh.xn--p1ai/news-2019-0073/ (дата обращения: 19.02. 2024).

103 Вазиров З.К. Китайская миграция в страны Центральной Азии: тенденции и социально-демографичес кие последствия: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Москва, 2021. С. 32-33.

миграции. В частности, высококвалифицированные специалисты чаще ориентируются на развитые страны – США, Канаду, государства Европы и Австралию, используя каналы образовательной, профессиональной или инвестиционной миграции. В то же время значительная часть низкоквалифицированных трудовых мигрантов направляется в менее развитые регионы мира, включая страны Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, где сохраняется спрос на рабочую силу[104].

Можно отметить ряд характерных этапов развития миграционных потоков из Китая:

1. первый этап: период с середины XIX в. до 1949 г. – в рамках данного периода одним из ключевых направлений китайской эмиграции выступал регион Юго-Восточной Азии (позиционирование эмигрантов как «Хуацяо», лояльных к Китаю и ориентированных на системную поддержку взаимосвязи со своей Родиной)[105];

2. второй этап, охватывающий период с 1949 по 1980 гг., характеризовался изменением направлений китайской миграции и усилением потоков в сторону Австралии, стран Западной Европы, США и Канады. В это время постепенно происходила трансформация традиционной модели китайского зарубежного присутствия: на смену категории хуацяо – граждан Китая, временно проживающих за рубежом, все чаще приходили хуажэнь, то есть этнические китайцы, чья жизненная перспектива была уже связана преимущественно со странами проживания. При этом сохранение культурных, семейных и экономических связей с Китаем оставалось важной особенностью их идентичности[106];

3. третий этап, начавшийся в 1980-е гг. и продолжавшийся до начала XXI в., был связан с резким ростом миграционной активности. Либерализация

104 Hong Liu, Dongen E. The Chinese Diaspora. // Oxford Bibliographies. January 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/342834141_The_Chinese_Diaspora_Oxford_Bibliographies (дата обращения: 18.02.2024).

105 Гу Цзецзин. История китайской эмиграции: основные этапы развития. // European Journal of Arts. – 2016. – № 1. С.

106 Жуан Готу. История изменений количества и распределения китайских хуацяо в мире. // Всемирная история – 2011. – № 5. С. 7.

экономической политики и постепенное включение Китая в мировую экономику усилили мобильность населения и расширили географию китайской миграции; глобализация и развитие международных образовательных и деловых контактов, а также формирование транснациональных экономических связей способствовали заметному увеличению числа китайских мигрантов за рубежом[107];

4. период с начала XXI в. и до настоящего времени часто рассматривается исследователями как этап формирования новой волны китайской миграции, связанной с появлением так называемых синь иминь – «новых мигрантов». Для этой группы характерны более разнообразные мотивы и формы мобильности, включая образовательную, предпринимательскую и высококвалифицированную трудовую миграцию, а также активное участие в транснациональных экономических и социальных сетях[108].

Таблица 1. Категории китайских мигрантов

Категория	**Описание**
Хуагун (华工)	Более известным обозначением данной категории мигрантов является термин «кули». Так называли китайских рабочих конца XIX – начала XX века, которые выезжали за пределы Китая на основании трудовых контрактов. Как правило, речь шла о низкооплачиваемой работе, сопровождавшейся тяжелыми условиями труда и ограниченными социальными гарантиями.
Хуаминь (华民)	Китайцы.
Хуацяо (华侨)	Зарубежные китайцы.
Хуарен (海外华人)	Этнические китайцы с зарубежным гражданством.

107 Чэнь Литэ. История китайских эмигрантов. Литэ Чэнь. Народный издательский дом Шаньси, 2014. С. 41-43.

108 «Синь Иминь» – это «новые» мигранты, покинувшие Китай после 1978 г., вне зависимости от целей их миграции, легального статуса и гражданства. См.: Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. – Томск: Томский государственный университет, 2012. С. 207.

Продолжение таблицы 1

Категория	Описание
Хуацяо хуажень (华侨华人)	Зарубежные китайцы, вне зависимости от их гражданства.
Хуаи (华裔)	Под данной категорией понимаются этнические китайцы, являющиеся потомками хуацяо и хуажэнь, которые родились и выросли за пределами Китая.
Тайкунжень (太空人)	К данной категории относятся китайские мигранты, чья трудовая и деловая деятельность не ограничивается одной страной. Они могут работать или вести бизнес сразу в нескольких государствах, перемещаясь между ними и выстраивая транснациональные экономические связи.
Синь иминь (新移民)	Группа так называемых «новых» мигрантов – людей, покинувших Китай после начала политики реформ и открытости в 1978 г. Термин не закреплен официально, но широко используется для обозначения новой волны эмиграции, возникшей в условиях экономических преобразований и усиления международной мобильности населения Китая.

Таблица 2. Количество зарубежных китайцев в мире и по континентам в период 1948-1978 гг.

Год	Всего в мире	В Европе
1948	8 271 204	53 759
1952	12 536 206	11 547
1955	14 126 723	13 794
1960	15 385 245	15 779
1962	16 359 183	20 505
1965	17 563 448	34 142
1968	18 298 045	62 092
1970	19 293 802	112 085
1973	21 063 441	141 600
1975	22 025 482	187 520
1978	24 037 274	322 148

Источник: составлено автором по материалам The population of Modern China. – London: Plenum Press, 1992. – 757 p.

Данные показывают постепенное расширение географии китайской миграции и рост численности зарубежных китайских сообществ, в том числе в европейском регионе, что стало одной из предпосылок формирования устойчивых диаспоральных сетей в странах Европы.

С начала 1980-х до начала 1990-х гг. ежегодно из Китая выезжало примерно 180 тыс. чел., при этом около пятой части миграции приходилось на нелегальные формы. Близкую картину описывает китайский исследователь Чжуан Готу. По его данным, в указанный период около 1,4 млн китайских граждан направились в развитые страны, тогда как еще примерно 100–200 тыс. человек выбрали развивающиеся государства Юго-Восточной Азии – в

частности Таиланд, Филиппины, Индонезию и Малайзию[109].

Характерной особенностью этого периода стало появление новой категории мигрантов, которых исследователи часто называют «мигрантами-предпринимателями». В отличие от более ранних волн китайской диаспоры, эти люди нередко не имели устойчивых семейных или земляческих связей с китайскими диаспорами в странах назначения и ориентировались прежде всего на возможности ведения бизнеса. Значительная часть таких мигрантов направлялась в страны Центральной и Восточной Европы, где в условиях экономической трансформации открывались новые ниши для торговли и малого предпринимательств[110]. Одновременно в этот период китайское руководство столкнулось с другой проблемой – так называемым «невозвратом» студентов и молодых специалистов. Значительная часть китайской молодежи, отправлявшейся на обучение или научную стажировку за рубеж, после окончания учебы стремилась закрепиться в принимающих странах, прежде всего в США и государствах Европейского союза. Подобная тенденция рассматривалась китайскими властями как потенциальная угроза утраты интеллектуальных ресурсов и формирования эффекта «утечки мозгов».

В начале XXI века, по оценкам ООН, наблюдалось значительное увеличение миграции из Китая, что превзошло показатели, зафиксированные в 1980–1990-е годы. Этот процесс сопровождался резким ростом числа китайских мигрантов, рожденных в КНР, в странах-реципиентах, начиная с XIX века. Даже при самых сдержанных оценках, очевидно, что масштабы миграции в последние годы XX века и в начале XXI века были значительными (см. табл. 3).

Примечательно, что экономические кризисы не оказывают заметного влияния на сокращение китайской миграции, скорее способствуя перераспределению потоков между легальными и нелегальными формами миграции.

109 Zhuang Guotu. Dui jin 20 nian huaren guoji yimin huodong de ji dian kaolu [Чжуан Готу. Размышлени я о нескольких особенностях китайской миграции в последние 20 лет]. // Huaqiao huaren lishi yanjiu. – 1997. – № 2. P. 3.

110 Skeldon R. Myths and realities of Chinese irregular migration. // IOM Migration Research, 2000. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mrs_1_2000.pdf (дата обращения: 21.02.2024)

Важно отметить, что рост миграционных потоков из Китая в указанный период был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, Китай переживал период интенсивных экономических преобразований, что создавало как возможности, так и вызовы для населения, мотивируя людей к поиску лучшей жизни за границей. Во-вторых, страны-реципиенты стали более открытыми для иностранной рабочей силы, особенно на фоне глобализации и растущего спроса на дешёвую рабочую силу.

Также заслуживает внимания вопрос о влиянии экономических кризисов на миграцию. В то время как кризисы часто приводят к снижению общего уровня миграции, в случае с Китаем можно наблюдать иную динамику. Внутреннее перераспределение между легальной и нелегальной миграцией, упомянутое в тексте, указывает на то, что экономические трудности могут подталкивать людей к поиску альтернативных, нередко нелегальных путей миграции. Это также может быть связано с тем, что легальные пути миграции становятся менее доступными в условиях кризиса, что заставляет людей искать другие способы покинуть страну.

Таблица 3. Масштабы миграции из Китая по странам Европы в период 1995-2004 гг. (тыс. чел.)

Страна	1995	2000	2002	2004
Бельгия	0,7	0,9	1,7	1,5
Финляндия	0,2	0,3	0,5	0,5
Франция	0,9	1,9	2,4	2,9
Венгрия	1,3	1,1	0,8	0,7
Италия	-	15,6	-	10,8
Норвегия	0,3	0,4	0,7	0,6
Польша	0,4	0,5	0,6	0,6
Испания	-	4,9	7,4	14,6
Великобритания	1,1	1,2	18,7	18,6
Всего	**4,9**	**26,8**	**32,8**	**50,8**

Источник: составлено автором по материалам Pieke F. Recent Trends in Chinese Migration to Europe: Fujianese Migration in Perspective. – Geneva: International Organization for Migration, 2006. – 57 p.

В 1970-1980-х годах география выезда китайских мигрантов была в значительной степени обусловлена уже существующими маршрутами, которые следовали за сообществами зарубежных китайцев. Эти диаспоры поддерживали тесные связи с родными регионами, известными как цяосян. Устойчивые каналы связи сыграли важную роль в увеличении потока миграции из Китая, особенно из прибрежных провинций Гуандун, Фуцзянь и Чжэцзян, которые к концу 1970-х годов стали основными поставщиками мигрантов[111].

С началом экономических реформ и политики открытости в Китае сформировались предпосылки для появления нового типа мигрантов. Если в более ранние периоды типичным представителем китайской эмиграции был выходец из южных провинций с относительно низким уровнем образования, который покидал страну в поисках заработка и лишь со временем добивался экономического успеха за рубежом, то в условиях реформ ситуация постепенно изменилась. Все большее число граждан Китая стало выезжать за границу уже обладая достаточно высоким уровнем образования, ориентируясь прежде всего на продолжение обучения, профессиональное развитие или построение карьеры в международной среде[112].

Социально-демографический профиль таких мигрантов также отличался от прежних волн эмиграции. Современный «новый» китайский мигрант, как правило, представляет собой молодого человека, чаще мужчину, примерно тридцатилетнего возраста, обладающего образованием выше среднего уровня. Данные переписи населения КНР 1995 г. подтверждают эту тенденцию: около 62% китайских мигрантов составляли мужчины, при этом 71% из них находились в возрастной группе от 18 до 39 лет, а примерно 37% имели высшее образование. Показатели свидетельствуют о постепенном изменении качественной структуры китайской эмиграции и росте доли квалифицированных и образовательных миграционных потоков.

111 Исследование истории и текущей ситуации миграции из Цинтяня. Историческая справка по выезжа ющим китайцам. 1998. № 3. С. 52.
112 Smith P. Human smuggling: Chinese migrant trafficking and the challenge to America's immigration tradit ion. – Washington: D.C., 1997. P. 63.

Таблица 4. Главные социо-демографические характеристики «новых» китайских мигрантов

Характеристика	Мигранты, %
Пол:	
Мужской	63,03
Женский	38,97
Возраст:	
0-17 лет	5,60
18-39 лет	72,47
Старше 40 лет	24,93
Семейный статус:	
Семейные	38,87
Одинокие	63,13
Образование:	
Без образования	**1,15**
Начальная школа	12,97
Средняя школа	28,75
Старшая школа	23,08
Колледж	38,05
Место выхода:	
Город	65,04
Округ	7,47
Сельская местность	29,59

Источник: Zai Liang, Hideki Morooka Recent Trends of Emigration from China: 1982-2000 // International Migration. – 2004. – Vol. 42. – № 3. P. 153.

Анализ регионального происхождения китайских мигрантов показывает заметные различия в их социальном и образовательном профиле. Так, среди выходцев из провинции Фуцзянь около 66% составляют жители сельской

местности, тогда как мигранты из Пекина практически полностью имеют городское происхождение – их доля достигает 99%. Существенные различия наблюдаются и в уровне образования: если среди мигрантов из Фуцзяни преобладают люди со средним образованием (около 76%), то среди пекинских мигрантов примерно 77% обладают высшим образованием[113].

Сферы занятости китайских мигрантов достаточно разнообразны, однако наибольшая концентрация наблюдается в торговле, сфере услуг, промышленном производстве и сельском хозяйстве. Показательны результаты исследования, проведенного среди 40 тыс. легальных мигрантов из уезда Цинтянь (провинция Чжэцзян), покинувших Китай в период с 1979 по 2000 гг. Около половины из них ранее занимались сельским хозяйством, 2% были рабочими, 12% – коммерсантами, 7,5% – студентами и примерно 5% относились к категории государственных служащих[114]. Такая структура объясняется тем, что миграция из Чжэцзяна традиционно развивалась через семейные и земляческие связи, что способствовало преобладанию низкоквалифицированной трудовой миграции. В то же время миграционные потоки из Пекина или, например, провинции Хэйлунцзян отличались иной социальной структурой, где заметную долю составляли студенты и специалисты.

Современная волна китайской миграции формируется по нескольким основным направлениям. К ним относятся образовательная миграция, связанная с обучением за рубежом; трудовая миграция, включающая как низкоквалифицированных работников, так и специалистов высокой квалификации; техническая и профессиональная мобильность; деловая миграция, представленная предпринимателями и инвесторами; семейная миграция, основанная на воссоединении с родственниками; а также нелегальные формы перемещения населения.

Так, последовательное усиление интеграционных процессов способствует

113 Zai Liang, Hideki Morooka Recent Trends of Emigration from China: 1982-2000 // International Migratio n. – 2004. – Vol. 42. – № 3. P. 154.
114 Zai Liang, Hideki Morooka Recent Trends of Emigration from China: 1982-2000 // International Migratio n. – 2004. – Vol. 42. – № 3. P. 155.

пропорциональному усилению миграционных тенденций, наделяя вопрос миграции ролью инструмента по качественному ответу на современные вызовы и угрозы, к которым мы относим осложнение социально-экономических условий жизни населения, региональные конфликты, гуманитарные проблемы, а также заинтересованность отдельных стран в выходе из негативных последствий, обусловленных пандемией коронавируса. Эти тенденции находят свое отражение в отчете Всемирного Банка «Доклад о мировом развитии 2023: Мигранты, беженцы и общества», в соответствии с которым международная миграция на современном этапе составляет около 290 млн. человек по состоянию на конец 2022 г. (281 млн. – 2020 г., 222 млн. – в 2010 г. 192 млн. – в 2000 г.)[115].

Статистика указывает на последовательный рост количества мигрантов (в особенности, в связи с «сирийским кризисом», «украинским кризисом», «израильским кризисом», «нагорно-карабахским кризисом»). Примечательно, что исходя из отчета за 2020 г., гендерная структура также является фактически равной (52% – мужчины, 48% – женщины; 74% – в трудоспособном возрасте от 20 до 65 лет)[116], что ставит вопрос о применении потенциала 290 млн. человек для обеспечения экономического роста международного сообщества в целом, включая актуализацию вопросов обеспечения интеграции и адаптации каждого человека в странах пребывания.

Так, активное влияние глобализации позволило выдвинуть в рамках данного параграфа работы допущение о системной трансформации миграционных процессов на современном этапе, главной чертой которых выступает появление новых элементов влияния на миграцию, а также усиление влияния международной миграции на политическую, социальную, торгово-экономическую, трудовую, духовную сферу общественного взаимодействия. Результаты данного процесса приводят к изменению рынка труда, трансферу производственных ресурсов, пересмотру миграционного

115 World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies. // A World Bank Group Flagship Re port, 2023. URL: https://bit.ly/wdr2023fullEN (дата обращения: 14.02.2024).
116 World Migration Report 2020. // ION UN Migration. URL: https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2020-i nteractive/ (дата обращения: 15.02.2024).

законодательства на национальном и международном уровне, в том числе – способствуют последовательному сближению представителей разных этносов, культур из разных стран[117].

В данном контексте представляется целесообразным обратиться к оценкам экспертов Глобального Института МакКинси (McKinsey Global Institute), представленным в аналитическом докладе «Влияние и возможности глобальной миграции» (2016 г.). В исследовании подчеркивается, что в современных условиях международная миграция становится значимым фактором роста глобальной производительности труда. По оценкам авторов отчета, мигранты вносят ощутимый вклад в развитие экономик как стран, принимающих рабочую силу, так и государств происхождения[118]. Отмечается, что участие мигрантов в экономической деятельности способствует расширению рынков труда, повышению деловой активности и формированию дополнительных финансовых потоков, включая денежные переводы в страны происхождения. В результате миграционные процессы оказывают комплексное влияние на мировую экономику, стимулируя ее развитие и усиливая взаимосвязанность национальных хозяйственных систем.

Отметим дискуссионность указанной точки зрения, учитывая, что для страны-донора более явными видятся не положительные, а негативные аспекты демографического характера, экономического характера (отток рабочей силы, квалифицированных кадров, «отток мозгов» и интеллектуальных элит, молодого поколения), что в целом позволяет выдвинуть допущение о том, что негативные факторы будут перевешивать позитивные факторы миграции для страны-донора.

С точки зрения Г. Абеля из Шанхайского университета, одной из магистральных тенденций на современном этапе выступает перемещение мигрантов на внутрирегиональном уровне (к примеру, из Латинской Америки в

117 Думнова Э.М. Основные тенденции трансформации социокультурного пространства в условиях межд ународной миграции. // Идеи и идеалы. – 2022. – № 3. С. 127.
118 People on the move: global migration’s impact and opportunity. Executive summary. // McKinsey Global Institute. December 2016. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/industries/public%20and%20social%20sector/our%20insights/global%20migrations%20impact%20and%20opportunity/mgi-people-on-the-move-full-report.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

Северную Америку, внутренняя миграция на европейском направлении, в Азии)[119].

В завершение следует обратиться к выводам Р. Фридберг, которая в своем исследовании обращает внимание на образовательные и профессиональные характеристики китайских мигрантов в США. По ее оценкам, значительная часть выходцев из Китая, прибывающих в страну с образовательными или профессиональными целями, получает полноценное высшее образование, при этом около десяти процентов достигают уровня докторской степени[120]. Высокий уровень образования существенно облегчает их включение в американский рынок труда и снижает риски, связанные с поиском работы. В результате китайские специалисты заметно представлены в научно-технических и медицинских сферах. Так, в ряде штатов (прежде всего в Нью-Йорке, Пенсильвании и Калифорнии) доля специалистов китайского происхождения в медицинской отрасли достигает примерно четверти от общего числа работников. Подобная ситуация во многом объясняется устойчивой ориентацией китайских мигрантов на профессиональную деятельность в научных, технических и высококвалифицированных секторах экономики[121].

Формирование так называемой «новой» китайской миграции связано с совокупностью как внутренних, так и внешних факторов, которые особенно заметно проявились в конце XX – начале XXI вв. В этот период значительно расширилась география миграционных потоков, что привело к росту численности китайского населения в странах назначения. Экономический подъем Китая сыграл важную роль так как способствовал появлению новой социальной группы мигрантов и одновременно расширил круг регионов страны,

119 Abel G. Estimates of Global Bilateral Migration Flows by Gender between 1960 and 2015. // Internationa lMigration Review. 2016. Vol. 52. № 3. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/156310/1/846744708.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

120 Rachel M. Friedberg. The economic impact of knowledge workers from India and China. // Movement of Global Talent: The Impact of High Skill Labor Flows from India and China. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, 2007. URL: https://www.brown.edu/Departments/Economics/Faculty/Rachel_Friedberg/Links/Friedberg%20Princeton.pdf (дата обращения: 16.02.2024).

121 Rachel M. Friedberg. The economic impact of knowledge workers from India and China. // Movement of Global Talent: The Impact of High Skill Labor Flows from India and China. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, 2007. URL: https://www.brown.edu/Departments/Economics/Faculty/Rachel_Friedberg/Links/Friedberg%20Princeton.pdf (дата обращения: 16.02.2024).

из которых происходит выезд за рубеж. Если ранее миграция в значительной степени опиралась на семейные связи и традиционные диаспоральные каналы, то в условиях экономических преобразований усилилось значение профессиональных форм мобильности. Поездки за границу все чаще стали связаны с обучением, предпринимательской деятельностью и трудовой занятостью, что постепенно включило китайских граждан в более широкие глобальные миграционные процессы.

К началу XXI в. китайские мигранты стали одной из наиболее заметных этнических групп среди международных миграционных потоков в Европе. Это объясняется не только ростом их численности, но и тем, что культурные особенности, образ жизни и внешняя отличительность делают китайские диаспоры достаточно заметными в социальной структуре принимающих обществ. Численность китайского населения в европейских странах продолжает увеличиваться. По оценкам на 2021 г., на территории Европейского союза проживало около 3,75 млн человек китайского происхождения, наибольшая их концентрация наблюдалась в Германии, Испании, Франции и Италии.[122]. Уже к началу 2023 г. эта цифра приблизилась к 4 млн человек, что подтверждает устойчивую тенденцию роста китайского присутствия в европейском пространстве[123].

К концу 2024 г. в Европе проживало около 2,5 млн чел. китайского происхождения или родившихся в Китае[124].Предварительные данные статистических ведомств ЕС, которые будут скорректированы и окончательно утверждены уже в конце 2026 г., оценивают число мигрантов из Китая примерно в 178,7 тыс. человек за 2025 г., из которых около 100 тыс. человек из Китая уже получили первый вид на жительство в ЕС, при том, что около 38% из них переехали в Европу для получения образования, около четверти – ради

122 Total number of citizens of the People's Republic of China living in the countries of the European Union in 2021. // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/1419107/eu-china-relations-chinese-citizens-living-europe/ (дата обращения: 22.02.2024).

123 Number of Chinese people living overseas 2012 and 2022, by continent. // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/632850/chinese-nationals-number-overseas-by-continent/ (дата обращения: 22.02.2024).

124 Amount of Chinese population living overseas 2024. // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/632850/chinese-nationals-number-overseas-by-continent/?srsltid=AfmBOoofEJ2cHY6z2gwL6VlNm6psxlReMZvP3Lvl1q943AsiPmA-IKot (дата обращения: 24.01.2026).

воссоединения с семьями, еще четверть – ради работы[125].

В последние годы этнический ландшафт Европы, связанный с китайской миграцией, становится все более сложным и разнообразным, а китайские диаспоры приобретают больше разнообразия не только по происхождению, образованию, навыкам и опыту миграции, но и по сферам и направлениям их деятельности.

Дополнительным эмпирическим показателем актуализации китайской внешней мобильности в 2024-2025 гг. выступает постпандемийное восстановление трансграничных перемещений и «разморозка» основных каналов поездок, обучения и временной занятости. Так, по данным национальных иммиграционных органов КНР, в 2024 г. через пограничный контроль прошло около 610 млн въездов-выездов, что означает рост на 43,7% к предыдущему году; при этом поездки иностранных граждан составили 64,9 млн (+82,9% г/г), а число безвизовых въездов достигло 20,1 млн (+112,3% г/г), что фиксирует не только рост туристско-деловой мобильности, но и расширение инфраструктуры контактов с европейскими странами на уровне визовых режимов. Одновременно с этим восстанавливается образовательный и трудовой контур мобильности: набор иностранных студентов в КНР в 2022/23 уч. году вырос по сравнению с 2021/22, а внешняя трудовая мобильность по линии международной трудовой кооперации в 2024 г. составила 409 тыс. направленных работников (+18% к 2023 г.), при почти 600 тыс. работников, находившихся за рубежом по этой линии к концу 2024 г., что позволяет трактовать современный этап не как статичное накопление диаспоры, а как динамичную систему разноформатных перемещений (деловых, образовательных, трудовых), усиливающих плотность транснациональных сетей Китая в мире и в европейском направлении[126].

Современную китайскую миграцию в Европу можно рассматривать как

125 Migration in the EU: data, trends, and policy shifts in 2025. // Immigrant Invest. 19 January, 2026. URL: https://immigrantinvest.com/reports/eu-migration-statistics/ (дата обращения: 24.01.2026).
126 International Migration Outlook 2025: China profile. // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/11/international-migration-outlook-2025_355ae9fd/full-report/china_45add11a.html (дата обращения: 27.01.2026).

результат сочетания идеи мультикультурализма, принятой странами-реципиентами в Европе, и стратегии «идти вовне», проводимой Китаем[127]. Стратегия «идти вовне» (走出去) выступает не общим лозунгом «глобализации» Китая, а официальной линией, закрепленной КНР еще в документах начала 2000-х гг., нацеленной на расширение внешнего присутствия страны в зарубежных странах[128].

Еще в докладе о 10-м пятилетнем плане 2001 г. «идти вовне» определялось как отдельное направление, предполагающее стимулирование развития внешнеполитической и внешнеэкономической активности и выстраивание механизмов развития китайского присутствия за рубежом (в основном – интересы бизнеса)[129].В политико-доктринальном плане эта установка была закреплена и на уровне партийной стратегии: в докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК 2002 г. прямо сформулировано наставление «привлекать внутрь» и «выходить вовне» как логика нового этапа открытости и участия в международном сотрудничестве[130].

Важно, что «идти вовне» – это и про людей как носителей возможностей внешнего расширения. Политика «идти вовне» способствовала не только расширению внешнеэкономического присутствия Китая, но и росту транснациональной мобильности китайских граждан. Развитие зарубежных инвестиционных и инфраструктурных проектов сопровождалось увеличением числа специалистов, предпринимателей, студентов и представителей деловых кругов, вовлеченных в международные формы экономического и образовательного взаимодействия.

Рост китайской миграции в Европу обусловлен различными факторами,

127 Алешковский И.А., Кузовлев С.С. «Новая» миграция как фактор формирования китайской диаспоры в Европейском Союзе. // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2019. – № 2. С. 29.

128 Мельков С.А., Алейникова Л.Г., Лябах А.Ю. От традиционности к модернизации: нам с Китаем по пути? // Власть. – 2021. – № 5. – С. 298-304.

129 Доклад о проекте Десятого пятилетнего плана национального экономического и социального развития от 15 марта 2001 г. // Официальный веб-портал Центрального Народного Правительства КНР. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/200709/P020191029595690318727.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

130 Full text of Jiang Zemin's report delivered at the 16th National Congress of the Communist Party of China (CPC) on November 8, 2002. // People's Daily Online. URL: https://en.people.cn/200211/18/eng20021118_106983.shtml (дата обращения: 25.01.2026).

которые побуждают мигрантов покидать Китай и искать работу или учебу в европейских странах. Либерализация китайской экономики и рост международной торговли между Китаем и Европой внесли значительный вклад в миграционные потоки. Кроме того, хорошо налаженные семейные связи позволили мигрантам следовать за своими друзьями и родственниками в устоявшиеся диаспоры в городах по всей Европе.

Так, с точки зрения миграционной теории «толчка-выталкивания»[131] привлекательность европейских стран для китайских мигрантов может быть объяснена совокупностью факторов, формирующих одновременно давление со стороны страны происхождения и притягивающие условия в странах назначения. В данном случае речь идет о комплексе историко-географических, политических и социально-экономических обстоятельств, а также образовательных возможностей, которые делают европейское направление одним из значимых векторов современной китайской миграции. Именно сочетание этих факторов формирует устойчивый интерес китайских граждан к странам Европы и способствует сохранению стабильных миграционных потоков.

В контексте китайской миграции выталкивающие факторы можно условно свести к двум ключевым направлениям. Во-первых, существенное влияние оказали внутренние экономические преобразования, начавшиеся в Китае в конце XX в. Быстрый экономический рост 1990-х годов во многом стал следствием либерализации государственной политики, направленной на развитие рыночных механизмов, расширение частного сектора и глубокую реорганизацию ранее доминировавших государственных предприятий. Это непосредственно стимулировало часть населения искать новые возможности за пределами страны. Не только увеличение объемов торговли и прямых иностранных инвестиций, но и реформа государственных предприятий в конце 1990-х гг. имела различные последствия, по-разному повлияв на регионы Китая. Реформы государственных предприятий привели к закрытию или передаче

131 Lee E. A Theory of Migration // Demography. – 1996. – Vol. 3. – № 1. – Pp. 47-65.

многих малых и средних предприятий в частные руки или совместные холдинги, что привело к увольнениям десятков миллионов сотрудников государственных предприятий, что сильно повлияло на промышленное сердце Китая на северо-востоке. Большинство из уволенных рабочих мигрировали внутри Китая; однако значительная часть из них также отправилась в Европу в поисках новых возможностей[132].

Во-вторых, из-за экономической реформы Китай пережил экономическое развитие, которое привело к росту среднего класса. Поэтому все большее число китайцев начали переезжать из сельской местности в крупные города из-за значительного неравенства между городским и сельским благосостоянием. Рынок труда в городах не мог справиться с большим количеством людей, приезжающих из сельской местности. Следовательно, многие люди начинают переезжать из сельской местности напрямую в новые страны с мечтой добиться успеха через открытие небольшого семейного нового бизнеса[133].

Выбор страны назначения для китайских мигрантов определяется не только особенностями миграционной политики принимающих государств. Существенную роль играют и более широкие социально-экономические факторы: уровень благосостояния населения, состояние национального рынка труда, а также интенсивность экономического взаимодействия конкретной страны с Китаем. Наряду с этим важным обстоятельством выступает наличие уже сложившейся китайской диаспоры. Сформированные диаспоральные сети облегчают адаптацию новых мигрантов, создают каналы поддержки и информации, тем самым выступая своеобразным механизмом обратной связи, который способствует дальнейшему притоку миграции[134].

Китайская миграция в европейские страны обладает своей спецификой, связанной с различиями исторического и культурного развития Китая и Европы.

132 Chinese migration to Europe: challenges and opportunities. Report. // Parliamentary Assembly of the Coun cil of Europe, 2015. URL: http://www.assembly.coe.int/LifeRay/MIG/pdf/TextesProvisoires/2015/20150000-Chines eMigration-EN.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

133 Baldassar L., Graeme J., McAuliffe N., Bressan M., Chinese Migration to Europe. Prato, Italy, and Beyon d. – London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 18.

134 Слука Н.А., Коробков А.В., Иванов П.Н. Китайская диаспора в странах ЕС // Балтийский регион. – 2018. – № 3. С. 88.

Китайское и европейские общества складывались в разных социальных и политических условиях, что отразилось на повседневных нормах, формах общественного взаимодействия и представлениях о роли человека в обществе. Эти различия сохраняются и в условиях современной миграции, влияя на отношения между китайскими мигрантами и принимающей средой.

В исследованиях, посвященных китайской миграции, культурный фактор нередко рассматривается как одна из причин, влияющих на особенности адаптации китайских мигрантов в европейских странах. В частности, С. Хантингтон писал о существовании различий между западной и китайской цивилизациями, которые формировались самостоятельно и опирались на разные исторические и ценностные основания[135]. Несмотря на неоднозначное отношение исследователей к концепции «столкновения цивилизаций», отдельные ее положения используются при анализе современных миграционных процессов и контактов между различными культурными пространствами.

В этом контексте китайская миграция в европейские страны представляет собой не только движение трудовых ресурсов или образовательную мобильность, но и процесс постоянного социального и культурного взаимодействия между различными моделями идентичности, ценностей и общественной организации. Усиление транснациональной мобильности, расширение международных образовательных и экономических связей, а также рост китайских диаспор в Европе способствуют формированию устойчивых каналов межкультурного взаимодействия, одновременно создавая новые вызовы для интеграционной политики принимающих государств. Поэтому, полагаем, что китайская миграция в Европу может рассматриваться как часть более широких глобальных процессов, связанных с усилением международной взаимозависимости, транснациональных контактов и взаимодействия различных культурно-цивилизационных моделей в современном мире.

135 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? //Полис. Политические исследования. – 1994. – № 1. С. 40.

Таким образом, современная китайская миграция представляет собой сложный и многоуровневый процесс, связанный с экономической модернизацией КНР, расширением международной мобильности и формированием устойчивых транснациональных связей. Рост китайского присутствия в Европе сопровождается диверсификацией миграционных потоков, увеличением роли образовательной и высококвалифицированной миграции, а также укреплением диаспоральных сетей. В условиях расширения международного взаимодействия между Китаем и странами Европейского союза данные процессы оказывают влияние не только на экономические и демографические аспекты, но и на вопросы интеграции, идентичности и межкультурного взаимодействия.

1.4 Особенности современной китайской диаспоры за рубежом

Экономическая активность китайских мигрантов на протяжении длительного времени выступает одной из характерных черт функционирования китайских диаспор за пределами страны происхождения. Наблюдения исследователей показывают, что представители китайской диаспоры часто занимают должности в предпринимательской и торговой сфере, что во многом связано с исторически сложившимися моделями хозяйственной активности и с развитой системой построения взаимоотношений внутри диаспоры. По оценкам Института азиатских исследований Университета Гонконга, приблизительно 16% китайских мигрантов ведут собственный бизнес, около 45% заняты в торговле, примерно 32 % работают на предприятиях в качестве технических специалистов, менеджеров или рабочих, тогда как около 16% находят применение в сферах образования, журналистики и издательской деятельности[136].

Не менее важной особенностью китайских диаспор за рубежом является

136 Fullbrook D. Chinese migrants and the power of guanxi. // Asia Times Online. 30.07.2011. URL: http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/FG30Ae04.htm (дата обращения: 13.06.2024).

сохранение устойчивых контактов с регионами исхода. Тесные связи выполняют не только культурную или символическую функцию, но и формируют практические механизмы поддержки, благодаря которым новые мигранты получают доступ к информации, финансовой помощи и каналам трудоустройства. В результате возникают устойчивые сообщества для взаимопомощи, играющие ключевую роль в адаптации мигрантов в принимающих обществах.

Организация китайских сообществ в разных странах нередко складывалась по принципу регионального происхождения. Мигранты, происходящие из одних и тех же провинций Китая, как правило, поддерживали плотные социальные и экономические контакты, что отражалось и в структуре расселения. Они стремились селиться рядом друг с другом, формируя локальные диаспорные кластеры. Так, значительная часть китайского населения на Филиппинах имеет корни в провинции Фуцзянь, среди китайцев Калифорнии заметную долю составляют выходцы из Тайшаня в провинции Гуандун, тогда как китайская диаспора Южной Кореи во многом связана с провинцией Шаньдунь[137]. В ряде случаев регион происхождения оказывал влияние и на профессиональную специализацию мигрантов.

Изменения в структуре китайской диаспоры начали происходить в конце XX в., когда сформировалась новая волна миграции. Одними из ее первых представителей стали выходцы из провинции Фуцзянь, которые с середины 1980-х гг. стали активно переселяться в страны Западной Европы[138]. До этого в европейских китайских диаспорах доминировали мигранты из Гонконга и Чжэцзяна. Появление новых групп сопровождалось определенной настороженностью со стороны более давних диаспор, однако их реакция не смогла остановить дальнейшее расширение миграционных потоков.

Со временем примеру фуцзяньских мигрантов последовали выходцы и из других традиционных регионов эмиграции. Расширение географии переселения

137 Мотивы и условия миграция китайцев из г. Чанлэ, провинции Фуцзянь в Америку в последние 20 лет // Китайская историческая драма. 2006. № 1. С. 2.
138 Ma L., Cartier C. The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity. – Lanham: Rowman & Lit tlefield, 2003. P. 21.

привело к тому, что китайские диаспоры стали формироваться в новых странах и регионах, где новые мигранты нередко отличались от прежних поколений по социальному положению, профессиональной специализации, культурным практикам и образовательному уровню. В результате китайская диаспора постепенно приобретала более сложную и расширенную структуру.

Изменения также затронули и субэтническую структуру китайской диаспоры. Если в более ранний период значительная доля мигрантов происходила из кантонского региона, то со временем эта пропорция существенно сократилась: с 12,3% в 1959 г. до 5,5 % к концу 1980-х гг. Одновременно резко увеличилось представительство выходцев из Шанхая, доля которых выросла с 1% до 16%[139]. Статистика указывает на постепенное расширение географии миграционных потоков и свидетельствует о том, что китайская эмиграция стала включать представителей всё большего числа регионов страны.

Новая волна миграции отличается не только изменением регионального состава, но и иными социально-экономическими характеристиками ее участников. Значительная часть так называемых «новых» мигрантов обладает более высоким уровнем образования, профессиональной подготовки и материальных ресурсов, чем представители прежних поколений. Это обстоятельство заметно повлияло на облик зарубежных китайских диаспор. Традиционные виды экономической деятельности, прежде занимавшие центральное место в жизни диаспоры (прежде всего, ресторанный бизнес и мелкая розничная торговля) постепенно теряют монопольное значение, уступая место более разнообразным и современным формам профессиональной занятости.

Изменились и модели расселения. Ранее китайские мигранты преимущественно концентрировались в т.н. чайна-таунах, которые выполняли функцию своеобразных центров взаимной поддержки для переселенцев с

139 Hong Liu. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // Journal of Contemporary C hina. – 2005. – Vol. 43. P. 300.

ограниченными ресурсами и невысоким социальным статусом. В последние десятилетия увеличение числа низкоквалифицированных «новых» мигрантов, осевших в традиционных китайских кварталах, привело к росту конкуренции на местных рынках труда и, как следствие, к снижению уровня заработной платы. В подобных условиях представители старых диаспор и новые мигранты начинают искать работу за пределами чайна-таунов, что еще несколько десятилетий было редкостью.

При этом для современной китайской диаспоры характерно сохранение интенсивных связей с Китаем. Развитие мобильности и современных коммуникационных технологий существенно упростило поддержание контактов с родиной. Многие мигранты регулярно коммуницируют и поддерживают связи с родственниками, коллегами и деловыми партнерами в Китае, участвуют в транснациональных экономических и социальных сетях.

Меняется и характер отношения к исторической родине. Если в прошлом сохранение культурной идентичности и чувство принадлежности к Китаю были в большей степени характерно для отдельных групп зарубежных китайцев, прежде всего связанных с традиционными «цяосян», то после начала политики реформ и открытости в конце 1970-х гг. наблюдалось заметное укрепление ментальной и политической связи диаспоры с Китаем. После начала реформ конца 1970-х гг. масштабы китайской миграции заметно выросли. Среди зарубежных китайцев усилился интерес к вопросам национальной принадлежности и отношения к стране происхождения. Для части китайской диаспоры связь с Китаем стала восприниматься как элемент собственной общественной и национальной самоидентификации.

На отношение зарубежных китайцев к КНР повлияли и изменения, произошедшие внутри самого Китая в последние десятилетия. Быстрый экономический рост страны, усиление ее позиций в мировой экономике и расширение политического влияния способствовали тому, что для многих представителей китайской диаспоры связь с Китаем приобрела дополнительное значение.

Китайское руководство, в свою очередь, уделяет большое внимание взаимодействию с зарубежными китайцами. Одним из направлений является поддержание устойчивых связей китайской диаспоры с Китаем, в том числе через образовательные, культурные и общественные программы. Внимание уделяется молодому поколению зарубежных китайцев. Для китайских властей важным остается сохранение у детей и молодежи, проживающих за пределами КНР, интереса к китайскому языку, истории и культурной традиции.

С этой целью организуются специальные образовательные и культурные поездки в Китай, направленные на знакомство молодых представителей диаспоры с языком, историей и культурой страны происхождения. По имеющимся данным, в подобных программах приняли участие более 7 тыс. человек, что можно рассматривать как один из инструментов формирования у них устойчивого интереса к китайской культуре и чувства принадлежности к китайской нации[140].

С процессами активизации связей диаспоры с Китаем тесно связана и практика транснационального образа жизни, которая получила отражение в феномене, известном как тайкунжэнь. Термином обозначается ситуация, при которой китайцы, проживающие за рубежом, сохраняют интенсивные контакты с родиной, регулярно совершая поездки в Китай и участвуя в экономических и профессиональных проектах, в то время как их семья может постоянно проживать в другой стране, например в государствах Европы или Северной Америки. Так, профессор Айва Он предложила концепцию «гибкого гражданства», подчеркивающую способность мигрантов использовать принадлежность к различным государственным и правовым системам в зависимости от экономических и социальных возможностей[141]. В похожей интерпретации австралийские и новозеландские исследователи, в частности Ип, Инглис и Ву, описывают эту модель как форму «инструментального

140 Взаимная гармония и сотрудничество с выигрышем для всех, построим исполненное живой силы со общество для зарубежных китайцев // Китай за рубежом. 03.07.2007. URL: http://www.chinaqw.com/news/2 00707/03/78232.shtml (дата обращения: 26.06.2024).

141 Ong L. Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality. – Durham: Duke University Press 1 999. P. 6.

гражданства», при которой юридическая и национальная принадлежность рассматривается прежде всего как ресурс для профессиональной и предпринимательской деятельности[142].

Рассмотренные процессы позволяют говорить о формировании новой модели идентичности диаспоры, где традиционные представления о национальной принадлежности сочетаются с логикой глобальной мобильности. Китайское государство активно участвует в конструировании этой модели, поддерживая контакты с зарубежными китайцами и стимулируя их участие в экономических и культурных проектах, связанных с Китаем. В результате возникает сложная система, в которой тесно переплетены национальная лояльность, культурная идентичность и прагматичные экономические интересы.

Расширение масштабов так называемой «новой» китайской миграции сопровождалось заметным расширением институциональной инфраструктуры диаспоры за пределами Китая. Прежде всего, это проявилось в росте числа китайских школ, культурных центров и средств массовой информации, ориентированных на зарубежные китайские сообщества. По некоторым оценкам, в настоящее время за пределами Китая функционирует более 500 китайских медиа-ресурсов, что отражает как демографическое расширение диаспоры, так и постепенное усиление ее информационного присутствия в принимающих странах[143]. Показательно, что значительная часть подобных медиа создаётся именно представителями новой волны мигрантов. Так, в Канаде около 72% китайских газет основаны новыми переселенцами, тогда как в Японии их доля достигает приблизительно 86%[144].

Китайское правительство проявляет заинтересованность в поддержании контактов с подобными медийными структурами. Зарубежные китайские СМИ рассматриваются не только как каналы коммуникации внутри диаспоры, но и

142 Ip D., Inglis C., Wu C. Concepts of Citizenship and Identity among Recent Asian Immigrants in Australi a // Asian and Pacific Migration Journal. – 1997. – № 3/4. P. 374.
143 Hong Liu. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // Journal of Contemporary C hina. – 2005. – Vol. 43. P. 302.
144 Hong Liu. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // Journal of Contemporary C hina. – 2005. – Vol. 43. P. 302-303.

как инструменты распространения информации о социально-экономическом развитии страны, ее политических достижениях и культурных инициативах. Через медиаплощадки поддерживается и укрепляется связь зарубежных китайцев с исторической родиной. В результате средства массовой информации выполняют важную функцию производства национальной идентичности и формируют устойчивый позитивный образ Китая среди сообществ китайской диаспоры в мире.

Вместе с развитием медиапространства китайские власти предпринимают шаги по объединению сетей зарубежных китайцев. Значительное внимание уделяется формированию различных объединений, ассоциаций и общественных организаций, которые выступают посредниками между государством и диаспорой. Одним из проявлений отмеченной политики стал принятый в 2006 г. трехлетний план под названием «Помогая хуацяо, развиваем родину и выигрываем»[145]. Предполагалось решить несколько взаимосвязанных задач. Речь шла, прежде всего, об укреплении контактов между представителями старой и новой миграции, а также о расширении взаимодействия между китайскими диаспорами, проживающими в Северной Америке, Европе и странах Юго-Восточной Азии. Одновременно подчеркивалась необходимость более тесной интеграции организаций диаспор с китайскими институтами и активного вовлечения молодого поколения зарубежных китайцев в деятельность подобных структур.

Китайская государственная политика в отношении зарубежных сообществ не ограничивается поддержанием культурных связей с диаспорой. КНР также стремится стимулировать активное участие зарубежных китайцев в социально-экономической жизни стран проживания. В официальных инициативах подчеркивается необходимость соблюдения законов принимающих государств, развития предпринимательской деятельности, популяризации китайской культуры и более широкого включения в

145 Ли Хайфэн: новые возможности в работе с хуацяо, открывшиеся после 17 съезда КПК // China Rev iew News. 12.10.2007. URL: http://cn.chinareviewnews.com/doc/1004/6/7/4/100467404.html?coluid=7&kindid=0&docid=100467404&mdate=1012122901 (дата обращения: 28.06.2024).

общественные процессы. Подобная линия направлена не только на укрепление экономических позиций китайских диаспор, но и на расширение их общественного присутствия в странах пребывания[146].

Рост масштабов китайской миграции и ее глобальная распространенность вызывают неоднозначную реакцию в международной академической и политической среде. Расширение транснациональных китайских сетей, экономическая активность диаспоры и ее демографический потенциал нередко становятся предметом дискуссий о возможных последствиях китайской миграции для мировой экономической и политической системы. В научной литературе можно встретить широкий спектр оценок – от осторожного оптимизма до выраженных опасений относительно долгосрочных последствий миграционных процессов.

Одним из ключевых факторов, вызывающих подобные дискуссии, является масштаб демографического потенциала Китая. Американский исследователь Р. Скелдон отмечает, что в условиях глобализации Китай может занять более заметное место в мировой миграционной системе и тем самым повлиять на характер миграционных процессов в принимающих странах[147]. Профессор Минь Чжоу допускает возможность наступления «нового века китайской миграции», рассматривая эмиграционные процессы как потенциально значимый фактор, способный изменить конфигурацию международной миграции[148].

С учетом подобных прогнозов перед Китаем и принимающими странами встаёт задача выработки более продуманных механизмов регулирования миграционных процессов. Для Китая это означает необходимость учитывать не только экономические аспекты международной мобильности населения, но и влияние миграционных сетей, диаспоральных структур и этнических

146 Ли Хайфэн: гармонизация структуры ассоциаций зарубежных китайцев – это надежды и ожидания з арубежных соотечественников // China Review News. 20.06.2007. URL: http://cn.chinareviewnews.eom/doc/1003/9/2/5/100392550.html? coluid=7&kindid=0&docid= 100392550 (дата обр ащения: 29.06.2024).

147 Skeldon R. China: From Exceptional Case to Global Participant // Migration Information Source. URL: http://www.migrationinformation.org/Feature/displav.cfin?ID=219 (дата обращения: 02.07.2024).

148 Min Zhou. The Chinese Diaspora and International Migration. // Social Transformations in Chinese Societi es. – 2006. – №1. – P. 172.

институтов, которые формируют устойчивые каналы перемещения людей и поддерживают связи между мигрантами и страной происхождения.

Вместе с тем ряд исследователей подчеркивает, что предпосылки для масштабного оттока населения из Китая в ближайшие десятилетия не выглядят очевидными. Так, Дж. Дуканес и М. Абелл в докладе Международной организации труда отмечают, что демографические изменения внутри страны могут существенно скорректировать миграционные тенденции. Сокращение доли молодого населения в сочетании с продолжающимся экономическим развитием Китая, по их оценкам, способно привести к тому, что к 2030 г. демографическое давление уже не будет выступать значимым стимулом международной миграции[149].

Тем не менее отдельные предпосылки для сохранения активности миграционных потоков остаются. Специалисты Международной организации труда указывают на сохраняющийся разрыв в уровне доходов и жизненных возможностей между сельскими и городскими районами Китая, который может продолжать стимулировать миграционную мобильность населения. Однако при сохранении устойчивых темпов экономического развития и постепенном повышении уровня жизни в различных регионах страны дисбаланс, по всей вероятности, будет постепенно сокращаться, что может привести к более умеренной динамике китайской эмиграции в долгосрочной перспективе[150].

В целом, несмотря на достигнутые Китаем экономические результаты и постепенное повышение уровня жизни населения, многие исследователи полагают, что миграционная активность китайцев сохранится и в ближайшие десятилетия. Речь, однако, идет не о росте масштабов эмиграции, а скорее о ее постепенном снижении. По прогнозам специалистов, в течение ближайших 15 лет китайская миграция будет сохранять заметные объемы, но станет менее интенсивной. Более того, к 2030 г. Китай, вероятно, будет выступать уже не как

149 Ducanes G., Abella M. Prospects for future outward migration flows: China and Southeast Asia. // ILO Asian Regional Programme on Governance of Labour Migration. Working Paper No 24. 2009. URL: https://www.ilo.org/media/342301/download (дата обращения: 04.07.2024).
150 World Population Prospects: The 2024 Revision // Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. URL: https://population.un.org/wpp/ (дата обращения: 04.07.2024).

источник, а как страна притяжения миграционных потоков[151].

Так, можно говорить о том, что «новая» китайская миграция существенно изменила традиционную модель китайской диаспоры. Современные зарубежные китайские сообщества становятся более глобализированными и одновременно более тесно связанными с Китаем. Расширение географии миграции, рост экономической активности китайцев за рубежом и развитие транснациональных сетей привели к усилению взаимодействия между диаспорой и государством происхождения. В результате формируются сложные организационные и институциональные структуры, через которые осуществляется поддержание контактов, обмен ресурсами и координация различных форм сотрудничества между Пекином и зарубежными китайскими сообществами.

При этом характер интеграции китайской диаспоры в принимающих обществах имеет собственную специфику. Хотя во многих странах наблюдаются процессы правовой и социально-экономической адаптации, они не сопровождаются полной культурной ассимиляцией. Китайские диаспоры, как правило, сохраняют устойчивую приверженность собственной этнокультурной традиции. Исследования показывают, что важнейшим элементом коллективной идентичности остается наследие ханьской культуры (汉), которое воспроизводится и поддерживается через семейные и общественные практики, культурные институты, образовательные инициативы и постоянные контакты с исторической родиной[152].

Китайская диаспора за рубежом отличается разветвленной структурой, что находит свое отражение и в используемой терминологии, позволяющей разграничивать различные категории мигрантов в зависимости от их гражданского статуса, степени интеграции в принимающее общество и

151 Pieke F. Editorial Introduction: Community and Identity in the New Chinese Migration Order // Populatio n, Space and Place. – 2010. – № 13. P. 92.
152 Zhiyu Zhang. Tracing Threads of Heritage: The Historical Role of Han Cultural Heritage and Diaspora R elations – A Sttudy of Han Cultural Heritage in the Chinese Museum of Penang. // 2024 10th International C onference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2024). URL: https://www.atlantis-press.com/pro ceedings/ichssr-24/126003091 (дата обращения: 27.01.2026).

характера связи с исторической родиной. Одним из ключевых понятий является термин хуацяо (华侨, huáqiáo), который традиционно применяется для обозначения китайских граждан, проживающих за пределами страны. Под данную категорию подпадают представители самых различных социальных и профессиональных групп – от рабочих и предпринимателей до студентов и преподавателей. В буквальном переводе слово хуацяо означает «китайский эмигрант» или «человек из Китая, находящийся за пределами родины» (хуа – Китай, цяо – человек, проживающий вдали от родины). В китайской и западной научной литературе представители этой категории нередко обозначаются более широким термином «заморские китайцы» (海外华人, hǎiwài huárén)[153].

Следует отметить, что в традиционном китайском представлении вопрос гражданства исторически играл менее значимую роль, чем происхождение и принадлежность к родовой линии. Даже в тех случаях, когда связь с Китаем восходит к предкам нескольких поколений назад, потомки нередко продолжают восприниматься как часть китайского этнокультурного сообщества. Именно этим во многом объясняется отсутствие разрыва между китайским государством и проживающими за рубежом хуацяо: они рассматриваются как соотечественники, временно находящиеся за пределами родины. Подобная логика проявляется и в существовании китайских кварталов – так называемых чайнатаунов, в которых мигранты формируют устойчивые диаспорные структуры, поддерживая культурные практики, язык и традиции. Они выполняют функцию своеобразных «островков» китайской культуры в зарубежной среде и способствуют сохранению коллективной идентичности[154].

Вместе с понятием хуацяо широко используется термин хуажэнь (华人, huárén), которым обозначают этнических китайцев, являющихся гражданами других государств. В эту категорию входят люди китайского происхождения, родившиеся за пределами Китая, но сохранившие культурные элементы китайского образа жизни и определенную связь с китайской традицией. Сюда

153 Purcell, V. The Chinese in Southeast Asia. – Oxford: Oxford University Press, 1981. P. 30.
154 Anderson K. The Idea of Chinatown: The Power of Place and Institutional Practice in the Making of a Racial Category. // Annals of the Association of American Geographers. – Vol. 77. – № 4. P. 588.

же могут относиться и представители так называемых лоди шэнгэнь – китайцев, глубоко укоренившихся в принимающих обществах. Основное различие между хуацяо и хуажэнь связано именно с гражданско-правовым статусом: если первые остаются гражданами Китая и в значительной степени ориентированы на родную страну, то вторые, как правило, институционально интегрированы в государства проживания и связывают свою повседневную жизнь прежде всего с ними[155].

Отдельную категорию составляют хуашан (华商, huáshāng) – китайские предприниматели, торговцы и квалифицированные специалисты, которые выезжают за границу для ведения бизнеса. Для данной группы характерна высокая мобильность и сохранение тесных экономических связей с Китаем. Часто предприниматель, открывший бизнес за рубежом, оставляет управление делом родственникам или младшим членам семьи, сам же продолжает активно перемещаться между страной проживания и Китаем. Показательно, что успешность предпринимательской деятельности нередко сопровождается усилением символической связи с Китаем, который воспринимается как важный ресурс и источник деловых возможностей[156].

Еще одну группу образуют хуаи (华裔, huáyì) – потомки китайских мигрантов, нередко уже полностью интегрированные в общества стран проживания. В эту категорию входят натурализованные этнические китайцы и представители более поздних поколений диаспоры, для которых Китай может выступать скорее исторической или культурной точкой происхождения, чем реальным центром жизненных интересов. Термин хуаи получил распространение после Второй мировой войны, когда часть китайского населения, подвергавшегося дискриминации в странах Юго-Восточной Азии, эмигрировала в Северную Америку, Австралию и Западную Европу. Для многих представителей третьего и четвертого поколений связи с Китаем

155 Yali Zou. Multiple identities of a Chinese immigrant: A story of adaptation and empowerment. // Internat ional Journal of Qualitative Studies in Education. – 2002. – Vol. 15. – № 3. P. 257.
156 Pieke F. Editorial Introduction: Community and identity in the new Chinese migration order. // Population Space and Place. – 2007. – Vol. 13. – № 2. P. 88.

заметно ослаблены, а культурная ассимиляция в принимающих обществах достигла достаточно высокой степени[157].

С традиционными категориями китайских мигрантов можно выделить и группу так называемых «новых мигрантов» (新移民, xīn yímín). Мы говорим о людях, покинувших Китай после начала политики реформ и «открытых дверей», проводимой под руководством Дэн Сяопина в конце 1970-х гг. Группа отличаются более высоким уровнем образования, профессиональной мобильностью и активным участием в транснациональных экономических сетях. С точки зрения китайского государства, представители «новой миграции» могут как возвращаться на родину, так и продолжать жить за границей, однако в любом случае они рассматриваются как важный ресурс национального развития. Независимо от того, оседают ли они в принимающих странах или ведут образ жизни в условиях постоянной смены страны проживания, мигранты активно поддерживают экономические связи с Китаем, переводят денежные средства, инвестируют в проекты на материке и участвуют в благотворительных инициативах.

Помимо типологий, основанных на гражданском статусе и происхождении мигрантов, в научной литературе выделяются и более общие модели китайского присутствия за рубежом, отражающие различные формы самоидентификации и степень связи с исторической родиной. Исследователи, анализирующие транснациональные китайские сообщества, указывают на существование нескольких устойчивых поведенческих стратегий. Часть зарубежных китайцев демонстрирует выраженную политическую и культурную солидарность с Китаем, открыто поддерживая его государственную политику и воспринимая себя частью китайского национального сообщества. Другая группа, напротив, стремится минимизировать собственную политическую активность, однако сохраняет участие в экономических, профессиональных и общественных объединениях, связанных с китайскими организациями и

157 Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. – Томск: Томски йгосударственный университет, 2012. С. 21.

деловыми сетями. Существует также категория мигрантов, испытывающих идентификационную неопределенность, когда человек одновременно ощущает принадлежность и к китайскому этнокультурному миру, и к обществу принимающей страны. Наконец, отдельную группу составляют те, кто сознательно ориентируется на полную интеграцию в принимающее общество и в меньшей степени связывает свою идентичность с китайским происхождением.

При этом даже в условиях длительного проживания за пределами Китая и постепенной интеграции в принимающих государствах, китайская диаспора в целом демонстрирует заметную устойчивость культурной идентичности. Полная культурная ассимиляция является для китайцев скорее исключением, тогда как для большинства зарубежных китайцев характерно сохранение различных форм символической и культурной связи с Китаем. Они могут проявляться по-разному, например активным участием в организациях диаспор и регулярными контактами с родиной или более мягкими формами культурной преемственности, связанными с сохранением семейных традиций, языка и элементов повседневной культуры.

Таким образом, устойчивость этнокультурной идентичности китайцев объясняется тем, что ключевые компоненты китайской культурной традиции (язык, семейные и общественные нормы, а также коллективные представления о культурном наследии) продолжают воспроизводиться внутри самих диаспор. Даже при высокой степени экономической и профессиональной интеграции в принимающих странах эти элементы остаются важной частью самоидентификации многих зарубежных китайцев.

Внутренняя структура диаспоры при этом остается неоднородной. Одни группы сохраняют более тесные связи с Китаем, другие в большей степени ориентируются на страны проживания. Так, представители категории хуацяо, оставаясь гражданами Китая, чаще поддерживают прямую экономическую и политическую связь с родиной. В отличие от них хуажэнь, родившиеся за пределами Китая и являющиеся гражданами других государств, могут быть

глубоко интегрированы в принимающие общества, хотя нередко продолжают сохранять культурные элементы китайской традиции. Предпринимательская группа хуашан, занятая в торговле и бизнесе, как правило, поддерживает устойчивые деловые и социальные контакты с Китаем, что способствует развитию транснациональных экономических связей. Потомки китайских мигрантов, обозначаемые термином хуаи, зачастую в большей степени вовлечены в общественную жизнь стран проживания, хотя у части из них сохраняется культурная память о китайском происхождении.

Особое место занимают так называемые «новые мигранты», покинувшие Китай после начала политики реформ и «открытых дверей». Они активно участвуют в поддержании экономических связей с родиной, направляя денежные переводы, инвестируя средства в китайскую экономику и участвуя в различных общественных инициативах. Независимо от того, оседают ли они в принимающих странах или ведут транснациональный образ жизни, их деятельность способствует сохранению устойчивых связей между зарубежными китайскими сообществами и Китаем.

Таким образом, китайская диаспора представляет собой сложную систему, различные группы демонстрируют неодинаковую степень интеграции в принимающие общества и разный уровень связи с исторической родиной. Однако в целом для китайской диаспоры за рубежом характерна высокая степень культурной устойчивости. Даже в условиях натурализации и социальной адаптации значительная часть зарубежных китайцев продолжает сохранять элементы этнокультурной идентичности, поддерживая тесную связь с Китаем.

1.5 Теоретико-методологические подходы к процессам адаптации и интеграции китайских мигрантов в принимающих странах

Анализ китайской миграции предполагает рассмотрение как внешнего, так и внутреннего контуров миграционных процессов. Речь идет, с одной

стороны, о глобальном распространении китайских мигрантов по различным регионам мира, а с другой – о внутренних социальных и институциональных особенностях Китая, которые оказывают влияние на характер их включения в принимающие общества. В этом контексте ключевым вопросом становится процесс интеграции и системной адаптации китайских мигрантов в новых социальных и культурных условиях.

По мере увеличения масштабов китайской миграции и формирования устойчивых иммигрантских сообществ проблема адаптации приобретает всё большую исследовательскую значимость. Расширение китайских диаспор в разных странах стимулирует развитие научных исследований, направленных на анализ механизмов включения мигрантов в социальную, экономическую и культурную среду принимающих обществ[158].

В современной научной литературе процессы включения мигрантов в принимающее общество обычно рассматриваются через несколько базовых моделей взаимодействия. В зависимости от характера коммуникации между мигрантскими группами и принимающим обществом выделяются такие формы, как интеграция, ассимиляция, сепарация и сегрегация[159].

В научной литературе под адаптацией обычно понимается совокупность поведенческих стратегий и практик, посредством которых мигрант стремится закрепиться в новой социальной среде и занять устойчивое положение в обществе принимающей страны. Речь идет о системе действий и моделей поведения, позволяющих мигрантам выстраивать взаимодействие с окружающим обществом и одновременно сохранять способность конкурировать с другими этническими и социальными группами в условиях совместного проживания.

Переезд в другую страну неизбежно сопровождается многоуровневым процессом адаптации. Иммигрант сталкивается с необходимостью освоения новой природной и социальной среды, включения в иную языковую систему, а

158 Nyiri P. Mobility and Cultural Authority in Contemporary China. – Seattle: University of Washington Pre ss, 2010. P. 35.

159 Лепшокова З.Х. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения: модели, методики, ключевые исследования и вызовы. // Социальная психология и общество. – 2022. – № 2. С. 58.

также постепенного вхождения в культурные и бытовые практики принимающего общества. Процесс адаптации затрагивает различные аспекты повседневной жизни, от восприятия новых стандартов уровня жизни и технологической среды до знакомства с культурными нормами, традициями и общественными установками страны пребывания[160].

При этом адаптация не сводится лишь к одностороннему усвоению новых правил и норм. На практике происходит одновременное развитие двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, мигрант постепенно погружается в новую социальную и культурную среду, осваивая ее институты и формы взаимодействия. С другой же – происходит сопоставление и частичное сохранение тех ценностных ориентиров, моральных установок и культурных традиций, которые были сформированы в стране происхождения. В результате формируется особая модель взаимодействия, в которой элементы прежней культурной идентичности сочетаются с новыми социальными практиками, характерными для принимающего общества.

Отметим позицию Дж. Монтгомери, по оценкам которого адаптация может быть сегментирована на три уровня – экономическую адаптацию (участие мигранта в экономике, на рынке труда включая состоятельность мигранта на данном рынке и способность выдерживать конкуренцию), профессиональную адаптацию (возможность «найти себя» в новой стране, адаптироваться к условиям жизни), а также субъективную адаптацию (приспособление к новой среде)[161].

Принимающее общество также может являться активным участником процесса адаптации мигрантов. На государственном уровне данные подходы были сконцентрированы как в концепции мультикультурализма, так и в т.н. концепции «плавильного котла»[162], включая мягкосиловые аспекты – курсы

160 Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт. // Вестник Института социологии. – 2017. – № 4. С. 53.

161 Montgomery J. Components of Refugee Adaptation // International Migration Review. – 1996. – Vol. 30. – № 3. – Pp. 679-702.

162 Примечание: доминирование с точки зрения статуса и численности группы, в которую должны встр аиваться и полностью заимствовать культурные и поведенческие аспекты меньшинства (мигранты). См.: Костин Р.А., Ведорова И.О. Теоретические основы исследования процесса интеграции мигрантов. // Соци

изучения языка, культуры, программы адаптации мигрантов, дополняемые и индивидуальными инициативами местного населения – открытостью, благожелательностью, готовностью помочь мигрантам, при низком уровне националистических, расистских, дискриминационных проявлений.

Отметим, что по оценкам экспертов, для китайцев в принимающих странах характерной чертой является разная интеграция мигрантов (полная интеграция, частичная интеграция), зависящая от уровня компетенций принимающего государства, стремлений и желания мигранта (в целом данный аспект актуален и для выходцев из других стран)[163]. Также отметим стратегическую важность эффективной государственной политики в сфере интеграции мигрантов для развития национальных экономик (страны-реципиенты, страны-доноры рабочей силы).

Обобщая существующие подходы, можно отметить, что государственная политика в сфере интеграции мигрантов оказывает заметное влияние на социально-экономическое развитие как стран, принимающих мигрантов, так и стран их происхождения.

Для государств-реципиентов приток мигрантов может выступать одним из инструментов сглаживания дефицита рабочей силы и поддержания стабильного функционирования рынка труда. Включение мигрантов в экономическую и социальную систему принимающей страны способствует увеличению численности населения, в том числе через процессы ассимиляции и долгосрочного закрепления мигрантов. Кроме того, миграция нередко рассматривается и в более широком политическом контексте, поскольку она может влиять на реализацию геополитических и демографических стратегий государства.

Для стран происхождения миграция также имеет ряд значимых последствий. Отток части населения способен снижать уровень социальной напряженности и безработицы на внутреннем рынке труда, а денежные

ология и право. – 2018. – № 4. С. 25.

163 Suryadinata L., Gan D. Concepts and patterns of Chinese migration, with reference to Southeast Asia. // The ISEAS – Yusof Ishak Institute. Issue 15, 2022. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/09/TRS15_22.pdf (дата обращения: 25.02.2024).

переводы мигрантов становятся важным источником доходов для их семей. Наряду с этим миграционные процессы могут стимулировать развитие национальной экономики за счет расширения экономической активности, накопления профессионального опыта и последующего использования полученных знаний и навыков мигрантами после возвращения на родину.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что анализ опыта в сфере интеграции мигрантов указывает на наличие разных контуров государственной политики в сфере интеграции мигрантов в принимающих странах.

В то же время, в рамках отдельных «кейсов», может быть выявлена и дополнительная специфика, что особо важно для ключевых направлений китайской миграции[164]:

1. Канада – акцент на высококачественных специалистах, бизнесменах с целью усиления их вклада в рынок труда и экономик Канады. Характерный акцент – программы изучения языка, адаптация мигрантов, реализация национальной гостевой программы, оказание помощи при переселении работников, проведение профессиональных тренингов;

2. США – в контексте разработки мер специального характера стимулирования, реализации программ грантовой поддержки, обучения мигрантов, программ изучения языка (в данном случае китайский фактор, с точки зрения угроз, является минимальным, по сравнению с современным «мексиканским фактором»);

3. Франция – в контексте акцента на проживающих в стране длительное время китайцах, а также расширения практики подписания интеграционных контрактов, изучения французского языка, страноведения, реализации региональных интеграционных программ для иностранцев;

4. Германия – миграционная политика ориентирована прежде всего на практическую адаптацию иностранцев к жизни в немецком обществе. Существенное внимание уделяется изучению немецкого языка, знакомству с

164 Wang H., Bao Y. Reverse migration in contemporary China: Returnees, entrepreneurship and the Chinese economy. – L.: Palgrave Macmillan, 2015. – 276 p; Wang H., Miao, L. Blue book of global talent: Annual r eport on Chinese International Migration. – Beijing: Social Sciences Academic Press, 2017. – 143 p.

правовыми нормами и особенностями повседневной жизни. Отдельное направление связано с трудоустройством мигрантов, подтверждением иностранных дипломов и профессиональной подготовкой. Для мигрантов проводятся интеграционные курсы, включающие языковую подготовку, основы истории Германии и вопросы гражданской жизни. Для китайских мигрантов особое значение имеют механизмы признания квалификации и возможности профессиональной реализации в научной, технической и образовательной сферах. В ряде немецких городов также реализуются локальные программы, связанные с взаимодействием мигрантов и местного населения;

5. Япония – в большей степени связана с привлечением иностранных работников и специалистов в условиях демографических проблем и нехватки трудовых ресурсов. Государственные меры ориентированы на подготовку кадров, поддержку трудовой занятости иностранцев и упрощение их адаптации к жизни в стране. Внимание уделяется вопросам образования, профессиональной деятельности, языковой подготовки и помощи в решении бытовых вопросов, включая жилье. Программы распространяются как на квалифицированных специалистов, так и на потомков японских мигрантов, возвращающихся на родину.

Отмеченные аспекты способствуют формированию т.н. стратегии позитивной интеграции (акцент на диаспорах, ассимиляции с акцентом на стремлении мигрантов стать частью нового социума при сохранении национальной идентичности – в случае невозможности – изменение места пребывания) и негативной интеграции. Иногда мы фиксируем т.н. «маятник» – циклическое возвращение в Китай, короткое время пребывания, низкая степень интеграции, отчужденность от понимающей стороны, ограниченный круг общения, с перспективой полного возвращения в Китай[165].

Можно предположить, что трудности, возникающие в процессе интеграции мигрантов, во многом обусловлены самой природой миграции как

165 Liangni Sally Liu. Chinese Transnational Migration in the Age of Global Modernity. The Case of Oceani a.– London: Routledge, 2019. P. 112.

двустороннего социального процесса. Успешность включения мигрантов в принимающее общество зависит не только от их собственных усилий и готовности адаптироваться к новым условиям, но и от отношения со стороны местного населения, институциональной среды и общей социальной атмосферы в стране пребывания.

В этой связи интеграционные процессы неизбежно сопровождаются рядом сопутствующих рисков. Среди них исследователи выделяют возможное снижение уровня общественной толерантности, усиление напряженности в межэтнических отношениях, а также тенденции к социальной обособленности отдельных мигрантских групп. В условиях недостаточной взаимной адаптации может возникать эффект самоизоляции диаспоральных сообществ, что в отдельных случаях способно привести к углублению дистанции между мигрантами и местным населением и, как следствие, к росту конфликтного потенциала[166].

Такие аспекты подчеркивают важность разработки и реализации комплексной интеграционной политики, реализуемой с целью создания устойчивого «маршрута» движения мигрантов и их взаимодействия с местными жителями и диаспорами из других стран (в разрезе их мирного и гармоничного сосуществования), с дальнейшей адаптацией и интеграцией мигрантов – как на уровне отдельных лиц, гражданского общества, так и государства в целом (включая правозащитные организации, коллективы предприятий, диаспоры, ассоциации мигрантов).

Данный аспект видится особо важным для Китая, учитывая, что китайская диаспора является наиболее многочисленной в мире (около от 35 до 40 млн. человек по оценкам Чи-Бенг Тана, около 1% объема мирового рынка иностранной рабочей силы)[167].Это формирует для Китая потребность в реализации комплексной стратегии взаимодействия с диаспорами, при использовании потенциала диаспор как для позитивизации имиджа Китая, так и

166 Малахов В. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. – Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. С. 43.
167 Chee-Beng Tan. Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. – London: Routledge 2017. P. 17-19.

для обеспечения технической, технологической, экономической, научной модернизации Китая.

В свою очередь, отношение к китайцам, которые проживают за пределами КНР, также требует своей регулярной адаптации к новым условиям, с целью создания качественных стимулов для включения данных лиц в процессы технологического и экономического развития Китая[168]. Указанная стратегия в свою очередь реализуется на базе отдельных законодательных актов, ориентированных на защиту прав и интересов мигрантов (в том числе – китайской диаспоры).

Контакты Китая с зарубежной китайской диаспорой постепенно стало одним из важных инструментов привлечения иностранных инвестиций. Речь идет прежде всего о капитале, поступающем из тех регионов, где исторически сформировались крупные китайские диаспоры из Гонконга, Макао и Тайваня, а также из стран Юго-Восточной Азии (Таиланд, Сингапур, Индонезия), Японии, Республики Корея и Соединённых Штатов. Активные связи с диаспорой позволяют использовать экономический потенциал зарубежных китайцев и вовлекать их в инвестиционные проекты на территории КНР. В результате именно этот канал стал одним из ключевых источников притока капитала в страну: по оценкам исследователей, через диаспоральные инвестиции обеспечивается около 75% всех иностранных вложений в экономику Китая[169].

Увеличение объемов миграционных потоков способствует увеличению случаев т.н. «нерегулярной миграции» как из Китая, так и в Китай. Как итог, с учетом роста мобильности после «промежуточного окончания» пандемии коронавируса, Китай реализует шаги, направленные на вовлечение в международное управление миграцией международного сообщества, примером чего выступает принятие в 2018 г. Китаем Глобального договора «О безопасной, упорядоченной и регулярной миграции». Он направлен на усиление позиций

168 У Яао. Социальная интеграция китайских внутренних мигрантов: условия жизни внутренних мигран тов (agricultural to nonagricultural) и мигрантов рабочих. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2015. – № 4. С. 236.

169 Hong Zhu, Junxi Qian. New theoretical dialogues on migration in China: introduction to the special issue. // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2021. Vol. 47. № 12. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2020.1739372 (дата обращения: 27.02.2024).

Китая в международной организации по миграции, включая содействие мобильности людей, борьбу с нерегулируемой миграцией и торговлей людьми[170].

Подводя итоги проведенного анализа, можно выделить несколько ключевых выводов. В ходе исследования были определены факторы, влияющие на процесс интеграции китайских мигрантов в принимающих обществах. Успешность адаптации в значительной степени зависит от взаимного характера этого процесса. М одной стороны, от готовности самих мигрантов приспосабливаться к социальным и культурным условиям страны проживания, а с другой – от способности принимающего общества и государственных институтов создавать условия для их включения в общественную жизнь. Важную роль в этом играет наличие устойчивых каналов взаимодействия между мигрантами, обществом и государственными структурами, которые обеспечивают коммуникацию и регулирование интеграционных процессов.

Политика интеграции китайских мигрантов в различных странах, как правило, строится вокруг ряда базовых принципов. К ним относятся обеспечение законного права на пребывание, гарантии безопасности проживания и защита от необоснованного выдворения, доступ к государственным услугам и программам социальной поддержки. Существенное значение также имеют меры, направленные на обеспечение равных возможностей в сфере занятости, образования, здравоохранения и жилищных условий, а также развитие программ языковой подготовки и противодействие расизму, нетерпимости и дискриминации. В ряде случаев подобная политика дополняется возможностями получения долгосрочного статуса проживания или гражданства принимающей страны.

В исследовании также были обозначены основные этапы эволюции китайской миграции. Первый этап охватывает период с XIX века до 1949 г. и связан преимущественно с миграционными потоками в страны Юго-Восточной

170 China – International Organization for Migration. // IOM. URL: https://www.iom.int/countries/china#:~:text=To%20respond%20to%20an%20increasingly,and%20Regular%20Migration%20(GCM). (дата обращения: 27.02.2024).

Азии. Второй этап, приходящийся на 1949–1980 гг., характеризуется переориентацией миграции в сторону США, Европы и Австралии. Третий этап, с 1980 по 2000 гг., связан с заметной активизацией миграции из Китая в государства Западной Европы. Наконец, современный период, начиная с начала XXI века и продолжающийся до настоящего времени, отмечен формированием новой волны мигрантов, так называемых «синь иминь».

Кроме того, были выявлены различные модели интеграции китайских мигрантов. Условно их можно разделить на более успешные формы включения в принимающее общество, через диаспоральные структуры, экономическую активность и постепенную ассимиляцию, и менее устойчивые сценарии, связанные с временным пребыванием, частичной сегрегацией или социальной обособленностью. В совокупности указанные процессы формируют сложную и многоуровневую структуру китайской миграции. При этом развитие китайских диаспор и расширение международной мобильности граждан КНР постепенно усиливают значение миграционных процессов как фактора, влияющего не только на социально-экономическую динамику отдельных стран, но и на более широкие геостратегические позиции Китая в региональном и глобальном масштабе.

1.6 Миграционная политика ЕС и китайские мигранты

Миграционная политика Европейского Союза прошла долгий путь эволюции от отдельных национальных подходов к формированию единой комплексной системы управления миграционными потоками. Создание Шенгенской зоны и введение общих стандартов пограничного контроля заложили фундамент для дальнейшего развития миграционного законодательства ЕС, которое сегодня охватывает широкий спектр вопросов – от предоставления убежища до противодействия нелегальной миграции.

Эволюция регулирования миграционного контроля в Европейском Союзе представляет собой последовательный процесс, прошедший через несколько

ключевых этапов, каждый из которых отражал меняющиеся политические, социальные и экономические реалии.

На начальном этапе, охватывающем период с момента основания ЕС до конца 1960-х годов, вопросы миграции не занимали центрального места в политической повестке. Объяснялось это относительной стабильностью демографической ситуации и экономическим ростом, что делало проблемы миграционного контроля малозначимыми для государств-членов. Регулирование миграции в этот период носило преимущественно локальный характер и находилось в компетенции национальных правительств[171].

Во второй период, охватывающий конец 1960-х – 1970-е годы, миграционная политика ЕС начала приобретать более четкие контуры. Начало второго этапа связано с принятием в 1968 г. Регламента ЕЕС № 1612/68 «О свободе передвижения работников в рамках сообщества» [172]. Нормативный акт стал значимым шагом в формировании правовых основ миграционного регулирования на уровне европейского сообщества. Его принятие было вызвано необходимостью реагировать на усиливающиеся миграционные потоки и рост численности иммигрантского населения в странах Западной Европы. В центре внимания оказались социально-экономические аспекты миграции, связанные с необходимостью восполнения дефицита рабочей силы в ключевых отраслях экономики. Мигранты рассматривались, прежде всего, как экономический ресурс, способный стимулировать промышленный рост и поддерживать стабильность на рынке труда[173]. Соответственно, в этот период сформировались первые основы координации миграционной политики на уровне Европейского сообщества.

Третий этап, охватывающий период с 1980-х до начала 2000-х годов, ознаменовался трансформацией восприятия миграции из чисто экономической

171 Collett E. The development of EU policy on immigration and asylum. // MPI Europe Policy Brief Series. 2015. № 8. URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/MPIE-Asylum-Mechanics-Brief.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

172 Regulation (EEC) No 1612/68 of the Council of 15 October 1968 on freedom of movement for workers within the Community. // European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A31968R1612 (дата обращения: 23.12.2024).

173 Huysmans J. The European Union and the Securitization of Migration. // Journal of Common Market Studies. – 2000. – Vol. 38. – № 5. P. 757.

плоскости в политическую. Возникновение новых угроз, связанных с нелегальной миграцией, торговлей людьми и ростом трансграничной преступности, потребовало более скоординированного подхода и разработки комплексных правовых механизмов. Важной вехой этого периода стало создание Шенгенской зоны, которая открыла внутренние границы для граждан государств-членов, но одновременно усилила контроль на внешних границах ЕС.

Ключевым шагом стало включение вопросов миграции, убежища и беженцев в «Третий столп» интеграционной системы Европейского Союза, который, согласно Маастрихтскому договору, охватывал область юстиции и внутренних дел[174]. Однако межправительственный характер принятия решений в рамках этого столба стал вызывать недовольство среди ряда государств-членов и экспертов. Было отмечено, что отсутствие наднациональных механизмов и разрозненность подходов затрудняли эффективное управление миграционными процессами на уровне Союза.

В результате дискуссий и политических дебатов в конце 1990-х гг. вопросы миграции, убежища и беженцев были перенесены из «Третьего столпа» в «Первый столп» посредством Амстердамского договора[175], что означало коммунитаризацию данных вопросов, то есть передачу их под юрисдикцию наднациональных органов ЕС. Дублинская конвенция, подписанная в июне 1990 года и вступившая в силу в сентябре 1997 года, стала одним из ключевых шагов в формировании общей политики Европейского союза в сфере предоставления убежища. Этот нормативный акт установил четкие правила определения ответственности государств-членов за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища. В соответствии с конвенцией, ответственность за обработку запроса о предоставлении убежища возлагается на страну ЕС, через границу которой мигрант впервые въехал на

174 The Treaty on European Union 7 February 1992. // European Union. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/.../treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения: 24.12.2024).
175 Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union 2012/C 326/01. // The Official Journal of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXTf (дата обращения: 24.12.2024)

территорию Союза[176]. Такой подход был направлен на устранение практики, когда соискатели убежища подавали прошения в нескольких странах одновременно или выбирали государство с более благоприятной политикой предоставления убежища.

Таким образом, третий этап развития миграционной политики Европейского союза сопровождался изменением самого подхода к регулированию миграционных процессов. Миграция перестала восприниматься исключительно как предмет национальной компетенции государств-членов и постепенно стала рассматриваться в качестве сферы, требующей согласованных решений на уровне всего Союза. Формирование общих правил, процедур и стандартов стало ключевым условием выработки более устойчивой и институционально оформленной системы управления миграцией в рамках ЕС.

Весомым рубежом в этом процессе стало вступление в силу Лиссабонского договора в 2009 г., который придал миграционной политике более выраженный наднациональный характер и уточнил распределение полномочий между общеевропейским и национальным уровнями управления. В частности, вопросы предоставления убежища, а также механизмы дополнительной и временной защиты лиц, ищущих убежище, были в значительной степени выведены из сферы исключительно национальной компетенции и переданы в рамки общеевропейского регулирования. В основе этих преобразований лежала установка на формирование единообразных правил обращения с мигрантами на всей территории Европейского союза, предполагающая использование общих процедур и стандартов в государствах-членах[177].

Лиссабонский договор заложил правовые основы для более согласованной системы управления миграцией на уровне ЕС. С этого момента вопросы убежища, защиты прав мигрантов и противодействия нелегальной

176 Dublin Convention on 15 June 1990. // EU Migration and Home Affairs. – URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/european-migration-network-emn/emn-asylum-and-migration-glossary/glossary/dublin-convention_en (дата обращения: 25.12.2024).

177 Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. // European Union Law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (дата обращения: 18.12.2024).

миграции стали рассматриваться как элементы единой европейской политики, координация которой осуществляется наднациональными институтами, прежде всего Европейской комиссией и специализированными структурами, включая Агентство Европейского союза по вопросам убежища (EUAA). При этом государства-члены сохранили определённую степень самостоятельности в сфере регулирования легальной миграции, прежде всего в вопросах определения объёмов приёма иностранных работников и установления национальных квот на трудоустройство граждан третьих стран. Модель позволила обеспечить развитие общеевропейской системы миграционного управления и сохранить возможность учета национальных интересов и особенностей функционирования рынков труда отдельных государств ЕС.

С течением времени наднациональный уровень регулирования миграции начал превалировать над национальным. Европейские органы власти получили больше возможностей для координации миграционных процессов, разработки стратегических инициатив и принятия решений, обязательных для всех стран-членов. Важнейшей чертой этого процесса стало укрепление принципа солидарности, предполагающего справедливое распределение ответственности между государствами, особенно в условиях миграционных кризисов.

С началом 2010-х годов и по сей день миграционная политика Европейского союза проходит этап, характеризующийся усложнением вызовов, связанных с массовыми миграционными потоками, гуманитарными кризисами и политической нестабильностью в соседних регионах. Проблемы, связанные с интеграцией мигрантов, усилением контроля на границах и предотвращением нелегальной миграции, стали центральными в повестке ЕС, выявив значительные различия в их подходах к вопросам приема и распределения мигрантов[178].

Разногласия в ЕС по миграционной политике периодически приводят к ситуации, когда мигранты условно делятся по степени «полезности» в

178 Аксютин Н.А. Миграционная политика Европейского союза: баланс между правом и моралью // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2024. – № 3. С. 194.

зависимости от их экономического потенциала, уровня образования, профессиональных навыков и перспектив успешной интеграции в принимающем обществе[179].Подобная практика не только подрывает ценностные устои единой миграционной политики ЕС, основанной на принципах гуманизма и равенства, но и демонстрирует сложность достижения консенсуса в рамках многосторонних переговоров по данному вопросу.

Современный этап развития миграционной политики Европейского союза демонстрирует стремление к более сбалансированному подходу, включающему одновременно меры по обеспечению безопасности, гуманитарные обязательства и интеграцию мигрантов в принимающие общества.

ЕС разрабатывает новые стратегические документы, усиливает сотрудничество между государствами-членами и расширяет механизмы координации в области миграции. Значительным шагом в этом направлении стало принятие Пакта об убежище и миграции, который был окончательно согласован постоянными представителями ЕС в феврале 2024 г[180]. Документ представляет собой попытку устранить разногласия и создать более справедливую систему управления миграционными потоками.

Одним из центральных принципов нового Пакта стало обеспечение справедливого распределения ответственности между странами-членами ЕС. Это включает в себя не только перераспределение мигрантов, прибывающих в страны, наиболее подверженные миграционному давлению, но и финансовые компенсации для тех государств, которые по объективным причинам не могут принять беженцев.

Документ также предусматривает меры на случай резкого увеличения миграционных потоков. Предполагается, что в подобных ситуациях государства ЕС должны действовать совместно, используя единые механизмы

179 European Parliament agrees on stricter EU migration rules. // Deutsche Welle. April 10, 2024. URL: https://www.dw.com/en/european-parliament-agrees-on-stricter-eu-migration-rules/a-68782568 (дата обращения: 19.12.2024).

180 Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Common Implementation Plan for the Pact on Migration and Asylum COM/2024/251 final. // European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2024%3A251%3AFIN (дата обращения: 22.12.2024).

реагирования и координации. Отдельное внимание уделяется вопросам нелегальной миграции, усилению контроля на внешних границах ЕС и совершенствованию пограничных процедур.

В целом миграционная политика ЕС продолжает меняться под воздействием новых миграционных процессов и кризисов последних десятилетий. Как мы видим, ЕС перешел от национальных мер к общей системе регулирования, рассчитанной на координацию действий государств-членов в сфере миграционного контроля и миграционной политики.

Политика Европейского Союза в области миграции оказывает значительное влияние на национальные стратегии государств-членов, включая Германию и Францию. ЕС стремится к созданию единой системы управления миграционными процессами, обеспечивая баланс между безопасностью, гуманитарными обязательствами и экономическими потребностями. В мае 2024 г. Европейский парламент и Совет ЕС утвердили реформу миграционного законодательства, известную как Новый пакт о миграции и предоставлении убежища[181]. Реформа направлена на усиление контроля на внешних границах Союза, ускорение процедур рассмотрения заявлений о предоставлении убежища и более справедливое распределение ответственности между государствами-членами. Основная цель реформы – ограничение нелегальной иммиграции и снижение нагрузки на страны ЕС (Германия, Италия, Франция и др.), которые являются основными пунктами прибытия мигрантов.

Германия и Франция, как ведущие страны ЕС, активно участвуют в формировании и реализации общеевропейской миграционной политики. Страны адаптируют свои национальные законодательства в соответствии с общеевропейскими нормами, стремясь к гармонизации подходов к управлению миграцией, инициируют реформы своего иммиграционного законодательства, направленные на привлечение квалифицированной рабочей силы из-за рубежа и более глубокую политику ассимиляции.

181 Pact on Migration and Asylum. // EU Migration and Home Affairs. 21 May 2024. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 27.01.2026).

Что же касается китайских мигрантов, ЕС не разрабатывает специальных политик, ориентированных на конкретные этнические группы. Миграционная политика Союза основана на принципах равенства и недискриминации, применяя единые стандарты ко всем мигрантам независимо от их национального происхождения. Таким образом, китайские мигранты подчиняются тем же правилам и процедурам, что и другие группы, без выделения особых условий или преференций.

Особое значение для настоящего исследования имеет то обстоятельство, что современное миграционное законодательство ЕС оказывает влияние не только на регулирование миграционных потоков как таковых, но и на возможности социальной, образовательной и профессиональной адаптации мигрантов в принимающих государствах. Несмотря на то, что значительная часть общеевропейских нормативных механизмов первоначально формировалась в контексте регулирования предоставления убежища и контроля над нелегальной миграцией, в современных условиях правовая система ЕС затрагивает существенно более широкий круг вопросов, связанных с интеграцией иностранных граждан.

Для китайских мигрантов особое значение имеют механизмы, регулирующие доступ к образовательным программам, признанию квалификаций, рынку труда, долгосрочному пребыванию и социальной защите. Именно данные элементы формируют институциональную среду адаптации китайских студентов, исследователей, предпринимателей и квалифицированных специалистов в странах Европейского союза. В этом контексте миграционное законодательство ЕС выступает не только инструментом контроля миграции, но и одним из факторов интеграции мигрантов в принимающее общество.

При этом влияние общеевропейских норм на процессы адаптации проявляется неравномерно. Несмотря на наличие единых правовых рамок, государства-члены сохраняют значительную самостоятельность в вопросах интеграционной политики, языковых требований, доступа к социальным

программам и механизмов натурализации. В результате китайские мигранты сталкиваются с различными моделями включения в принимающее общество даже в условиях единого миграционного пространства ЕС. Именно поэтому сравнительный анализ Франции и Германии позволяет проследить, каким образом общеевропейское законодательство сочетается с национальными моделями интеграции и влияет на особенности адаптации китайской диаспоры.

Отсутствие специализированных механизмов, ориентированных именно на китайских мигрантов, приводит к тому, что ключевую роль в адаптации начинают играть не этнически ориентированные государственные программы, а универсальные общеевропейские и национальные институты интеграции. В подобных условиях особое значение приобретают уровень доступности образовательных и профессиональных возможностей, эффективность языковой адаптации, а также способность самих диаспоральных сетей компенсировать ограничения институциональной поддержки. Именно поэтому процессы интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии во многом определяются сочетанием общеевропейских правовых механизмов и специфики национальных моделей миграционной политики.

Таким образом, действующие особенности миграционного регулирования Европейского союза формируют для китайских мигрантов устойчивую, но вместе с тем неоднородную среду, в которой возможности легального въезда, проживания и интеграции сочетаются с ограничениями. Постепенный перенос значительной части миграционных вопросов на наднациональный уровень, унификация процедур въезда, пребывания и трудовой занятости граждан третьих стран, а также развитие общеевропейских механизмов регулирования миграционных траекторий создают относительно благоприятные условия для китайской миграции. Особенно это заметно в образовательной, научной и высококвалифицированной профессиональной сфере, где правовая система ЕС способствует включению китайских мигрантов в экономические и социальные структуры принимающих обществ. В этом контексте европейское миграционное законодательство снижает уровень правовой неопределённости и

обеспечивает базовые институциональные гарантии доступа к рынку труда, образовательным программам и отдельным видам социальных услуг.

Вместе с тем европейская модель регулирования миграции опирается на принцип формального равенства и универсального подхода к иностранным гражданам. Логика предполагает применение единых правовых механизмов ко всем категориям мигрантов вне зависимости от их этнического или культурного происхождения. В результате разработка специализированных интеграционных стратегий, ориентированных на отдельные группы диаспор, включая китайскую диаспору, в рамках общеевропейской политики фактически отсутствует. Для китайских мигрантов это означает отсутствие институциональных преференций и программ, учитывающих особенности их миграционных стратегий, культурных практик и моделей экономической активности. В подобных условиях процессы интеграции приобретают фрагментарный характер и во многом зависят не столько от общеевропейских механизмов, сколько от национальных и локальных политик государств-членов, а также от внутренних ресурсов самих диаспоральных сетей.

Но правовая система Европейского союза, несомненно, обладает рядом характеристик, которые повышают ее привлекательность для китайских мигрантов. К их числу относится сравнительно высокая предсказуемость миграционных процедур, развитая система правовой защиты и правовая стабильность, формирующие долгосрочную уверенность в условиях проживания и профессиональной деятельности. Однако усиление внимания европейских государств к вопросам безопасности, борьбе с нелегальной миграцией и селективному отбору так называемых «экономически полезных» мигрантов постепенно формирует дополнительные барьеры для низкоквалифицированных и семейных форм китайской миграции. Подобная тенденция ограничивает возможности социальной мобильности отдельных категорий мигрантов и способствует углублению внутренней сегментации внутри самой китайской диаспоры в странах Европейского союза.

Так, миграционное законодательство ЕС одновременно выступает

фактором структурного включения китайских мигрантов в европейское пространство и одновременно источником ограничений, которые порождают асимметрию интеграционных возможностей. Для китайской диаспоры это означает необходимость адаптации не только к социально-культурной среде принимающих обществ, но и к многоуровневой правовой системе ЕС, где общеевропейские нормы задают рамки, а реальные траектории интеграции формируются на национальном и локальном уровнях. Миграционное законодательство ЕС оказывает влияние на адаптацию китайских мигрантов преимущественно через создание общеевропейских институциональных условий доступа к образованию, профессиональной мобильности, рынку труда и механизмам долгосрочного пребывания, тогда как специфика социальной и культурной интеграции определяется уже национальными моделями реализации данных норм в рассматриваемых странах.

1.7 Влияние китайских мигрантов на культурный и политический ландшафт стран Европы

Что же касается влияния китайских мигрантов на политико-культурный ландшафт стран Западной Европы, то стоит подчеркнуть, что в современных условиях концепция национального государства постепенно уступает место концепции многонационального государства. Мигранты оказывают значительное влияние на политико-культурный ландшафт принимающих стран, что сказывается на их идентичности[182]. Европа, как ключевая зона притяжения мигрантов, сталкивается с особыми проблемами идентификации мигрантов и их самоидентификации. Прогнозируется, что к 2030 году только 104 миллиона взрослых жителей Евросоюза будут обладать четкой национальной идентичностью, в то время как 226 миллионов будут иметь множественную идентичность, большую часть из которых будут составлять мигранты[183]. Вместе

182 Кочетков В. В., Грачиков Е. Н. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая. // Вестник Моск овского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – №. 3. С. 40 -62.

183 Александрова Н.В. К вопросу о формировании европейской идентичности // Политическая экспертиз

с тем, на данный момент в Европе отсутствует единый критерий для концепции европейской идентичности.

Представленные различия подчеркивают, что Европа и Китай, как это особо отмечал С. Хантингтон, представляют собой две разные культурные и цивилизационные модели, которые не пересекаются полностью, несмотря на глобализацию и интеграционные процессы[184]. В таких условиях возникают вопросы о том, как именно формируется гражданская идентичность китайских иммигрантов в странах Западной Европы, учитывая особенности обеих цивилизаций и их подходов к вопросам идентичности.

Некоторые авторы рассматривают европейскую идентичность как аспект собственной социальной идентичности, что акцентирует внимание на субъективном восприятии индивидов себя в контексте их социальной среды[185]. Е.С. Анохина, в свою очередь, утверждает, что идентичность определяется национальной принадлежностью и происхождением, что указывает на важность культурных и этнических факторов в формировании чувства идентичности[186].

В китайских исследованиях миграции отдельное место занимают вопросы сохранения культурной и национальной идентичности китайцев за пределами страны. Цзин Сяоцян связывает устойчивость китайской идентичности прежде всего с коллективным восприятием принадлежности к китайскому сообществу. По мнению исследователя, ощущение связи с группой и представление о культурном единстве позволяют китайским мигрантам сохранять чувство принадлежности к китайской среде даже после длительного проживания за рубежом. Аналогичной позиции придерживается Ли Минмин, который рассматривает значение «чувства сходства» и «чувства принадлежности» внутри китайской мигрантской среды. Исследователь отмечает, что представления поддерживают внутренние связи между мигрантами и

а: ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 4. – № 3. С. 275.

184 См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? //Полис. Политические исследования. – 1994. – №. 1. – С. 33-48.

185 Шупленков Н.О., Шупленков О.В. Критерии формирования политической европейской идентичности // Культура мира. – 2021. – Т.9. – № 53. С. 57.

186 Анохина Е.С. Иммигранты, реэмигранты и «астронавты»: идентичность и гражданство «новых» кита йских мигрантов // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в ист ории и современности: методология, методика и практика исследования. – Томск, 2014. С. 236.

способствуют сохранению контакта с китайской культурной традицией. Благодаря этому для многих китайских мигрантов проживание за пределами Китая не сопровождается полным разрывом с привычной культурной средой и ощущением собственной принадлежности к китайскому обществу[187].

Таким образом, китайские иммигранты, сталкиваясь с изменениями в политико-экономическом контексте новой страны, могут испытывать значительное влияние на свою идентичность, но при этом сохраняют элементы коллективной идентичности, связывающей их с культурными и этническими корнями.

Иногда высказывается мнение, что китайские власти заинтересованы в формировании в Европе диаспоры, которая могла бы со временем оказывать влияние на политические процессы и продвигать интересы Китая[188]. Однако подобные оценки требуют более осторожного и критического подхода. На сегодняшний день говорить о заметном политическом влиянии китайских диаспор в европейских странах оснований немного. Реальное участие китайских мигрантов в политической жизни Европы остается весьма ограниченным. Ключевые решения по-прежнему принимаются национальными и местными политическими институтами, тогда как представители китайской диаспоры, как правило, не стремятся активно включаться в политическую деятельность. Большинство из них сосредоточено прежде всего на экономической активности, предпринимательстве, образовании и культурной жизни диаспор, что делает их присутствие заметным в социально-экономической сфере, но значительно менее выраженным в политике.

Вместе с тем влияние китайской диаспоры в Европе наиболее заметно проявляется в экономической сфере, прежде всего через развитие этнического предпринимательства. Китайские диаспоры активно участвуют в торговле,

187 Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике // URL: https://www.geopolitika.ru/article/ problemy-novoy-formiruyushcheysya-identichnostikitaya-v-mirovoy-politike?ysclid=ll0ktjpljs401135811 (дата обращения 05.07.2024).

188 См.: Щеткина И.А., Цзян Дань, Сундуева Д.Б. Китайские мигранты как социальная группа в социогуманитарном знании: теория и практика // Гуманитарный вектор. – 2023. – № 2. – С. 47-56.

сфере услуг, ресторанном бизнесе и ряде других направлений, формируя устойчивые деловые сети и каналы экономического взаимодействия. В последние годы усилилось и инвестиционное присутствие Китая в странах Европейского союза. Так, по имеющимся оценкам, в 2016 году объем китайских вложений в европейскую экономику резко вырос и достиг около 85,8 млрд долл[189]. За этот период китайские инвесторы приобрели более 300 европейских компаний либо доли участия в них. Подобная динамика свидетельствует о расширении экономических связей и постепенном усилении экономического присутствия китайского капитала на европейском рынке, тогда как политическое влияние китайской диаспоры при этом остается сравнительно ограниченным.

Китайская диаспора в Европе отличается сложной и неоднородной структурой, которую в научной литературе нередко описывают как «мозаичную». Такая характеристика связана прежде всего с тем, что китайские диаспоры в разных европейских странах существенно различаются по численности, составу и социальным характеристикам[190]. Прежде всего заметна разница в масштабах присутствия китайцев в отдельных государствах Европы. Если в некоторых странах, например в Великобритании, численность китайской диаспоры достигает сотен тысяч человек, то в ряде небольших государств она составляет лишь несколько сотен или менее тысячи человек[191].

Различия внутри китайского населения Европы связаны и с тем, что сами китайские мигранты заметно отличаются друг от друга по происхождению, статусу и характеру связей с Китаем. В странах ЕС преобладают хуажэнь (этнические китайцы, которые уже давно живут за пределами КНР либо родились вне Китая). Хуацяо представлены менее широко, однако в некоторых странах, например в Италии или Испании, их доля остается более заметной. Как

189 Ван Ямэй. Инвестиционное сотрудничество между западным Китаем и странами Центральной и Вос точной Европы // Сборник. – 2019. – Т. 2.

190 Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2-х т. Т. 1. / О тв. ред. В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 54.

191 Абрамова Н.А., Чжоу Юй. «Новая полиэтничность» как проявление межкультурного дискурса в при граничном социокультурном пространстве КНР. // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее ре гионализации и глобализации: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т; отв. А.Ю. Лавров. – Чита: ЗабГУ, 2016. С. 13.

правило, они сохраняют более тесные контакты с Китаем и продолжают воспринимать связь со страной происхождения как значимую часть собственной жизни.

В китайской миграции в Европе есть и социальные различия. Часть мигрантов связана с семейным бизнесом и торговлей, часть приезжает для обучения или работы по специальности. В последние годы заметно увеличилось число студентов, научных сотрудников и специалистов, работающих в технической сфере, образовании, медицине или финансах. При этом жизненные стратегии у разных групп мигрантов тоже различаются. Одни ориентированы на китайскую среду и круг общения внутри миграции, другие, наоборот, стремятся строить карьеру уже в европейском обществе. Сочетание поколений мигрантов, разных профессиональных интересов и уникальных вариантов адаптации формирует собой крайне неоднородный характер китайской диаспоры в Европе, который и описывается понятием «мозаичности».

Западная Европа сегодня представляет собой важный центр миграции, привлекая множество иммигрантов, однако для китайцев она является третьим направлением после Юго-Восточной Азии и США. Выбор Европы для миграции определяется не только экономическими факторами, такими как уровень благосостояния, соотношение доходов и уровень безработицы, но и наличием уже существующих китайских диаспор в этих странах.

В последние годы многие европейские государства корректируют свою миграционную политику, делая основной акцент на привлечении высококвалифицированных специалистов. Для таких мигрантов создаются более благоприятные условия въезда и трудоустройства, включая упрощенные процедуры получения разрешений на проживание и доступ к рынку труда. По сравнению с низкоквалифицированной рабочей силой они получают больше возможностей и преференций, что становится одним из важных факторов, влияющих на выбор европейских стран китайскими мигрантами[192].

192 Сонг Цюаньчэн. Китайские зарубежная миграция в Европе; масштабы, особенности, проблемы и пе

Наиболее значимые направления китайской миграции в Европе сегодня связаны с такими странами, как Италия, Великобритания, Испания, Франция, Германия и Нидерланды. Внутри этих государств китайские мигранты, как правило, концентрируются в крупных городах и экономических центрах – Лондоне, Лионе, Марселе, Милане, Флоренции, Мадриде, Барселоне, Берлине и Гамбурге. Так, например, в Италии к 2016 году проживало около 271,3 тыс. китайских мигрантов, значительная часть которых была сосредоточена в Милане[193].Во многих европейских странах китайская диаспора активно развивает предпринимательскую деятельность. Особенно заметно её присутствие в сфере малого бизнеса (в торговле, ресторанном деле и продаже продукции легкой промышленности). При этом экономическая активность часто сопровождается стремлением закрепиться в стране проживания на длительный срок. Многие мигранты стремятся перевезти в Европу членов своих семей, что отражает традиционную для китайской культуры высокую значимость семейных связей и устойчивость семейных стратегий миграции.

На текущий момент в Европейском союзе китайская диаспора представлена двумя основными категориями: иммигрантами первого поколения и более разнообразной группой «хуаи». Распределение китайской диаспоры по странам ЕС выявляет определённые закономерности и различия, связанные с численностью и «возрастом» мигрантских сообществ[194].

Китайская диаспора в ЕС делится на несколько групп в зависимости от численности и структуры мигрантов. В странах с крупной китайской диаспорой, таких как Великобритания, Франция, Италия, Нидерланды, Германия и Испания, наблюдаются различия в составе: в одних из них «новые» мигранты составляют менее 50%, в других – более 50%. В странах с меньшей численностью китайской диаспоры преобладают мигранты первого поколения, особенно в таких странах, как Швеция и страны Балтии, где доля первой волны

рспективы. – 2013. № 3.

193 Чжоу Ю. Миграционные потоки междуЕвропой и Китаем в XXI веке: основные аспекты и проблемы в материалах российской и китайской историографии // Право и политика. – 2023. – № 8. С. 144.

194 Алешковский И.А., Кузовлев С.С. «Новая» миграция как фактор формирования китайской диаспоры в Европейском Союзе. // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2019. – № 2. С. 35.

миграции составляет более 85% (см. табл. 5).

Таблица 5. Группы стран ЕС по масштабам и «возрасту» китайской диаспоры

Категория крупности диаспоры	**Численность диаспоры (тыс. чел.)**	**Категории «возраста» диаспоры**
Крупная		
Более 500	Великобритания, Франция	—
100—500	Италия, Нидерланды	Испания, Германия
50—100	Ирландия	—
Малая		
10—50	Бельгия, Португалия	Австрия, Швеция, Греция, Венгрия, Дания
Менее 10	Болгария, Румыния, Словакия	Финляндия, Чехия, Польша, Люксембург, Кипр, Словения, Литва, Хорватия, Мальта, Латвия, Эстония

Источник: составлено по материалам Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. – Europe China Research and Advice Network, 2013. – 65 p.

Согласно прогнозам экспертов, ожидается дальнейший рост китайской диаспоры в ведущих странах Западной Европы – Великобритании, Франции, Германии и Нидерландах, а также в Венгрии, которая сохраняет транзитную

функцию для мигрантов[195].Такой рост указывает на полицентрический характер размещения китайской диаспоры в ЕС, где выделяются чётко выраженные региональные ядра и периферии.

Китайские диаспоры в странах Запада прошли через значительный процесс эволюции, который имел свои особенности как в США, так и в европейских странах. В США китайские мигранты формировали крупные кварталы и создавали значимые культурные и религиозные центры, такие как китайские храмы. В Европе процесс формирования китайских диаспор был более умеренным. В отличие от США, в европейских странах не возникли такие же крупные китайские кварталы или значимые культовые сооружения. Дискриминация китайских мигрантов присутствовала как в США, так и в Европе, но проявлялась в разных формах и с разной степенью интенсивности[196].

Тем не менее, китайские мигранты, даже в условиях дискриминации, стремились создавать свои диаспоры и воспроизводить китайское общество с его традиционными институтами в тех странах, куда они прибывали. Этот процесс был характерен как для Запада, так и для Юго-Восточной Азии, где китайцы также формировали свои диаспоры, адаптируясь к новым условиям, но сохраняя свою идентичность и культурные традиции.

Одной из наиболее заметных тенденций последних десятилетий является значительный рост числа китайских студентов в западных университетах. Политика открытости Китая и его интеграция в глобальную образовательную систему сыграли ключевую роль в этом процессе.

Если исследования конца XX – начала XXI века показывали, что большинство китайских студентов после завершения учебы за границей оставались в принимающей стране для работы[197], то в последнее десятилетие наблюдается обратная тенденция[198].Всё больше выпускников решают вернуться

195 Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. – Europe China Research and Advice Network, 2013. P. 18-19.
196 Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Китайские общины в США и Европе: история, культура, религия: монография. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 115.
197 Laczko F. Europe Attracts More Migrants from China. International Organization for Migration. July 1, 2 003. URL: http://www.migrationinformation.org/feature/display.cfm?ID=144 (дата обращения: 08.07.2024).
198 75% of Chinese Students Return after Overseas Study. // CCTV.com. March 23, 2015. URL: http://englis

на родину после завершения учебы, что может свидетельствовать о возросшей привлекательности Китая как места для профессиональной реализации и карьерного роста.

Кроме того, в последние десятилетия китайская диаспора в западных странах демонстрирует гендерное равенство, чего не наблюдалось в XIX и начале XX века, когда диаспоры преимущественно состояли из мужчин. Сегодня, благодаря улучшению правового положения женщин в Китае и изменению культурных стереотипов, китайские миграционные потоки стали более сбалансированными по гендерному признаку.

Еще одной характерной особенностью современной китайской миграции можно считать сравнительно высокий уровень социально-экономического положения многих мигрантов. Распространенное представление о мигрантах как о людях, покидающих родные страны из-за конфликтов или экономического кризиса и нуждающихся в поддержке принимающего общества, в значительной степени не отражает специфику китайской миграции, особенно в отношении тех, кто в последние десятилетия переезжает в страны Запада.

Значительная часть современных китайских мигрантов – люди с хорошим образованием, профессиональной подготовкой и предпринимательским опытом, которые рассматривают переезд прежде всего как возможность расширить карьерные и экономические перспективы. Они стремятся воспользоваться образовательными и деловыми возможностями, доступными в развитых странах, и нередко обладают достаточными финансовыми ресурсами для начала бизнеса или продолжения профессиональной деятельности.

Четвертой важной характеристикой китайской миграции является значительное изменение в сфере занятости китайских мигрантов. Растет количество китайцев, работающих в высококвалифицированных сферах, что указывает на их постепенное освоение новых экономических ниш и изменение восприятия их роли в принимающих странах. Если ранее китайская миграция

h.cntv.cn/2015/03/23/VIDE1427056921461185.shtml
(дата обращения: 08.07.2024).

была связана с низкоквалифицированной работой, то сейчас наблюдается рост числа специалистов в таких областях, как информационные технологии, финансы, медицина и инженерия. Это изменение в трудовой структуре способствует новому восприятию китайцев как квалифицированных профессионалов и улучшает их имидж в глазах местного населения.

Распространенный стереотип о том, что все китайцы сильны в математике, продолжает существовать как в США, так и в европейских странах. Опрос, проведенный в 2014 году российскими исследователями, показал, что среди американских студентов второй по распространенности стереотип после трудолюбия – это «ум и образованность» китайцев[199]. Этот стереотип поддерживается реальными достижениями китайцев в академической и профессиональной сферах, что усиливает положительный имидж китайской диаспоры.

Пятой значимой чертой китайской диаспоры в странах Запада является стремление китайских мигрантов адаптироваться к западной культуре. Это проявляется в принятии западных ценностей, образа жизни и моды. Например, западный фастфуд, английский язык и англицизмы становятся популярными среди молодежи, а европейские актеры и модели активно используются в рекламе. Эти явления демонстрируют стремление китайцев интегрироваться в западное общество, сохраняя при этом часть своих культурных особенностей. Рост популярности христианства в Китае и среди китайских мигрантов также можно рассматривать как часть этого процесса культурной интеграции.

Для многих китайских мигрантов жизнь за пределами Китая не означает отказа от привычной культурной среды. Даже после длительного проживания в европейских странах сохраняются язык общения внутри семьи, контакты с родственниками в Китае, привычные формы бытового и культурного поведения. При этом значительная часть мигрантов одновременно получает образование, работает в европейских компаниях или занимается собственным бизнесом.

199 Россия, США и Китай в современном мире: взаимные представления российской, американской и китайской молодежи / Общ. ред.: Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: БГПУ, 2015. С. 45.

Из-за этого китайская миграция в Европе не выглядит полностью однородной с точки зрения интеграции. У части мигрантов круг общения по-прежнему во многом связан с китайской средой, у других контактов с местным населением значительно больше. Особенно заметна эта разница между поколениями.

Молодые китайцы, выросшие уже в европейской среде или приехавшие в Европу в раннем возрасте, как правило, быстрее воспринимают местные нормы поведения и легче включаются в повседневную жизнь принимающего общества. Старшее поколение чаще сохраняет привычные модели семейных отношений и представления, сформировавшиеся еще в Китае. Внутри китайских семей и мигрантской среды иногда возникают разногласия по вопросам языка, образа жизни и отношения к местной культуре[200]. Формируется напряженность в семейных отношениях, может осложняться процесс сохранения культурной идентичности.

Еще одним важным аспектом является профессиональная конкуренция внутри самой диаспоры. Несмотря на рост числа китайцев, работающих в высококвалифицированных секторах, борьба за ограниченные ресурсы и рабочие места может вызывать внутренние разногласия[201]. Особенно актуально это в условиях экономической нестабильности, когда профессиональные возможности для мигрантов могут быть ограничены.

Социальные противоречия также возникают из-за различий в уровне благосостояния и социального статуса внутри диаспоры. Более обеспеченные мигранты могут дистанцироваться от тех, кто работает в низкоквалифицированных секторах, что приводит к социальной сегрегации внутри китайской диаспоры.

Кроме того, китайская диаспора иногда сталкивается с проявлениями ксенофобии и дискриминации со стороны принимающего общества, что может усиливать внутригрупповую сплоченность, но одновременно провоцировать конфликты между различными субгруппами внутри самой диаспоры. В

200 Слука Н.А., Коробков А.В., Иванов П.Н. Китайская диаспора в странах ЕС // Балтийский регион. – 2018. – № 3. С. 88.

201 Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. – Europe China Research and Advice Network, 2013. P. 39.

определенных европейских странах, на фоне негативного опыта миграционного кризиса прошлых лет, можно наблюдать негативное отношение к новым волнам мигрантов, которое может распространяться даже на уже давно интегрированных в среду общества представителей китайской диаспоры[202].

Для многих китайских мигрантов переезд в Европу не означает полного отказа от привычного образа жизни. Даже после длительного проживания за пределами Китая сохраняются семейные связи, язык общения и отдельные культурные привычки. При этом китайские мигранты постепенно включаются и в жизнь принимающей страны. Это было заметно во время пандемии коронавируса. В некоторых странах китайские студенты и мигранты самостоятельно организовывали помощь внутри своей среды. В Великобритании распространялись медицинские маски и средства защиты среди китайских студентов. В Италии часть китайского населения начала соблюдать меры предосторожности еще до введения жестких ограничений на государственном уровне.

В последние годы контакты между Китаем и европейскими странами становятся интенсивнее. Причины здесь разные: образование, работа, бизнес, развитие международных перевозок. Для части китайских мигрантов Европа остается местом, где можно получить образование или построить карьеру. Одновременно растет число европейцев, работающих или ведущих бизнес уже в Китае.

Миграция при этом влияет не только на экономику. Постепенно меняется и повседневная социальная среда. В крупных европейских городах китайское население стало привычной частью городской жизни, хотя вопросы адаптации и отношения к мигрантам продолжают вызывать споры и дискуссии.

Исследования китайской миграции строятся по-разному. Одни авторы рассматривают влияние миграции на европейские общества. Другие больше

202 Ya-Han Chuang, Bail H., Nguyen-Tymoczko D. Asian Minorities in Europe and in North America. A Tra nsatlantic Dialogue on Memories, Representations and Recognition. // International conference report. The Scie nces Po Transatlantic Research Fund, the Institut Convergences Migrations and the ANR project PolAsie. June 12, 2023. URL: https://sciencespo.hal.science/hal-04823680v1/file/Asian-minorities-in-Europe-and-North-America_ Conference-Report_2023.pdf (дата обращения: 17.12.2024).

внимания уделяют самим китайским мигрантам, их опыту жизни за пределами Китая и особенностям адаптации. Отдельно изучаются трудовая миграция, образование, предпринимательство и изменения внутри китайской среды в Европе. Особое внимание следует уделять условиям мобильности и миграции, позволяя не только иммигрантам, но и эмигрантам не принимать окончательных решений о месте постоянного жительства, что создает гибкие условия для адаптации и интеграции в новых странах, позволяя людям сохранять связь с родиной и одновременно эффективно интегрироваться в новое общество.

ГЛАВА 2. КИТАЙСКИЕ ИММИГРАНТЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦИИ

2.1 Ретроспектива развития китайской миграции во Францию

История китайской диаспоры во Франции насчитывает более ста лет, однако её заметный рост и расширение произошли во второй половине XX в. Именно в этот период китайское присутствие в стране стало значительно более ощутимым, хотя первые группы китайских мигрантов появились во Франции значительно раньше.

Формирование китайской диаспоры происходило постепенно и было связано с приездом людей из разных регионов Китая, что привело к появлению довольно разнообразного сообщества, внутри которого со временем сложились устойчивые связи (как семейные, так и деловые). Они помогали новым мигрантам быстрее адаптироваться, находить работу и налаживать жизнь в новой стране.

С позиции концепции кросс-культурной адаптации Й. Ким постепенное формирование устойчивых китайских диаспор во Франции имело важное значение для последующей интеграции мигрантов в принимающее общество. Наличие внутридиаспорных связей, основанных на происхождении, языке и семейных контактах, позволяло китайским мигрантам снижать культурный стресс, возникающий в условиях новой социокультурной среды, а также облегчало процесс первичной адаптации. Подобные формы внутренней консолидации способствовали сохранению элементов этнокультурной идентичности, что помогло сформировать модель интеграции, не сводящуюся к полной ассимиляции.

Чтобы понять, как сегодня устроена китайская диаспора во Франции и как она развивается, важно учитывать исторические условия, в которых складывалась китайская миграция в эту страну. Именно прошлые миграционные волны во многом определили структуру диаспоры, ее

внутренние связи и особенности взаимодействия с французским обществом.

Первым зарегистрированным китайцем, прибывшим во Францию, был 23-летний Хуан Цзялуэ из провинции Фуцзянь. В 1702 году он отправился во Францию вместе с французским миссионером. Записи Хуана, охватывающие период с 24 октября 1713 года по сентябрь 1714 года, представляют собой самые ранние известные данные о китайцах на французской земле[203].Хотя первоначально подобные случаи были редкими, в дальнейшем китайское присутствие во Франции постепенно стало более заметным. В XVIII-XIX вв. китайская миграция еще не носила массового характера, однако уже в начале XX века количество выходцев из Китая во Франции стало увеличиваться. После Второй мировой войны миграционные процессы заметно усилились. Значительная часть китайских мигрантов оседала в Париже и других крупных городах, где со временем сформировались устойчивые китайские районы и сети повседневных связей между мигрантами.

Рост китайской миграции во Францию был связан и с событиями, происходившими внутри самого Китая. Во второй половине XIX века страна переживала тяжелый внутренний кризис. Серьезное влияние оказали опиумные войны, Тайпинское восстание, экономические проблемы и разрушительные наводнения в бассейне Хуанхэ. На фоне ухудшения условий жизни часть населения начала рассматривать миграцию как один из возможных способов выхода из кризисной ситуации. События способствовали значительным социальным и экономическим потрясениям, что, в свою очередь, привело к изменению государственной иммиграционной политики.

Императорским декретом 1893 года китайцам было предоставлено право выезда за границу. Они получили легальный статус «цяо-quiao» (также переводится как «живущие за рубежом»), который гарантировал им защиту от преследований по возвращении на родину[204]. Данная мера стала возможностью

203 Цзян Ю. История формирования китайской диаспоры во Франции: социальный контекст // Инноваци и. Наука. Образование. – 2022. – № 52. С. 1690.

204 Гордон А.В. Трансграничная миграция и образование диаспор: китайцы во Франции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистик а.– 2021. – № 2. С. 32.

для многих крестьян, пострадавших от кризисов, искать лучшие условия жизни за пределами Китая.

После поражения Китая в Опиумных войнах и открытия ряда портов для европейской торговли начался заметный рост миграции китайского населения за пределы страны. Во второй половине XIX – начале XX вв. выезд из Китая приобрёл массовый характер: по различным оценкам, в период с 1850 по 1920 гг. страну покинули около восьми миллионов человек[205]. Значительную часть этих мигрантов составляли так называемые «кули» (наемные рабочие, которые отправлялись в колонии европейских держав по контрактам). Их труд использовался на плантациях, а также на крупных инфраструктурных проектах. Китайские рабочие принимали участие в строительстве железных дорог в различных регионах мира. Они работали на железнодорожных линиях по обе стороны Тихого океана, в том числе в Калифорнии и Сибири, а во время Первой мировой войны были задействованы и в строительстве Мурманской железной дороги.

С точки зрения теории «толчка–притяжения» данный этап китайской эмиграции может рассматриваться как результат действия комплекса мощных факторов «выталкивания», формировавшихся внутри самого Китая. Военные конфликты, социально-экономические потрясения и демографическое давление создавали условия, при которых эмиграция становилась одним из немногих возможных способов экономического выживания для значительной части населения. При этом привлекательность стран назначения на ранних этапах оставалась сравнительно ограниченной и миграционные потоки формировались под воздействием внутреннего кризиса, а не вследствие целенаправленной миграционной политики принимающих государств.

Вместе с тем для более точного применения модели Э. Ли данный период важно рассматривать не только через соотношение факторов «выталкивания» и «притяжения», но и через остальные элементы данной теоретической схемы.

205 Rouillon P. La Chine d'outre-mer : une diaspora d'influence? // Cargo Marine: Centre d’etudes strategiques de la marine. – 2014. – № 4. P. 5.

Промежуточные барьеры в случае ранней китайской миграции во Францию включали значительную географическую удаленность, языковую и культурную дистанцию, ограниченность правового статуса мигрантов, зависимость от посреднических механизмов найма, а также слабую институциональную защищенность самих переселенцев. Эти обстоятельства не останавливали миграционные потоки полностью, однако существенно влияли на их форму, превращая выезд из Китая преимущественно в трудовую, контрактную или вынужденную мобильность.

Не менее важным был и индивидуальный фактор, выделяемый Э. Ли как самостоятельный элемент миграционного решения. Для значительной части китайских мигрантов выбор Франции определялся не только объективным кризисом в Китае или спросом на рабочую силу в Европе, но и субъективным представлением о возможности экономического выживания, улучшения социального положения и последующего возвращения либо закрепления за рубежом.

Соответственно, Франция выступала не только как территория временного трудоустройства, но и как один из первых европейских центров закрепления китайских мигрантов. В условиях сохранявшегося дефицита рабочей силы страна фактически функционировала как «полюс притяжения», а сама трудовая миграция китайцев носила во многом институционально организованный характер, поскольку её развитие было связано с потребностями французской экономики и поддерживалось соответствующими механизмами привлечения иностранной рабочей силы.

Последовательное закрепление китайской диаспоры во Франции последовательно наращивалась и составило к 1936 г. 4 тыс. человек[206](по статистике Китая – около 17 тысяч человек[207]; различия связаны с методом подсчета, а также подсчета лишь на основе отдельных факторов – к примеру,

206 Гордон А.В. Трансграничная миграция и образование диаспор: китайцы во Франции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканисти ка. – 2021. – № 2. С. 32.

207 Live Yi-Sion. Les Chinois de Paris dépuis le debut de siècle. Présence urbaine et activités économiques / / Revue européene des migrations internationales. – 1991. – Vol. 8. – № 3. P. 156.

наличия документов). Ключевые сферы деятельности китайской диаспоры в межвоенное время были связаны с традиционным китайским ремеслом – к примеру, торговлей, работой в доставке, сфере услуг, а также обработке дерева. В свою очередь, данные аспекты способствовали экономическим интересам Франции, цели которой были связаны с укреплением афро-азиатского вектора развития и привлечения рабочей силы для усиления экономического потенциала Франции.

Примером выступает развитие т.н. «образовательной дипломатии», что также способствовало усилению позиции китайских диаспор в стране. Например, получение образования во Франции Чжоу Эньлаем (премьер-министр КНР), Дэн Сяопином, Хо Ши Мином. С позиции Сунь Ятсен (первый Президент КНР) «зарубежные китайцы сыграли ведущую роль в Синьхайской революции»[208].В своем же концептуальном виде последовательное закрепление китайцев во Франции способствовало усилению влияния ассоциации китайцев, становление и развитие которой, по оценкам экспертов, «совпадает по времени с четвертой волной массовой иммиграции во Францию»[209](косвенно связано с упразднением колониальной империи), с включением в китайскую диаспору выходцев из Французского Индокитая (главным образом – вьетнамцы)[210].

В 1970-х годах изгнание этнических китайцев из стран Юго-Восточной Азии привело к новой волне китайской иммиграции в Европу. В условиях «антикитайской волны» в Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, многие китайские иммигранты искали убежище во Франции. Согласно статистическим данным, в период с 1977 по 1986 годы Франция приняла 111 453 индокитайских беженца, из которых около 60% были китайского происхождения[211]. Большинство из них

208 Гордон А.В. Китайские общины Парижа: интегрироваться, сохраняя идентичность. // Актуальные пр облемы Европы. – 2021. – № 3. С. 139.

209 Guerassimoff C. The New Chinese Migrants in France. // International migration. – 2003. – Vol. 41. – № 3. P. 147.

210 Aw Tash. Coming out of the shadows: what it means to be French and Chinese. // The Guardian. 26 No vember, 2019. URL: https://www.theguardian.com/world/2019/nov/26/what-you-hear-about-chinese-people-in-france-feeling-scared-its-true (дата обращения: 29.02.2024).

211 Attané I. Chinese Immigration to France. // Population. 2022. Vol. 77. № 2. URL: https://www.cairn-int.i nfo/journal-population-2022-2-page-217.htm (дата обращения: 01.03.2024).

заселили районы Порт-д'Итали, Порт-де-Шуази и Порт-д'Иври в тринадцатом округе Парижа, где сейчас находится китайский квартал города.

Данный этап также демонстрирует усложнение логики миграционных решений в рамках теории «толчка–притяжения». Выталкивающие факторы были связаны уже не только с внутренними кризисами Китая, но и с политической нестабильностью в странах Юго-Восточной Азии, где проживали значительные группы этнических китайцев. Франция, в свою очередь, выступала в качестве притягивающего направления благодаря историческим связям с Индокитаем, наличию правовых механизмов приема беженцев, а также возможности включения мигрантов в уже существующие городские и диаспоральные структуры. При этом сохраняли существенное значение и промежуточные барьеры, например то, что переселенцы сталкивались с языковыми трудностями, необходимостью легализации статуса, различиями в социальных нормах и ограниченным доступом к устойчивой занятости.

Выходцы из Индокитая, прибывшие во Францию в статусе беженцев, со временем сформировали внутри китайской диаспоры отдельную и достаточно самостоятельную группу. Их объединяла не только общность происхождения, но и собственные социальные и культурные связи, что способствовало появлению самостоятельных организаций и объединений. Так, в 1989 г. в Париже была создана Всемирная индокитайская ассоциация. Позднее возникли и другие организации, представляющие интересы выходцев из этого региона, среди которых «Ассоциация Лаоса во Франции», «Ассоциация Лаоса Тхакхек» и объединение «J Laos Su Wang Zonta»[212].

Индивидуальное восприятие миграции в данном случае было связано не только с поиском экономических возможностей, но и с ожиданием безопасности, социальной стабильности и возможности восстановить привычные формы диаспорной жизни в новой среде. Именно поэтому компактное расселение выходцев из Индокитая в отдельных районах Парижа

212 Võ Minh Vũ. A Study of the Overseas Chinese Community in French–Indochina during World War Two. // Vietnam-Indochina-Japan Relations during the Second World War: Document and Interpretations; by Sh. M asaya-Bruce, Lockhart-Nguyen Van. – Waseda University Institute of Asia-Pacific Studies, 2017. – P. 268-280.

стало не случайным следствием миграции, а способом преодоления промежуточных барьеров и сохранения культурной идентичности в условиях адаптации к французскому обществу.

Исторически, первые китайские иммигранты из Вэньчжоу и Цинтяня в провинции Чжэцзян прибыли в Европу в начале XX века, преимущественно на заработки. В конце 1970-х годов, когда в Китае началась новая волна эмиграции, жители Вэньчжоу и Цинтяня воспользовались наследием своих предшественников и уехали в Европу, часто с целью «воссоединения семьи»[213]. Две масштабные волны эмиграции оказали значительное влияние на формирование и структуру современной китайской диаспоры во Франции.

Следует отметить, что китайская диаспора в странах Европейского союза представляет собой не только социально-экономическое сообщество мигрантов, но и важный элемент транснационального взаимодействия между КНР и принимающими государствами. Формирование устойчивых диаспоральных сетей способствует развитию экономических, образовательных и гуманитарных связей, однако одновременно влияет на процессы идентичности, культурного позиционирования и общественного восприятия китайского присутствия в европейском пространстве.

В этом контексте китайская диаспора начинает выполнять функции неформального посредника между государством происхождения и принимающим обществом. Через образовательные, предпринимательские, культурные и профессиональные связи формируются устойчивые транснациональные коммуникационные каналы, оказывающие влияние не только на адаптацию мигрантов, но и на более широкие процессы взаимодействия КНР со странами Европейского союза. Таким образом, китайская миграция приобретает не исключительно экономическое, но и политико-социальное измерение, затрагивающее вопросы интеграционной политики, культурной идентичности и восприятия Китая в европейских

213 Nan Dai. Unique Past and Common Future: Chinese immigrants and Chinese language media in France // Media and Communication in the Chinese Diaspora. – London: Routledge, 2016. P. 98.

обществах.

Следующим характерным этапом развития миграционных потоков во Францию стала либерализация трансграничной миграции, реализуемая Китаем в рамках упомянутой политики «реформ и открытости». Либерализация трансграничной мобильности в рамках политики «реформ и открытости» трансформировала характер китайской миграции во Францию, сместив акцент с преимущественно трудовой миграции низкой квалификации к образовательной и научно-исследовательской мобильности.

Изменение характера китайской миграции во Францию привело и к трансформации механизмов адаптации мигрантов. Если ранние волны миграции были преимущественно ориентированы на экономическое выживание и замыкались внутри этнических сетей, то образовательная и профессиональная мобильность способствовала расширению контактов китайских мигрантов с принимающим обществом. В рамках концепции Й. Ким подобная динамика рассматривается как один из факторов углубления кросс-культурной адаптации, поскольку вовлеченность в образовательные и профессиональные институты принимающей страны расширяет возможности языковой и социальной интеграции.

С позиции же теории «толчка–притяжения» данный этап отличается тем, что выталкивающие факторы перестают быть исключительно кризисными. На первый план выходит не столько вынужденный выезд, сколько стремление к образовательному, профессиональному и социальному продвижению. Китайская политика «реформ и открытости», рост среднего класса, расширение доступа к заграничным паспортам и усиление международной академической мобильности создали условия, при которых выезд во Францию стал восприниматься частью китайских граждан как инструмент индивидуальной и семейной стратегии развития. Притягивающие факторы французского направления были связаны с престижем высшего образования, наличием университетских и исследовательских центров, возможностями профессиональной социализации, а также с уже сложившимся присутствием

китайской диаспоры.

Промежуточные барьеры при этом не исчезли, а изменили свой характер. Если для ранних трудовых мигрантов ключевыми препятствиями были правовой статус, физическая удаленность и зависимость от посредников, то для новых образовательных и профессиональных мигрантов особое значение приобрели языковая компетенция, культурная дистанция, требования французской системы образования и необходимость включения в институциональную среду принимающего государства. Индивидуальный фактор проявлялся в выборе мигрантом конкретной стратегии, например, временное обучение с последующим возвращением в Китай, закрепление во Франции через трудоустройство либо участие в транснациональных профессиональных и деловых связях между КНР и Францией.

На практике вышеизложенные тенденции были связаны с началом выдачи заграничных паспортов (1986 г.), а также принятием в 2007 г. Закона о праве для каждого жителя Китая иметь паспорт[214].Указанный аспект, по оценкам российского исследователя А. Ларина, способствовал последовательному усилению миграционных потоков из Китая во Францию, с дальнейшим образованием т.н. «устойчивых общностей»[215].В свою очередь миграция китайцев находила свое отражение как в трудовой сфере, так и в контексте усиления позиций Китая на международной арене (т.н. «торговая составляющая миграции»), в контексте акцента китайских диаспор на ремесленном направлении деятельности, а также малом бизнесе. В то же время, Франция в течение длительного времени не являлась главным направлением китайской эмиграции, уступая традиционным маршрутам в Юго-Восточную Азию и англосаксонские страны, однако постепенно приобрела значение устойчивого европейского направления благодаря сочетанию образовательных, деловых и диаспоральных факторов[216].

214 Dubois de Prisque E. Système de crédit social chinois: Comment Pékin évalue, récompense et punit sa p opulation // Futuribles. – 2020. – № 1. P. 38.
215 Ларин А.Г. Усиление Китая и возвышение мировой китайской диаспоры // Китай в мировой и реги ональной политике. История и современность. – М.: ИДВ РАН, 2013. С. 199.
216 Live Yu-Sion. The Chinese Community in France: Immigration, Economic Activity, Cultural Organization

Отметим длительную историю становления миграционных потоков из Китая во Францию, с акцентом на включении китайцев в культурное и социально-экономическое пространство Французской Республики. В то же время, в отличие от традиционных миграционных маршрутов (ЮВА), Франция, равно как и Европа в целом рассматривалась мигрантами если не полностью по остаточному принципу, то не в качестве наиболее приоритетного направления, главным образом – в силу значительных культурных и языковых различий, а также более высоких требований к интеграции во французское общество.

Здесь важно подчеркнуть, что современные отношения между Китаем и Францией развиваются в контексте широкой дипломатической и экономической кооперации, что оказывает влияние и на миграционные процессы. Согласно данным Министерства иностранных дел Франции, Китай входит в число топ-5 ключевых азиатских партнеров по торговле и инвестициям: в 2025 г. товарооборот между странами достиг рекордного уровня, превышающего 95 млрд евро, а взаимные инвестиции растут высокими темпами благодаря соглашениям о взаимной защите инвестиций и деловому сотрудничеству в инфраструктурных проектах, технологиях и энергетике[217].

Франко-китайское сотрудничество развивается не только на двустороннем уровне, но и в рамках многосторонних форматов. Важную роль играет Стратегическое партнёрство ЕС–КНР, инициированное в 2003 г., а также последующие соглашения и декларации, направленные на углубление сотрудничества в экономической, научно-технической и образовательной сферах. Формирование подобных механизмов создало устойчивую правовую основу для академических обменов, научных стажировок и деловых контактов между странами. В практическом измерении это напрямую отражается на миграционных процессах: значительная часть китайских студентов, обучающихся во Франции, участвует в программах академической мобильности, получая возможность поступать во французские университеты и

and Representations. // The Chinese in Europe, G. Benton, F. Pieke (eds.). – L.: Palgrave Macmillan, 1998. P. 101-102.

217 Relations bilatérales: France – Chine. // France Diplomatie. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/chine/relations-bilaterales/ (дата обращения: 04.02.2026).

исследовательские центры при содействии профильных ведомств и образовательных институтов обеих сторон.

Схожий принцип прослеживается и в сфере деловой мобильности. Развитие инвестиционного сотрудничества между Францией и Китаем сопровождается формированием институциональных механизмов, облегчающих участие китайских предпринимателей в экономических проектах на территории Франции. Хотя французское законодательство не предусматривает прямых преференций по национальному признаку, существующие механизмы поддержки иностранных инвесторов, включая доступ к корпоративным структурам, инновационным и венчурным программам, а также индустриальным кластерам, создают относительно благоприятные условия для ведения бизнеса. Важную роль играют совместные проекты, реализуемые французскими государственными институтами развития и китайскими финансовыми организациями, которые способствуют укреплению инвестиционных связей и поддерживают международные деловые обмены.

Специфика китайской диаспоры во Франции исторически тесным образом была связана с акцентом на частном бизнесе, а также продвижении традиционного ремесла, тогда как на современном этапе, в силу высокого экономического потенциала Франции, главный акцент сделан на образовательной и научно-исследовательской деятельности, в целом соответствуя интересам Китая, которые заключаются в восприятии технических, технологических решений, импорте новых знаний, использование которых может способствовать усилению экономического и научно-технического потенциала Китая в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Таким образом, историческая ретроспектива китайской миграции во Францию демонстрирует трансформацию ее мотивационной и структурной базы – от вынужденной трудовой миграции к поддерживаемой государством образовательной и профессиональной мобильности. Мы можем наблюдать

также и изменение соотношения выталкивающих, притягивающих, промежуточных и индивидуальных факторов, потому что если на ранних этапах преобладали кризисные условия в Китае и спрос Франции на рабочую силу, то на современном этапе большую роль играют образовательные возможности, деловая мобильность, диаспоральные сети, индивидуальные профессиональные стратегии и сохранение китайской идентичности в принимающем обществе.

2.2 Состав и структура китайской диаспоры во Франции

Одной из характерных черт китайской иммигрантской диаспоры является влияние геополитических и диалектных связей, на основе которых формируются неформальные подгруппы внутри китайских диаспор. Они способствуют созданию и поддержанию уникальных культурных и социально-экономических сетей, которые помогают китайским мигрантам адаптироваться в новых условиях и сохранять свои культурные традиции.

В период 2000-2016 гг. число китайских иммигрантов, проживающих в странах ОЭСР, увеличилось больше, чем в два раза – с 2,1 млн до 4,6 млн чел[218]. Однако сконцентрированы они в небольшом количестве стран, прежде всего в США (2,5 млн.)[219], Канаде (около 650 тыс.)[220]. По некоторым европейским данным, в 2020 г. в ЕС проживало чуть более 900 тыс. иммигрантов из Китая (включая Гонконг), в основном в Италии (222 тыс.), Испании (171 тыс.), Франции (113 тыс.) и Германии (85 тыс.)[221].

По данным Национального института статистики и экономических исследований Франции, в стране число иммигрантов из Китая сейчас

218 The new immigrants: Global trends in migration towards OECD countries between 2000/01 and 2015/16. Migration Data Brief № 4. // Organisation for Economic Co-operation and Development, 2019. URL: https://www.oecd.org/els/mig/Migration-data-brief-4-EN.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

219 Echeverria-Estrada C., Batalova J. Chinese immigrants in the United States. // Migration Policy Institute. January 15, 2020. URL: https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2018#Age (дата обращения: 02.03.2024).

220 Yan M.-C., Wong K., Lai D. Subethnic interpersonal dynamic in diasporic community: A study on Chinese immigrants in Vancouver. // Asian Ethnicity. – 2019. – Vol. 20. – № 4. P. 454.

221 Statistiques sur la migration et la population migrante. // Eurostat, 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_POP3CTB__custom_2289178/default/table?lang=en (дата обращения: 02.03.2024).

насчитывает чуть более 100 тыс. человек[222]. Граждане КНР составляют приблизительно 7-10% от числа прибывших на жительство в иностранных граждан за последние годы во Францию. Их численность достаточно быстро растет (в 6 раз быстрее, чем у других иммигрантов, в среднем более 8% в год в период 1982-2017 гг.), в связи с чем китайцы занимают четвертое место среди всех иностранных национальностей, допущенных к проживанию во Франции[223].

Особенностью китайских иммигрантов во Франции является их неравномерное географическое распределение (см. табл. 6).

Таблица 6. Основные регионы концентрации китайских мигрантов во Франции

Регион / город	**Особенности концентрации китайской диаспоры**
Иль-де-Франс	Главный центр расселения китайских мигрантов; около 66% всей диаспоры
Париж	Крупнейший центр китайской диаспоры; XIII округ, Бельвиль, Маре
Сена-Сен-Дени	Высокая концентрация мигрантов и этнического бизнеса
Марсель	Центр предпринимательской и торговой активности
Лион	Развитие образовательной и коммерческой миграции
Другие регионы Франции	Постепенный рост китайского присутствия вне Парижского региона

Источник: составлено автором по материалам Recensement 2017: résultats sur un territoire, bases de données et fichiers détail. // Institut national de la statistique et des études économiques. URL: https://www.insee.fr/fr/information/4467366 (дата обращения: 01.06.2026); Attané I. Chinese Immigration to France. // Population. 2022. Vol. 77. № 2. URL: https://www.cairn-int.info/journal-population-2022-2-page-217.htm (дата обращения: 01.06.2026).

222 Chinese immigration to France. // Institut national d'études démographiques. 18 January 2023. URL: https: //www.ined.fr/en/news/press/limmigration-chinoise-en-france/ (дата обращения: 01.03.2024).
223 Chinese immigration to France. // Institut national d'études démographiques. 18 January 2023. URL: https: //www.ined.fr/en/news/press/limmigration-chinoise-en-france/ (дата обращения: 01.03.2024).

Представленные данные свидетельствуют о высокой территориальной концентрации китайской диаспоры во Франции, прежде всего в Парижском регионе. Подобная модель расселения объясняется сочетанием нескольких факторов: наличием уже сложившихся диаспоральных сетей, концентрацией образовательных и экономических возможностей, а также стремлением мигрантов минимизировать культурные и адаптационные издержки за счет проживания в среде с устойчивыми внутридиаспорными связями. Постепенное расширение китайского присутствия за пределами Иль-де-Франс указывает на постепенную диверсификацию миграционных стратегий и расширение экономической активности китайской диаспоры на территории Франции.

Перепись населения Франции 2017 г. продемонстрировала, что 66% китайских мигрантов проживают в Иль-де-Франс, по сравнению с 38% других иммигрантов и 17% коренных французов. Около 60% китайских иммигрантов, проживающих в Иль-де-Франс, проживают в Париже и департаменте Сена-Сен-Дени[224]. Китайские мигранты также постепенно переезжают в другие части Франции, при этом доля проживающих в Иль-де-Франс резко снижается в пользу других французских регионов. Однако динамика расселения мигрантов, родившихся в Китае, значительно различается по стране: после десятилетия очень быстрого роста (по крайней мере 10% в год в период 1999-2010 гг. во всех регионах за пределами Иль-де-Франс), темпы роста замедлились до уровня ниже 5%[225].

Две трети китайских иммигрантов, учтенных во французской переписи, проживают в парижском регионе Иль-де-Франс, где можно заметить сильное присутствие в определенных экономических секторах, таких как рестораны, бары–табачные магазины и оптовая торговля. В некоторых районах Парижа и департаменте Сена-Сен-Дени наблюдается высокая концентрация китайских

224 Recensement 2017: résultats sur un territoire, bases de données et fichiers détail. // Institut national de la statistique et des études économiques. URL: https://www.insee.fr/fr/information/4467366 (дата обращения: 01.03.2024).

225 Attané I. Chinese Immigration to France. // Population. 2022. Vol. 77. № 2. URL: https://www.cairn-int.info/journal-population-2022-2-page-217.htm (дата обращения: 01.03.2024).

предприятий, которые в основном нанимают китайских экономических мигрантов, приезжающих во Францию в поисках работы, подавляющее большинство из которых из юго-восточного Китая, причем почти половина из них приезжает из города Вэньчжоу в провинции Чжэцзян[226].

В исследовании И. Аттанэ и Г. Мерли содержится подробное описание характеристик различных групп китайских иммигрантов во Франции. В ней респонденты разделены на несколько групп: экономические мигранты, бывшие иностранные студенты, Вэньчжоу (город в провинции Чжэцзян), Северо-Восток и Юго-Восток (за исключением Вэньчжоу) (см. табл. 7).

Таблица 7. Характеристика различных групп китайских иммигрантов во Франции по данным социологического опроса

Характеристики респондентов	**Экономические мигранты**	**Бывшие международные студенты**	**Вэньчжоу**	**Северо-восток**	**Юго-восток (исключая Вэньчжоу)**	**Всего**
Медианный возраст	46	50	51	49	34	49
Доля женщин (%)	54	16	71	55	63	55
Получили французское гражданство (%)	11	3	14	13	10	13
Время с момента первого поселения во Франции (лет)	24	6	17	18	14	18
Без квалификации или с дипломом ниже среднего (%)	68	90	32	57	0	57
Говорят по-французски «хорошо» или «очень хорошо» (%)	28	0	23	21	84	21
Лица китайского происхождения в социальном окружении (%)	87	83	81	84	59	84
Работают на «этническом» рынке труда (%)	75	97	47	67	18	67
Заняты у работодателя из Вэньчжоу (%)	59	32	45	49	6	49
Работник ручного труда или эквивалент на первой работе во Франции (%)	**75**	**97**	**70**	**76**	**37**	**76**
Работник ручного труда или эквивалент на текущей или последней работе (%)	**56**	**95**	**45**	**58**	**6**	**58**
Доля респондентов опроса (%)	**21**	**8**	**18**	**47**	**36**	**47**
Число респондентов	**66**	**19**	**63**	**148**	**224**	**148**

226 Attané I., Merli G. Integration and insularity: The diversity of Chinese immigrants in France. // Populatio n & Societies. 2024. Vol. 622. URL: https://hal.science/hal-04596737/document (дата обращения: 12.07.2024).

Источник: Attané I., Merli G. Integration and insularity: The diversity of Chinese immigrants in France. // Population & Societies. 2024. Vol. 622. – URL: https://hal.science/hal-04596737/document (дата обращения: 12.07.2024)

Проанализируем представленные данные. Средний возраст в разных группах различается: экономические мигранты и жители региона Вэньчжоу, как правило, моложе (46 и 50 лет, соответственно). Напротив, в северо-восточной группе самый высокий медианный возраст – 51 год, в то время как юго-восточная группа заметно моложе – медианный возраст составляет 34 года.

Доля женщин существенно различается в разных группах. Самый низкий процент женщин среди бывших иностранных студентов (16%), тогда как в группе Вэньчжоу женщин большинство (71%).

Уровень получения французского гражданства относительно низок во всех группах, при этом самый низкий процент – всего 3% – у бывших иностранных студентов. Самый высокий показатель наблюдается в группе Вэньчжоу (14%).

Время с момента первого поселения во Франции варьируется: экономические мигранты находятся в стране дольше всего (в среднем 24 года), в то время как бывшие иностранные студенты имеют самый короткий период поселения (6 лет).

Наблюдается резкий контраст в образовательных квалификациях. Бывшие иностранные студенты имеют более высокий процент без квалификации или с дипломом только о неполном среднем образовании (90%), в то время как в юго-восточной группе нет респондентов с таким низким уровнем образования.

Знание французского языка также значительно различается. Юго-восточная группа имеет самый высокий процент респондентов, которые говорят по-французски «хорошо» или «очень хорошо» (84%), в то время как бывшие иностранные студенты имеют самый низкий уровень владения (от 0 до

1-3%). Доля лиц китайского происхождения в социальных сетях относительно высока во всех группах и колеблется от 59% в юго-восточной группе до 87% среди экономических мигрантов.

Большинство респондентов трудоустроены на «этническом» рынке труда, причем самый высокий процент (97%) имеют бывшие иностранные студенты. Самый низкий процент – 18%, в юго-восточной группе. Высокий процент респондентов, особенно бывших иностранных студентов (97%), начали свою карьеру во Франции в качестве рабочих.

Со временем процент тех, кто в настоящее время или в последнее время занят в ручном труде, снижается во всех группах, но низкообразованные китайские иммигранты, плохо говорящие по-французски, находят работу в первую очередь на этническом рынке труда, как и нелегальные мигранты, для которых нет другой альтернативы. На своей первой работе во Франции три четверти экономических мигрантов (76%) работают в качестве рабочих или эквивалентной должности, в основном в торговле одеждой, общественном питании и строительстве. Для работы, занимаемой на момент опроса (или последней работы во Франции), доля падает до 58%, что говорит о существовании определенной восходящей социальной мобильности для некоторых. Но их положение остается в целом нестабильным, поскольку почти половина всех работников (45%) на этническом рынке труда не имеют трудового договора.

Как видно из данных таблицы, мигранты из Вэньчжоу – основные экономические мигранты, которые владеют большинством магазинов, ресторанов и предприятий по импорту-экспорту одежды на этническом рынке труда в регионе Парижа. Они нанимают половину всех экономических мигрантов, с небольшим предпочтением к выходцам из Вэньчжоу. По сравнению с другими экономическими мигрантами, мигранты с северо-востока с большей вероятностью будут заниматься физическим трудом, независимо от того, является ли это их первой или последней работой.

Представленные различия между отдельными группами китайских

мигрантов во Франции позволяют рассматривать структуру китайской диаспоры через призму теории «толчка–притяжения». Разные категории мигрантов формировались под воздействием неодинаковых комбинаций выталкивающих, притягивающих, промежуточных и индивидуальных факторов, что во многом предопределило специфику их адаптации и интеграции во французское общество.

Так, для экономических мигрантов ключевую роль играли выталкивающие факторы, связанные с ограниченными возможностями занятости, региональными экономическими диспропорциями и стремлением повысить уровень материального благосостояния. В случае бывших иностранных студентов и части представителей среднего класса, напротив, преобладали притягивающие факторы, связанные с образовательными возможностями Франции, престижем европейского образования, перспективами профессиональной реализации и включения в международную академическую среду.

Не менее важную роль играли промежуточные барьеры, которые по-разному влияли на различные группы мигрантов. Например, для части выходцев из Вэньчжоу, Фуцзяни и северо-восточных провинций Китая существенными ограничениями оставались языковая дистанция, ограниченный доступ к французскому рынку труда вне этнического сектора, отсутствие устойчивого правового статуса на ранних этапах миграции, а также зависимость от внутридиаспорных механизмов трудоустройства. Именно поэтому значительная часть мигрантов концентрировалась в рамках «этнического рынка труда», где использование китайского языка и диаспоральных связей позволяло компенсировать слабую включенность в более широкую социальную среду принимающего общества.

При этом применяемая теория позволяет учитывать и субъективный фактор миграции, который особенно заметен в случае китайской диаспоры во Франции. Для различных групп мигрантов Франция воспринималась неодинаково (как пространство экономического выживания, образовательного

продвижения, семейной стратегии, социальной мобильности или долгосрочного закрепления). Различие индивидуальных ожиданий и миграционных установок во многом объясняет неоднородность китайской диаспоры, различия в степени интеграции, уровне владения французским языком, характере занятости и готовности к культурной адаптации.

Еще одной особенностью китайских мигрантов во Франции является их почти исключительная концентрация в городских единицах: к 2017 г. почти 98% из китайских иммигрантов составляли городские жители[227].Такая концентрация мигрантов в городах может быть связана с большим количеством китайских иностранных студентов, которые обязательно живут в городских центрах рядом со своими университетами. Также это соответствует обоснованию «экономико-городской» концентрации мигрантов из Китая, обусловленной существованием миграционных сетей, сосредоточенных на географическом и языковом сообществе страны происхождения[228]. Обеспечивая связи между вновь прибывшими мигрантами и китайцами, уже обосновавшимися во Франции, эти сети не только поощряют мигрантов присоединяться к сообществам в пределах относительно ограниченных географических территорий, но также способствуют развитию «этнического рынка труда» внутри этих территорий[229].

С точки зрения концепции кросс-культурной адаптации Й. Ким подобные внутридиаспорные сети выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они облегчают процесс первичной адаптации мигрантов, снижая уровень социальной и культурной дезориентации за счет использования родного языка, привычных моделей коммуникации и механизмов взаимопомощи. С другой стороны, высокая степень замкнутости этнических сетей может ограничивать интенсивность контактов с принимающим обществом и замедлять более

227 Brutel Ch. La localisation géographique des immigrés. Une forte concentration dans l’aire urbaine de Pari s. // Institut national de la statistique et des études économiques. 19 April, 2016. URL: https://www.insee.fr/fr/ statistiques/2121524 (дата обращения: 03.03.2024).
228 Ma Mung E. La diaspora chinoise en France. // Migration et mutations de la société française, M. Poinso t, S. Weber (eds.). – Paris: La Découverte, 2014. P. 124.
229 Li Zhipeng. Les entrepreneurs chinois en France. «Le modèle de la diaspora Wenzhou». – Tours: Presses Universitaires François-Rabelais, 2021. P. 106.

глубокую социальную и культурную интеграцию. В результате адаптационные процессы приобретают сегментированный характер, при котором экономическая включенность не всегда сопровождается расширением межкультурной коммуникации.

С позиции же теории «толчка–притяжения» внутридиаспорные и экономические сети могут рассматриваться как механизм преодоления промежуточных барьеров миграции. Для значительной части китайских мигрантов ограниченное владение французским языком, культурная дистанция, особенности французской бюрократической системы и трудности доступа к формальному рынку труда компенсировались включением в уже существующие диаспоральные структуры. Земляческие объединения, семейные связи и этнический рынок труда фактически снижали адаптационные издержки миграции и обеспечивали более быстрое включение новых мигрантов в экономическую жизнь принимающего общества.

В то же время подобная модель интеграции сформировала определенную зависимость мигрантов от этнической среды. Использование преимущественно внутридиаспорных механизмов занятости и коммуникации позволяло снизить влияние промежуточных барьеров на ранних этапах адаптации, однако одновременно ограничивало интенсивность взаимодействия с французским обществом за пределами китайской диаспоры. В результате часть китайских мигрантов оказывалась интегрирована в экономическую структуру Франции преимущественно через этнический сегмент рынка труда, сохраняя при этом достаточно высокий уровень социальной и культурной дистанции.

Принципы компактного проживания на практике предполагают проживание в «китайских районах» (чайна-таун). Обычно подобные районы складывались вокруг уже существующих связей между мигрантами (родственниками, выходцами из одних и тех же регионов Китая, владельцами семейного бизнеса или знакомыми, помогавшими новым мигрантам после переезда)[230].

230 Anqi Chen, Yongxin Lu. Beyond Ethnic Enclave: Social Integration of Chinese Immigrants in Paris's "Lit

Внутри чайна-таунов многим было проще искать работу, жилье и выстраивать повседневную жизнь. Большая часть мигрантов работала в торговле, ресторанном бизнесе или сфере услуг, где важную роль играли связи внутри китайской среды. При этом чайна-тауны для многих мигрантов оставались привычным культурным пространством. Китайские вывески, рестораны, магазины, красные фонари, элементы традиционного оформления улиц и зданий создавали ощущение связи с Китаем. Особенно важно это для людей, которые недавно приехали во Францию или плохо владели французским языком.Для членов китайской диаспоры такие элементы служат напоминанием о своих корнях и культурной принадлежности, создавая ощущение дома в условиях чужой страны[231].

Исходя из положений теории «толчка–притяжения» формы пространственной и культурной организации китайской диаспоры позволяют частично компенсировать действие промежуточных барьеров миграции. Использование привычной языковой среды, воспроизводство элементов культурного пространства Китая и наличие устойчивых внутридиаспорных коммуникаций способствуют снижению психологического дискомфорта, связанного с пребыванием в иной социокультурной среде. Для многих мигрантов такие пространства формируют ощущение культурной предсказуемости и социальной безопасности, оказывая влияние на субъективное восприятие принимающего общества и адаптационного процесса в целом. Именно поэтому чайнатауны становятся важным адаптационным механизмом, позволяющим мигрантам постепенно включаться в принимающее общество без полного разрыва со своей культурной средой.

Кроме того, «чайнатауны» становятся своеобразными центрами притяжения, где происходит обмен культурным опытом между китайской диаспорой и местным населением. Этот обмен играет важную роль в процессе интеграции, способствуя более глубокому взаимопониманию и толерантности

tle Asia”. // The Journal of Undergraduate Geography. – 2020. – Vol. 10. – № 2. P. 79-80.
231 Ma Mung E. Diaspora et migrations chinoises // L'enjeu mondial. Les migrations. – Paris: Presses de Sci ences Po, 2009. P. 238.

между культурами. В результате «чайнатауны» оказываются не только экономическими, но и культурными анклавами, где китайская культура продолжает развиваться и адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом свои уникальные черты.

Отметим, что в рамках концепции Й. Ким сохранение подобных культурных пространств, таких как чайнатауны, не рассматривается как препятствие для интеграции само по себе. Напротив, наличие устойчивой культурной среды позволяет мигрантам поддерживать чувство коллективной идентичности и психологической стабильности в условиях пребывания в иной социокультурной системе. При этом успешность адаптации во многом зависит от того, насколько этнические сообщества сохраняют способность к взаимодействию с внешней социальной средой, а не функционируют исключительно как замкнутые структуры.

В то же время, по оценкам экспертов, стратегическая важность отводится т.н. потребностям в культурной идентификации, главным образом – с информационной точки зрения. На практике «мягкосиловое» влияние диаспор проявляется в использовании китайского языка в рекламе, вывесках, что несколько упрощает продвижение товара на рынке среди выходцев из различных регионов Китая. Дополнительным аспектом выступают и отдельные элементы экстерьера – к примеру, красные фонари, применение узорчатой графики надписей, отражение принципов конфуцианства (порталы входов как символ духовной связи с исторической родиной), по аналогии с конфессиональными храмами.

Социально-профессиональная структура китайской диаспоры во Франции заметно изменилась на протяжении XX–XXI вв. Если на ранних этапах китайской миграции большинство приезжих занималось преимущественно физическим и низкоквалифицированным трудом, работало на производстве, в сфере мелкого ремесла или выполняло различные рабочие функции, то со временем ситуация стала постепенно меняться.

На современном этапе структура занятости китайской диаспоры стала

значительно более разнообразной. Как отмечает Ван Симэн, сегодня среди китайских мигрантов во Франции заметно увеличилась доля предпринимателей, владельцев торговых компаний, оптовых поставщиков, представителей финансовой сферы, а также специалистов так называемых свободных или либеральных профессий[232].Другой характерной чертой выступает последовательное увлечение доли женщин среди мигрантов (от 10% в 1950 г., до 30% к 1990 г., и 51% к 2017 г.)[233], что указывает, на ряд специфических особенностей в трансформации китайской диаспоры во Франции:

1. изменение характера труда мигрантов (повышение удельного веса интеллектуальных профессий – аналитиков, финансистов и т.п.);

2. изменение семейного статуса (с точки зрения увеличения коэффициента оседлости).

Это предполагает снижение удельного веса мужчин, приехавших на короткие по срокам заработки (с целью улучшения материального положения семьи в Китае), которые на современном этапе уже создают полноценные семьи с детьми, с акцентом на долгосрочных целях и ориентации на полное обустройство во Франции[234]. Изменение гендерной и социальной структуры китайской диаспоры во Франции свидетельствует и об изменении миграционных стратегий. Если ранние волны китайской миграции были преимущественно ориентированы на временную трудовую мобильность и экономическое выживание, то на современном этапе всё более заметную роль играют долгосрочные стратегии семейного закрепления, профессиональной самореализации и социальной стабильности. В рамках теории Э. Ли это отражает изменение баланса между выталкивающими и притягивающими факторами – миграция определяется не кризисными обстоятельствами в стране происхождения, а субъективным восприятием Франции как пространства более высокого качества жизни, образовательных возможностей и устойчивого

232 Simeng Wang. La diaspora chinoise en mutations: histoire, influences et étude du cas en France // Confér ence de Simeng Wang, chargée de recherche au CNRS. 15 novembre 2018. URL: https://geopolri.hypotheses.or g/827 (дата обращения: 04.03.2024).
233 Lévy F., Lieber M. La sexualité comme ressource migratoire. // Les Chinoises du Nord à Paris, Revue fr ançaise de sociologie. – 2019. – Vol. 50. – № 4. P. 733-735.
234 Ibid.

социального развития.

Указанный аспект также уместно дополнить позицией П. Руийон, по оценкам которой китайский подход к миграции во Францию предполагает последовательное замещение временной трудовой миграции постоянным поселением[235]. Считаем данное мнение обоснованным, учитывая в процессе глобализации и интенсификации как миграционных потоков, так и движения товаров, работ, услуг и капитала, выбор стран для краткосрочной трудовой миграции может выступать приоритетом уязвимых слоев населения, тогда как условный среднезажиточный класс может себе позволить обеспечить проживание в более развитых с экономической и технологической точки зрения государствах. Незначительное (по сравнению с мировой китайской диаспорой), китайское присутствие во Франции, образует заметное этническое меньшинство, за счет последовательного увеличения численности китайской диаспоры с акцентом как на рабочих мигрантах, так и на среднем классе.

Отмеченные тенденции формируют потребность в более детальном анализе структуры китайской диаспоры во Франции, которая является крайне разнородной. Даже при сохранении общих этнокультурных характеристик, чувства солидарности и взаимопомощи, у китайской диаспоры во Франции существует ряд характерных особенностей. Например, в Париже и пригороде, в котором проживают китайские мигранты, характерные черты китайских диаспор могут различаться по принципу территориального размещения и профессиональной специализации, что подчеркивает различия в степени ассимиляции и характере интеграционной мотивации[236].

Один из первых устойчивых китайских районов в Париже начал складываться в XIII округе города в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Основу этого сообщества составили выходцы из стран Индокитая и люди китайского происхождения из Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Многие из них прибыли во Францию как беженцы после политических потрясений и вооружённых

235 Rouillon P. La Chine d'outre-mer : une diaspora d'influence? // Centre d’etudes strategiques de la marine. – 2014. – № 4. P. 11.

236 Lucchini G. Singularités de la migration chinoise en France. // La Chine à Paris, enquête au cœur d’un monde méconnu R. Béraha (ed.). – Paris: Robert Laffont, 2012. P. 247.

конфликтов, охвативших регион во второй половине XX в. Со временем именно эти группы стали ядром формирования китайского присутствия в этом районе Парижа. Постепенно здесь начали появляться магазины, рестораны, культурные и общественные организации, что привело к формированию устойчивого пространства проживания и экономической активности китайской диаспоры.

Пространственная концентрация этих групп в пределах одного городского района способствовала возникновению институционально оформленных диаспорных структур, которые выполняли функции социальной взаимопомощи и поддержки новых мигрантов. Представленная модель расселения позволяла сохранять элементы этнической и культурной идентичности, однако в определенной степени замедляла процессы глубокой ассимиляции в принимающее общество. В научной литературе это часто описывается через концепцию сегментированной интеграции, при которой включение мигрантов в социально-экономическую структуру принимающей страны происходит неравномерно и сопровождается сохранением устойчивых этнокультурных границ[237].

Во Франции сформировался и другой важный сегмент китайской диаспоры – так называемая «вэньчжоуская диаспора», происхождение которой связано с выходцами из города Вэньчжоу в провинции Чжэцзян. Отличительной особенностью группы является сохранение устойчивых экономических, демографических и родственных связей с Китаем. Выходцы из Вэньчжоу традиционно были связаны прежде всего с мелким бизнесом и торговлей. Многие мигранты после переезда открывали семейные магазины, мастерские, небольшие предприятия или работали внутри уже существующих китайских бизнес-сетей. Большое значение сохраняли связи между родственниками и земляками, через них искали работу, жилье и помогали

237 Trajectoires et Origines: Enquête sur la diversité des populations en France // Le Figaro – Actualité en direct et informations en continu. Octobre 2010. URL: https://www.lefigaro.fr/assets/pdf/ined.pdf (дата обращения: 05.03.2024)

новым мигрантам обустроиться после приезда[238].

Вэньчжоуская миграция во Францию начала увеличиваться еще до Второй мировой войны, однако наиболее заметной она стала позже, в период расширения внешних связей Китая и роста международной миграции. Наиболее крупные группы вэньчжоуских мигрантов проживают в Париже и пригородах французской столицы (в районах Бельвиль и Маре). Кроме того, они распространены в Марселе, Лионе и некоторых других городах. Экономическая деятельность мигрантов преимущественно связана с ресторанным бизнесом, популяризацией китайской кухни, ремесленными мастерскими и различными формами малого предпринимательства[239].

Следующей важной диаспорой для Франции выступает т.н. «Дунбэйская диаспора» (выходцы с бывшей Маньчжурии, провинций Цзилинь, Ляонин, Хэйлунцзян), численность которой оставляет около 22 тыс. человек[240]. Специфика данной диаспоры связана с наличием у выходцев из Китая высокого уровня образования, с преобладанием женщин (около 71%), а также лиц старшего возраста. По оценкам А. Гордона, специфика данной диаспоры связана с намерением обустройства личной жизни, поддержкой родственников в Китае, а также стремлением китайских женщин к поиску работы на европейском рынке труда (запрос на женские профессии)[241].

В свою очередь, работа представителей данной диаспоры связана с сферой услуг (клининг, работа с детьми), а одним из ключевых аспектов миграции данной группы является отсутствие средств для удовлетворения собственных жизненных потребностей, формирующих стремление к достойному уровню жизни, а также позиционирование Франции как

238 Zhejiang migrants in Europe and China // Internal and international migration:Chinese Perspectives, N. Frank, N. Pieke, H. Mallee (eds.). – London: Routledge, 2013. P. 119-121.

239 Simeng Wang. Highly skilled Chinese immigrants in France: Career choices, marriage behavior and political participation. // Chinese Immigrants in Europe: Image, Identity and Social Participation. De Gruyter. 28 January 2022. URL: https://hal.science/hal-02999543/document (дата обращения: 07.03.2024).

240 Biao Xiang. Le migrant en devenir: Transformation sociale, émigration de travail et gouvernance dans le nord-est de la Chine // Monde commun. – 2019. – № 3. P. 134.

241 Гордон А.В. Трансграничная миграция и образование диаспор: китайцы во Франции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2021. – № 2. С. 41.

возможного вектора карьеры[242].

Сообщество китайских иммигрантов во Франции можно также разделить на несколько ключевых категорий, каждая из которых характеризуется уникальными геополитическими и культурными факторами.

1. Индокитайцы. Эта группа включает китайских мигрантов, которые прибыли из стран Юго-Восточной Азии, таких как Вьетнам, Камбоджа и Лаос. Они говорят на различных диалектах китайских провинций, откуда происходят. Их миграция в значительной степени была вызвана политической и экономической нестабильностью в их родных странах в 1970-х годах. После прибытия во Францию, эти мигранты часто селились в районах с доступным жильем, таких как Порт-д'Итали и Порт-д'Иври в Париже, и занялись открытием малых бизнесов, таких как рестораны и швейные фабрики.

2. Мигранты из Вэньчжоу и Цинтяня. Эти иммигранты прибыли в Европу в начале XX века, преимущественно в поисках экономических возможностей. В конце 1970-х и 1980-х годов, в период новой волны эмиграции из Китая, многие жители Вэньчжоу и Цинтяня снова начали мигрировать в Европу, зачастую используя возможность воссоединения семьи. Эта группа известна своими успешными коммерческими начинаниями и хорошо организованными сетями поддержки.

3. Китайцы из провинции Гуандун и Гонконга. Эти мигранты говорят на кантонском диалекте и образуют значимую часть китайской диаспоры во Франции. Их миграция в Европу часто связана с поиском экономических возможностей и установлением бизнеса, включая рестораны и другие предприятия в сфере услуг.

4. Фуцзяньцы. В конце 1980-х годов, многие фуцзяньцы прибыли во Францию нелегально, зачастую через контрабандные каналы. Поскольку у них не было устойчивых социальных сетей в новой стране, большинство из них трудоустроились в низкоквалифицированных сферах, таких как строительство,

242 Paul M. The Dongbei: The New Chinese Immigration in Paris. // Globalizing Chinese Migration, P. Nyíri, I. Saveliev (eds.). – London: Routledge, 2003. P. 7-8.

текстильное производство и розничная торговля. Их рабочие условия и социальное положение часто отличались от более интегрированных групп китайских мигрантов.

5. Отдельную группу в структуре китайской диаспоры во Франции составляют студенты. В последние годы их число заметно увеличилось и приблизилось к 30 тыс. чел[243]. Большинство из них приезжает во Францию для обучения в университетах и высших учебных заведениях, уже имея достаточно высокий уровень подготовки. Долгое время значительная часть китайских студентов рассматривала возможность остаться во Франции после окончания учебы и продолжить здесь профессиональную деятельность. Однако в последние годы ситуация постепенно меняется. Экономические сложности в Европе, ужесточение миграционной политики, а также быстрый рост китайской экономики делают возвращение на родину более привлекательным вариантом. В результате всё больше выпускников после получения диплома предпочитают возвращаться в Китай, где для них открываются новые карьерные возможности.

Таблица 8. Основные типы китайской миграции во Францию

Тип миграции	**Основные характеристики**
Трудовая миграция	Ресторанный бизнес, торговля, ремесло, текстиль, сфера услуг
Предпринимательская миграция	Малый и средний бизнес, импорт-экспорт, семейные предприятия
Образовательная миграция	Студенты университетов и исследовательских центров
Семейная миграция	Воссоединение семей, формирование устойчивых диаспоральных сетей
Беженская миграция	Выходцы из Индокитая после политических кризисов
Высококвалифицированная миграция	Научная, технологическая и профессиональная деятельность

Источник: составлено автором по материалам Paul M. The Dongbei: The New Chinese Immigration in Paris. // Globalizing Chinese Migration, P. Nyíri,I. Saveliev (eds.). – London: Routledge, 2003.

243 France shaping as popular study destination, report says. // China Daily. 20.13.2023. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202312/20/WS65823fbaa31040ac301a8967.html (дата обращения: 10.07.2024).

Представленная структура демонстрирует, что современная китайская миграция во Францию носит многокомпонентный характер и не сводится исключительно к трудовой миграции низкой квалификации, характерной для ранних этапов формирования диаспоры. Существенную роль начинают играть образовательные, предпринимательские и профессиональные формы мобильности, связанные с ростом среднего класса в КНР, развитием франко-китайского сотрудничества и расширением международной академической мобильности. Это отличает современную китайскую диаспору во Франции от более ранних миграционных моделей и указывает на постепенное усложнение социальной структуры китайского присутствия в стране.

Таким образом, несмотря на то, что Европа не является основным направлением китайской миграции, рассматриваемое направление является важным со стратегической точки зрения вектором китайской миграции, развитие которого осуществляется на основе исторических аспектов (предыдущие поколения осевшие во Франции), так и исходя из уровня достатка китайцев (чем выше уровень достатка и принадлежность к обществу средней зажиточности, тем выше будет вероятность переезда мигранта во Францию, стремившегося к повышению уровня и качества жизни).

Таким образом, китайская диаспора во Франции представляет собой сложную и внутренне неоднородную систему, сформированную под воздействием различных миграционных волн, отличающихся как мотивацией выезда, так и характером адаптации в принимающем обществе. Различия между отдельными группами китайских мигрантов позволяют рассматривать их через призму теории «толчка–притяжения», поскольку разные категории мигрантов демонстрируют неодинаковую зависимость от экономических, образовательных, социальных и культурных факторов миграции. Существенную роль при этом играют промежуточные барьеры – языковая дистанция, особенности французской институциональной среды,

ограниченность доступа к формальному рынку труда и культурные различия, а также субъективное восприятие Франции как пространства экономической мобильности, образовательного продвижения или долгосрочного семейного закрепления.

Особенности расселения, высокая роль сетей диаспор, развитие этнического рынка труда и сохранение устойчивых культурных связей позволяют рассматривать китайскую диаспору во Франции и через концепцию кросс-культурной адаптации. В этом контексте интеграция китайских мигрантов характеризуется сочетанием экономической включенности и сохранения этнокультурной идентичности, при котором адаптация осуществляется преимущественно через постепенное расширение взаимодействия с принимающим обществом без полного отказа от собственной культурной среды.

В отличие от Германии, где китайская миграция в большей степени связана с образовательной и высококвалифицированной профессиональной мобильностью, французский кейс характеризуется более выраженной внутренней неоднородностью китайской диаспоры и более высокой ролью исторически сложившихся диаспоральных и семейных сетей, что проявляется как в структуре занятости китайских мигрантов, так и в особенностях их территориального расселения и адаптационных стратегий.

2.3 Идентичность китайских мигрантов во Франции и применимость концепции «образцового меньшинства»

Французская модель включения мигрантов традиционно строится на принципах ассимиляции. Ее истоки восходят к идеям Французской революции и концепции культурного универсализма, согласно которой все граждане должны разделять единое гражданское пространство, основанное на общих светских и республиканских ценностях.

Отметим, что с точки зрения теории «толчка–притяжения» французская

модель интеграции сама по себе выступает одним из значимых притягивающих факторов для части китайских мигрантов, прежде всего ориентированных на долгосрочное проживание, получение образования и профессиональную реализацию в странах ЕС. Франция воспринимается не только как экономически развитое государство, но и как пространство с устойчивой системой социальных институтов, высоким качеством образования, развитой городской инфраструктурой и сравнительно предсказуемыми механизмами социальной мобильности. Универсалистская модель французского гражданства предполагает высокий уровень требований к культурной и языковой адаптации, что превращает интеграцию мигрантов в сложный и многоуровневый процесс взаимодействия между принимающим обществом и этническими сообществами.

Именно в рамках такого подхода государство не делает акцент на культурных, языковых или этнических различиях, а, напротив, стремится к формированию общей гражданской идентичности[244].

С точки зрения концепции кросс-культурной адаптации Й. Ким подобная модель предполагает высокий уровень требований к социокультурной адаптации мигрантов, поскольку успешность интеграции во многом связывается со способностью иностранца включаться в единое гражданское и культурное пространство принимающего общества. В условиях французской модели особое значение приобретают языковая компетенция, принятие республиканских норм и готовность к постоянному межкультурному взаимодействию. Именно поэтому французское законодательство предполагает, что получение гражданства связано с готовностью иностранца интегрироваться во французское общество. Начиная с 1945 года положения Гражданского кодекса Франции предусматривают, что натурализация возможна лишь при условии демонстрации такой готовности через знание французского языка, понимание культурных норм и уважение к законам страны[245].

244 Смирнова О.А. Миграционная политика Франции на рубеже XX-XXI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2022. – № 3. С. 359.
245 Fuga A. Multiculturalism in France: Evolutions and Challenges // EUROSPHERE: Working Paper. – 2008.

Для более точного понимания различий между французским и германским кейсами необходимо обратиться к базовым моделям интеграции мигрантов, среди которых в научной литературе традиционно выделяются ассимиляционная, мультикультурная и сегрегационная модели. Ассимиляционная модель предполагает постепенное включение мигранта в принимающее общество через освоение языка, норм, институтов и гражданской идентичности принимающего государства, при этом этнокультурные различия вытесняются в частную сферу. Мультикультурная модель, напротив, исходит из признания культурного многообразия как устойчивой характеристики современного общества и допускает сохранение мигрантскими группами собственной культурной, языковой и религиозной специфики при условии их включения в правовое и институциональное пространство принимающего государства. Сегрегационная модель предполагает более ограниченное включение мигрантов в общественную жизнь – мигранты могут быть экономически востребованы, однако сохраняют социальную дистанцию от принимающего общества, концентрируются в отдельных профессиональных нишах, городских пространствах или этнических сетях и не получают полноценного доступа к механизмам социальной и политической интеграции[246].

В отношении Франции и Германии данные модели не следует понимать неизменными схемами, поскольку современные европейские государства сочетают разные элементы интеграционной политики. Вместе с тем исторически Франция в большей степени связана с республиканско-универсалистской моделью интеграции, при которой мигрант рассматривается прежде всего как индивидуальный гражданин, включаемый в единое общественное пространство на основе общих правовых, языковых и

– № 12. P. 9.

[246] См.: Choquet S. Models of Integration in Europe. // The Robert Schuman Foundation. URL: https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0449-models-of-integration-in-europe (дата обращения: 11.06.2026); Bertossi C. National Models of Integration in Europe: A Comparative and Critical Analysis. // American Behavioral Scientist. – 2011. - Vol. 55. – № 12. – P. 1561-1580.

светских норм. При этом в практическом измерении французская модель допускает сохранение этнокультурной специфики в частной и локальной среде, что особенно заметно в функционировании китайской диаспоры в Париже и других крупных городах. Именно поэтому французский кейс в настоящем исследовании рассматривается как модель, в которой институциональный универсализм сочетается с фактической социокультурной гибкостью.

Французская миграционная политика постоянно менялась. Уже в XXI в., наряду с традиционной ассимиляционной моделью, в ней стал заметнее учитываться фактор семейной миграции и воссоединения семей, что отчасти сближает ее с подходами, применяемыми в Германии. Существенным этапом стало принятие в 2003 г. закона «О регулировании иммиграции, пребывании иностранцев во Франции и натурализации»[247]. Документ ужесточил правила въезда и пребывания иностранцев на территории страны. Он предусматривал дополнительные меры по борьбе с нелегальной миграцией, уточнял условия проживания и правовой статус иностранцев в рамках политики их интеграции, а также расширял возможности государства по выдворению лиц, находящихся во Франции незаконно или не соответствующих установленным требованиям.

Следующим этапом изменения французской миграционной политики стало принятие в 2006 году закона «Об иммиграции и интеграции»[248]. Если в законодательстве 2003 года основной упор делался на административные меры контроля и на сокращение числа мигрантов, въезжающих в страну, то новый закон сместил акцент на вопросы интеграции тех иностранцев, которые уже проживают на территории Франции. Предполагалось, что более системная работа с мигрантами позволит снизить риск социальных противоречий и предотвратить возможную напряженность в обществе. Одним из ключевых нововведений стало введение так называемого «контракта интеграции». В соответствии со ст. 5, иностранцы, прибывающие во Францию для постоянного

247 Loi № 2003-1119 du 26 novembre 2003 relative à la maîtrise de l'immigration, au séjour des étrangers e n France et à la nationalité // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTE XT000000795635&categorieLien=id (дата обращения: 18.12.2024).
248 Loi № 2006-911 du 24 juillet 2006 relative à l'immigration et à l'intégration // Légifrance. URL: https: //www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000266495 (дата обращения: 19.12.2024).

проживания (в том числе молодые люди в возрасте от 16 до 18 лет), должны были подписывать этот документ. Контракт предусматривал участие мигрантов в программах изучения французского языка, знакомство с основами общественной и гражданской жизни страны, а также закреплял определённые обязательства со стороны самого мигранта. Одновременно были несколько ужесточены правила воссоединения семей, что стало частью общей политики регулирования миграционных процессов[249].

В 2011 г. во Франции был принят закон «Об иммиграции, интеграции и гражданстве», который продолжил реформирование миграционной политики страны и был направлен на усиление контроля над миграционными процессами и, прежде всего, на борьбу с нелегальной миграцией[250]. Закон также затрагивал вопросы трудовой занятости иностранцев, в том числе предусматривал меры против незаконного трудоустройства лиц, не имеющих соответствующего разрешения на работу. Одновременно были предложены изменения, касающиеся интеграционной политики государства, а также пересмотрены механизмы, связанные с процедурами выдворения иностранных граждан, находящихся на территории Франции с нарушением миграционного законодательства. В целом документ стал частью стратегии французских властей, направленной на ужесточение контроля над миграцией при одновременном сохранении курса на интеграцию легально проживающих иностранцев.

Ужесточение миграционного регулирования во Франции отражало стремление государства ограничить действие ряда промежуточных факторов, влияющих на миграционные потоки. Ужесточение контроля над въездом, натурализацией и трудовой миграцией сформировало дополнительные административные и правовые барьеры, способные сдерживать миграцию либо изменять ее характер. Для китайских мигрантов подобные ограничения

249 Loi № 2006-911 du 24 juillet 2006 relative à l'immigration et à l'intégration // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000266495 (дата обращения: 19.12.2024).
250 Loi № 2011-672 du 16 juin 2011 relative a l’immigration, a l’integration et a la nationalité // Légifrance. URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000024191380&categorieLien=id (дата об ращения: 21.12.2024).

означали необходимость более высокой степени адаптационной готовности (владения французским языком, понимания институциональных требований и способности ориентироваться в сложной системе миграционного законодательства). При этом наличие устойчивых сетей диаспор частично компенсировало влияние подобных барьеров. Уже сформированные китайские сообщества, семейные и земляческие связи, а также этнический рынок труда создавали механизмы поддержки новых мигрантов и снижали риски, связанные с адаптацией к французской правовой и социальной среде.

В целом французская модель интеграции строится вокруг идеи включения мигранта в единое гражданское пространство страны. Основной упор делается на знание французского языка, понимание истории и культуры Франции, а также на уважение её законов и республиканских ценностей. При этом важным принципом является ориентация не на коллективные права отдельных групп, а на индивидуальную ответственность и права каждого человека как гражданина.

Со временем миграционная политика Франции претерпевала изменения и корректировки, однако базовая логика в значительной степени сохранилась. Несмотря на отдельные противоречия и несогласованность в ряде аспектов регулирования, общий курс продолжает опираться на идею ассимиляции мигрантов. Заметно это в универсальных требованиях, предъявляемых ко всем иностранцам, которые стремятся закрепиться во французском обществе: владение языком, знание культурных норм и соблюдение законов страны рассматриваются как необходимое условие полноценного включения в общественную жизнь Франции.

Отличия китайской диаспоры от иных этнических меньшинств во Франции связаны с тем, что «за китайскими мигрантами стоит активно развивающееся государство, претендующее на роль ключевого центра мира»[251]. Внешнеэкономический фактор обладает для китайской диаспоры

251 Гордон А.В. Трансграничная миграция и образование диаспор: китайцы во Франции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканисти ка. – 2021. – № 2. С. 44.

стратегическим значением, поскольку выходцы из Китая могут укрепить свои позиции как посредники (либо, возвращаясь к «мягкосиловой терминологии», ретрансляторы) в масштабной экспортно-импортной торговле по оси «Франция – Китай», а также наращивают собственный экономической потенциал, повышая собственное благополучие.

С позиции Н. Лапиной «анатомия страхов перед китайским влиянием» тесным образом связана с сопоставлением во Франции «образа постсоветской России и возвышающегося Китая»[252]. По ее оценкам данный аспект был особо заметен в 2008 г. в период финансово-экономического кризиса в ЕС, на фоне которого Китай ускорял собственный экономический рост, что повторилось и в дальнейшем – в 2018-2019 гг. (торговые войны, образ инициативы «Один пояс – один путь», здравой альтернативе которой США не были в состоянии представить, как угрозы для Европы), и 2020 – 2023 гг. (пандемия коронавируса, восприятие каждого китайца как потенциального носителя болезни, страх перед туристами из Китая, китайскими мигрантами и т.п.).

Подобные тенденции демонстрируют, что восприятие китайских мигрантов во Франции определяется не только внутренними особенностями французской миграционной политики, но и более широким международным контекстом, связанным с усилением глобального влияния Китая. Это указывает на важность социокультурной восприимчивости принимающего общества как одного из ключевых факторов успешной адаптации мигрантов. Развитие геополитической напряженности способно влиять на характер восприятия китайской диаспоры, формируя дополнительные психологические и культурные барьеры интеграции даже при отсутствии прямых социальных конфликтов.

Даже на фоне геополитического противостояния РФ и стран Запада, а также стратегической конкуренции между США и КНР (в контексте возможного прихода Д. Трампа по итогам выборов в ноябре 2024 г. и

252 Лапина Н.Ю. Образ России во Франции в начале XXI века: Взгляд социолога. // Образ современнойРоссии во Франции: Опыт междисциплинарного анализа. – М.: ИНИОН, 2012. С. 181.

повторения торговых войн), Франция нацелена на укрепление национальных позиций и развитие сотрудничества, с целью расширения французского экспорта и дальнейшего наращивания инвестиций в китайскую экономику а также пропорционального привлечения инвестиций из Китая в экономику Франции[253]. Это указывает на тот факт, что «подозрительность во Франции в отношении Китая контрпродуктивна», что ставит закономерный вопрос о необходимости формирования «новых стратегий, осторожных, но открытых» в отношениях как с Китаем, так и с проводниками китайской политики «на местах» (диаспоры)[254].

С позиции Бода Чайма, Институты Конфуция, равно как и иные учреждения и структуры «китайской культуры» используются «с целью распространения тысячелетней культуры Китая, продвижения изучения китайского языка, культуры, а также с целью пробуждения интереса у западных людей к китайской культуре, кулинарии, традиционным китайским практикам», что в целом актуально и для альтернативных каналов построения связей между сообществами (сближение диаспор)[255].

В практическом плане это реализуется непосредственно через сеть Институтов Конфуция, действующую при французских университетах и выполняющую одновременно образовательные и культурно-коммуникационные функции. По данным французской сети Институтов Конфуция, в стране функционируют 17 институтов; ежегодный масштаб их активности измеряется тысячами учебных часов по китайскому языку, сотнями выделяемых стипендий и регулярным проведением культурных мероприятий, адресованных академической среде и этническим сообществам[256].

253 Jing Wang. Communautés imaginées et reconnaissance républicaine: la diaspora asiatique en France. // No uvelles questions ethniques. 2021. Vol. 37. № 3. URL: https://journals.openedition.org/remi/19300?lang=fr (дата обращения: 07.03.2024).

254 Лапина Н.Ю. Образ России во Франции в начале XXI века: Взгляд социолога. // Образ современно йРоссии во Франции: Опыт междисциплинарного анализа. – М.: ИНИОН, 2012. С. 182.

255 Boda Chayma. Devenir Chinois de France. Identité et appartenances chez les migrants chinois // Métropol itiques. 10 décembre 2018. URL: https://www.metropolitiques.eu/Devenir-Chinois-de-France.html (дата обращен ия: 09.03.2024).

256 Réseau des Instituts Confucius en France. // Institut Confucius de La Rochelle. URL: https://institut-confuc

Важно то, что эффект от Институтов Конфуция не сводится к абстрактной культурной дипломатии, так как будучи университетскими площадками, они формируют инфраструктуру повседневных контактов (языковых, образовательных и др.), тем самым расширяя социальные сети китайских мигрантов и студентов, а также создавая устойчивые мосты между сообществами диаспор и механизмами культурного взаимодействия. Каждый институт выступает не только «витриной культуры», но и технологией производства социального капитала, формируемый вокруг китайского языка и присутствия китайской культуры во Франции и Германии.

В рамках концепции кросс-культурной адаптации образовательные и культурные институты выполняют функцию промежуточной адаптационной среды между мигрантом и принимающим обществом. Они позволяют снижать уровень культурной дистанции, обеспечивают более мягкое включение китайских мигрантов в академическое и общественное пространство Франции и одновременно способствуют сохранению элементов собственной культурной идентичности. Для значительной части китайских студентов и представителей интеллектуальной миграции они – важный канал первичной социальной интеграции.

Поэтому деятельность Институтов Конфуция и иных форм китайского культурного присутствия также влияет на субъективное восприятие Франции как пространства миграции. Наличие привычной культурной среды, языковой поддержки и институциональных механизмов взаимодействия снижает восприятие культурных и коммуникативных барьеров, что делает образовательную и профессиональную миграцию во Францию более привлекательной для части китайских граждан.

Китайские мигранты, по аналогии с иными диаспорами, проживающими во Франции, задействованы в перечислении финансовых средств своим семьям в Китай, и данный аспект не является исключительной и специфической чертой китайского подхода. Если денежные переводы воспроизводят

ius.univ-larochelle.fr/reseau-des-instituts-confucius-en-france/ (дата обращения: 28.01.2026).

семейно-экономическую связь «мигрант – домохозяйство», то возможности культурного присутствия создают иной тип связности – публичный и репутационный. В условиях Франции, где численность иммигрантов китайского происхождения оценивается более чем в 116 тыс. человек[257], устойчивые образовательные и культурные площадки (включая университетские Институты Конфуция) становятся средой, в которой диаспора приобретает дополнительную «видимость», как для французского общества, так и для двусторонней повестки. В результате «фактор диаспоры» работает не только через торговлю и частные сети, но и через формирование спроса на языковую компетенцию, межуниверситетские контакты и культурные форматы, которые опосредуют экономические взаимодействия и снижают барьеры в коммуникации.

В то же время, китайская специфика проявляется в усилении роли китайской диаспоры в качестве фактора расширения сотрудничества между КНР и Францией. Например, по мере развития китайского экспорта, китайские диаспоры способствуют расширению французского экспорта в Китай (аналогично для инвестиций), но при этом могут оказывать влияние и на местные рынки. В то же время, умеренное наращивание позиций Китая в торгово-экономическом сотрудничестве с Францией, за счет использования потенциала диаспор, обладает преимущественно позитивными аспектами, поскольку позволяет компенсировать сокращение сбыта в США (пошлины), и делает Китай выгодной альтернативой американским рынкам сбыта.

Наращивание китайских инвестиций также формирует ряд дополнительных перспектив – к примеру, за счет увеличения вклада китайской диаспоры в экономику Франции и муниципальные бюджеты, что дополняется доходами от китайских туристов (около 2 млн. ежегодно после пандемии коронавируса), с оборотом около $6.2 млрд., поддерживая тем самым

257 Half of new immigrants in France are students or refugees. // Le Monde. January 28, 2026. URL: https://www.lemonde.fr/en/france/article/2026/01/28/half-of-new-immigrants-in-france-are-students-or-refugees_6749887_7.html (дата обращения: 29.01.2026).

туристическую отрасль как Франции, так и Европы в целом[258]. Такие тенденции отражают системную роль китайской диаспоры в укреплении сотрудничества двух стран, а также в формировании позитивного общественного восприятие китайцев.

При этом общественное восприятие мигрантов в целом во Франции демонстрирует общее критичное отношение к иммиграции как таковой, например, по данным опроса исследовательской компании Elabe на 2025 г., около 60% французов считают, что мигрантов в стране слишком много, а более половины опрошенных соглашаются с тем, что число мигрантов превышает оптимальные уровни[259]. Но социокультурные исследования показывают, что мигранты азиатского происхождения (среди которых китайцы являются наибольшей диаспорой) воспринимаются несколько иначе по сравнению с другими группами мигрантов, их образ описывается как «трудолюбивые, спокойные и предприимчивые»[260],а участие французских властей в праздновании культурных событий (например, Китайского Нового года) свидетельствует о популяризации позитивного культурного имиджа китайской диаспоры[261].

Так, на современном этапе наблюдается стабильно высокие позиции китайской диаспоры во Франции, хоть и при сохранении ряда сложностей в интеграции (легализация пребывания), а также требований о защите прав китайского меньшинства. Проявляется стремление китайских диаспор к усилению имиджа т.н. «образцового меньшинства» (model minority)[262].

258 Podglajen J. Histoire et influence de la diaspora Chinoise. // Institut d'Études de Géopolitique Appliquée. 2 février 2023. URL: https://www.institut-ega.org/l/histoire-et-influence-de-la-diaspora-chinoise/ (дата обращения: 10.03.2024).

259 Le regard des Français sur l’actualité: 6 Français sur 10 estiment qu’il y a trop d’immigrés en France, un chiffre stable en 1 an. // Elabe. 17 septembre 2025. URL: https://elabe.fr/regard-actualite/ (дата обращения: 30.01.2026).

260 Hao Gao, Li Peng, Xiaofeng Zhang. Media frames and images of Chinese immigrants: analyzing European newspaper narratives from 2015 to 2022. // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. № 78. URL: https://www.nature.com/articles/s41599-024-03226-8 (дата обращения: 30.01.2026).

261 Politics of Invisibility: The Political Underrepresentation of Chinese Communities in France. // Humanity in Action. – URL: https://humanityinaction.org/knowledge_detail/politics-of-invisibility-the-political-underrepresentation-of-chinese-communities-in-france/ (дата обращения: 30.01.2026).

262 Ya-Han Chuang, Bail H., Tran E. From Silence to Action: The Chinese in France. // Global Dialogue. February 21, 2021. URL: https://globaldialogue.isa-sociology.org/articles/from-silence-to-action-the-chinese-in-france(дата обращения: 12.03.2024).

Китайские мигранты во Франции рассматриваются в качестве дисциплинированной и трудолюбивой этнической группы, представляющей собой автономный субъект социальных и культурных взаимоотношений в обществе[263].

Понятие «образцового меньшинства» (model minority) все чаще используется во французских исследованиях, посвящённых китайской диаспоре. Этим термином исследователи пытаются объяснить сравнительно успешное положение китайской диаспоры по сравнению с рядом других мигрантских групп. Само понятие было заимствовано из англоязычной научной литературы и первоначально сформировалось в США, где китайская диаспора занимает заметное место в структуре иммигрантского населения и включает, в том числе, состоятельных мигрантов, прибывающих по инвестиционным программам.

Концепция «образцового меньшинства» описывает ситуацию, при которой этническая группа, несмотря на существующие предубеждения и случаи дискриминации, достигает заметных успехов в экономической, образовательной и профессиональной сферах без открытой конфронтации с принимающим обществом. В этом смысле термин используется для обозначения модели адаптации, основанной на высокой трудовой активности, ориентации на образование и стремлении к социальному продвижению. Первоначально сформированная на материале американского опыта, эта концепция постепенно стала применяться и в европейских исследованиях, в том числе при анализе положения китайской диаспоры во Франции.

С позиций концепции кросс-культурной адаптации подобная модель поведения может рассматриваться как одна из форм адаптационной стратегии, при которой мигрантская группа стремится минимизировать уровень социального конфликта с принимающим обществом через демонстрацию высокой трудовой дисциплины, образовательной успешности и социальной лояльности. В случае китайской диаспоры во Франции стратегия позволяет

263 Michalska S. Asian Representation in France. // Creative Insights. September 2, 2022. URL: https://creativeinsights.gettyimages.com/en/trends/realness/asian-representation-in-france (дата обращения: 12.03.2024).

компенсировать культурную дистанцию и снижать потенциальную напряженность, связанную с восприятием мигрантов в европейском обществе.

Формирование образа «образцового меньшинства» также связано и с субъективным фактором миграции, выделяемым Э. Ли. Для значительной части китайских мигрантов социальный успех рассматривается не только как средство экономической мобильности, но и как инструмент легитимации собственного присутствия в принимающем обществе. Именно поэтому ориентация на образование, профессиональные достижения и социальную дисциплину приобретает значение не только индивидуальной стратегии, но и коллективного механизма адаптации китайской диаспоры во Франции.

Представление о китайцах как об «образцовом меньшинстве» во многом связано с тем, что китайские мигранты обычно стараются не разрывать связь со своей культурной средой даже после длительного проживания за границей. При этом речь идет не только о сохранении языка или семейных традиций. Для многих китайских семей большое значение сохраняют внутренние связи между родственниками, привычные модели воспитания детей и ориентация на образование и профессиональную занятость[264].

Китайские мигранты постепенно включаются и в жизнь принимающего общества – получают образование, работают, открывают собственный бизнес. Поэтому в европейских странах китайская диаспора часто воспринимается как социально устойчивая и экономически адаптированная группа.

Однако подобное восприятие имеет и свои последствия. Образ «образцового меньшинства» постепенно превращается в устойчивый стереотип, из-за которого к китайским мигрантам начинают предъявляться завышенные ожидания, например, в вопросах образования, профессиональной успешности и социального поведения. Такие стереотипы могут также ослаблять внимание к реальным проблемам, с которыми сталкивается китайская диаспора, таким как интеграция новых иммигрантов или обеспечение доступа к социальным

264 What is the «model minority», and why might the term be harmful for Asian Americans? // Quizlet. URL: https://quizlet.com/23259850/what-is-the-model-minority-and-whymight-the-term-be-harmful-for-asian-americans-flash-cards/ (дата обращения: 15.07.2024).

ресурсам.

Так, при высокой значимости отношений между двумя странами, а также стабильных связей китайских диаспор с Китаем, роль китайской диаспоры во Франции может быть идентифицирована в качестве самостоятельного субъекта социальных отношений и культурных связей внутри французского общества, что подчеркивает важность учета китайской специфики. Отметим позицию П. Жориона, по оценкам которого интеграция китайцев происходит гармонично (по сравнению с выходцами из региона БВСА), что на практике предполагает «импорт» китайского образа жизни, китайской кухни, китайских привычек, способствуя диалогу культур, хотя в быту, выходцы из Китая могут предпочитать общению на французском языке, общение на своем языке, хоть это и не «вызывает отторжения сто стороны окружающих»[265].

Указанные аспекты связаны со спецификой китайской культуры, которая продвигается китайской диаспорой. Суть данного подхода связана с отказом от запретов, табу, возведенных в абсолютную норму. Это формирует большую гибкость в адаптации китайских мигрантов к ценностям, принятым в качестве универсальных ценностей французского общества, что делает ассимиляцию ситуативно тягостной, имеющей издержки, но не имеющей непреодолимых проблем.

Примечательным видится и сопоставление мигрантов из Китая с мигрантами из Африки (применимо к Франции). По оценкам экспертов, китайские мигранты обладают «сильной этнической и культурной идентичностью», тогда как проблема выходцев из стран Африки связана с тем, что они «могут чувствовать себя выше европейцев в культурном плане и религиозном отношении»[266], а «китайская диаспора ведет себя сдержанно и их цель – обучение и материальный успех»[267].

265 Jorion P. De l’intégration: des Chinois de France, par DD et DH. // Blog de Paul Jorion. 4 octobre 2016. URL: https://www.pauljorion.com/blog/2016/10/04/de-lintegration-leschinois-de-france-par-dd-et-dh/ (дата обращен ия: 12.03.2024).

266 Jorion P. De l’intégration: des Chinois de France, par DD et DH. // Blog de Paul Jorion. 4 octobre 2016. URL: https://www.pauljorion.com/blog/2016/10/04/de-lintegration-leschinois-de-france-par-dd-et-dh/ (дата обращен ия: 12.03.2024).

267 Ду Цзюань. Толерантность, идентичность и временность – рынок труда и отношения между китайск

Несколько развивается данный полхода в подходе А. Ларина, по оценкам которого сравнительная успешность китайских диаспор может быть тесным образом связана с личностными качествами – трудолюбием, мудростью, бережливостью, тягой к обучению, предпринимательскими способностями, дополняемых сетью неформальных связей, «позволяющих членам китайской диаспоры обмениваться деловой информацией, заключать сделки, строить бизнес на доверии в обход громоздких и формальных процедур»[268].

Считаем данное мнение обоснованным, но оговоримся, что семейные, клановые, земляческие связи, дополняемые деловыми отношениями, способствуют благоприятному позиционированию китайских диаспор (проводники китайской дипломатии и дружественных связей во Франции), так и страны в целом.

Дополняется указанный аспект стремлением граждан Китая к учебе и образованию, дополняемого ощущением единства, чувством гордости за свою страну, и, как результат – высокой дисциплиной труда (физический, интеллектуальный труд).Это подкрепляется исследованиями китайских иммигрантов по всему миру, которые показывают, что они в среднем более квалифицированы, не только чем иммигранты из других стран, но также и чем коренные жители принимающей страны. Например, среди взрослых французских мигрантов в возрасте 20–59 лет доля мигрантов с высшим образованием гораздо выше именно среди китайских иммигрантов составляет более 50% тогда как показатель других иммигрантов – только 32%, а коренных французов около 40%[269].

Традиционной чертой китайских диаспор выступает дисциплина труда и перфекционизм – по оценкам эксперта «данные качества позволяют представителям китайской диаспоры добиваться заметных успехов в рамках французской системы образования», а также «дают им возможность занять

ими рабочими-иммигрантами во Франции. // О тенденциях рынка труда в Китае, 2018. URL: https://these s.hal.science/tel-02137794/file/DU_Juan_2_incomplete_20180927.pdf (дата обращения: 16.03.2024).

268 Ларин А.Г. Усиление Китая и возвышение мировой китайской диаспоры // Китай в мировой и реги ональной политике. История и современность. – М.: ИДВ РАН, 2013. С. 200.

269 Attané I. Chinese Immigration to France. // Population. 2022. Vol. 77. № 2. URL: https://www.cairn-int.i nfo/journal-population-2022-2-page-217.htm (дата обращения: 01.03.2024).

высокие социальные позиции», требующие «высокой квалификации», с дальнейшей интеграцией во французское общество[270].

Таким образом, достаточно высокая успешность китайской диаспоры во Франции, по оценкам экспертов, «подчеркивается концептом образцового меньшинства», суть которого затрагивает как США, так и стран ЕС, в которых китайская диаспора, будучи этническим меньшинством, испытывала предрассудки и дискриминацию, но добилась «преуспевания без насилия или конфронтации с местными жителями». Представители китайской диаспоры во Франции могут гордиться своей образцовостью, за счет установки на высшие достижения и, как результат, комплексных успехов, способствующих снижению уровня стресса, минимизации проявлений депрессий и психических заболеваний.

С позиции теории кросс-культурной адаптации формирование идентичности китайских мигрантов во Франции происходит не по модели постепенной и линейной ассимиляции, а в рамках более сложного и динамичного процесса, предполагающего постоянное поддержание баланса между включенностью в структуры принимающего общества и сохранением собственной культурной автономии. Китайские мигранты активно интегрируются в экономическую и образовательную систему Франции, участвуют в профессиональной и общественной жизни, однако при этом продолжают воспроизводить элементы языковой, культурной и ценностной традиции, что позволяет говорить о формировании устойчивой транснациональной идентичности.

В данном контексте концепт «образцового меньшинства» может рассматриваться как специфическая стратегия адаптации, сформировавшаяся в условиях взаимодействия китайской диаспоры с французским обществом. Использование данной модели позволяет китайским мигрантам снижать вероятность социальных конфликтов, укреплять уровень доверия со стороны

270 Jorion P. De l’intégration: des Chinois de France, par DD et DH. // Blog de Paul Jorion. 4 octobre 2016. URL: https://www.pauljorion.com/blog/2016/10/04/de-lintegration-leschinois-de-france-par-dd-et-dh/ (дата обращения: 17.03.2024).

принимающего общества и одновременно создавать благоприятные условия для социально-экономической мобильности.

В отличие от сценариев конфликтной интеграции или этнической сегрегации, характерных для ряда других миграционных групп, китайская диаспора во Франции демонстрирует модель прагматической адаптации, при которой уважение к республиканским нормам и социальная лояльность сочетаются с сохранением этнокультурной самобытности. Подобная модель интеграции в значительной степени соответствует логике концепции Й. Ким, согласно которой адаптация мигрантов представляет собой не линейный процесс отказа от собственной идентичности, а постепенное формирование способности функционировать одновременно в нескольких культурных пространствах. В случае китайской диаспоры во Франции это проявляется в сочетании экономической и социальной включенности с сохранением устойчивых внутридиаспорных, языковых и культурных связей.

Развитие китайских диаспор во Франции во многом связано и с рядом устойчивых социально-антропологических характеристик, определяющих особенности поведения мигрантов в принимающем обществе. В рамках сформировавшегося образа «образцового мигранта» для представителей китайской диаспоры характерен акцент на трудовой дисциплине, высокой образовательной мотивации и стремлении к профессиональному успеху. Подобные установки способствуют достижению заметных результатов в ряде сфер, включая музыкальное образование, медицинские и технические специальности, инновационные отрасли и научно-техническую деятельность, что, в свою очередь, укрепляет социальные позиции китайской диаспоры во французском обществе.

Интеграция китайских мигрантов во французское сообщество имеет ряд специфических издержек, обусловленных различиями в этнической плоскости, а также разных морально-ценностных и ситуативно духовных ориентирах. В рамках данного параграфа работы нами было выявлено, что нацеленность на восприятие китайской диаспоры как проводника политики Китая во Франции

обладает как позитивными чертами (поскольку стимулирует инвестиционное, торгово-экономическое взаимодействие), так и негативными чертами – главным образом, из сферы психологии и ошибочного восприятия китайских мигрантов как проводников агрессивной, либо экспансионистской политики Китая в отношении Европы, испытывающей существенные проблемы как из-за отношений с Россией, давления со стороны США, «сирийского кризиса», «украинского кризиса», «израильского кризиса», системных просчетов ЕС относительно миграционных потоков и реализации политики «открытых дверей» в прошлом десятилетии (включая ошибочность политики мультикультурализма).

Тем не менее, такие черты как трудолюбие, ориентированность на результат, командная работа, концентрированное проживание в определенных районах, создает условия для качественной интеграции китайских мигрантов во французское общество, что в целом позволяет расширить структуру межгосударственного взаимодействия в торгово-экономической, финансово-инвестиционной сфере, создавая качественный задел для дальнейшего развития, укрепления отношений и усиления потенциала китайских диаспор как на французских рынках инвестиций, трудовых ресурсов, так и в контексте образовательного, научного взаимодействия.

Поиски гражданского и этнокультурного самоопределения среди китайской диаспоры во Франции приводят к пересмотру классической парадигмы Восток/Запад. Запад продолжает «колонизировать» не-Запад, прежде всего, через культурное влияние на трансграничные диаспоры из азиатских стран. Однако в основе этой «колонизации» лежит не политическое господство, а духовная и культурная гегемония, которая выражается через ценности, идеалы и нормы Запада – это можно назвать «гегемонией без господства».

Китайские иммигранты, прибывшие во Францию, постепенно адаптируются к правопорядку и общественным нормам страны. Они усваивают образ жизни, язык, республиканские принципы и гуманистические ценности,

характерные для французской и европейской культуры в целом.

Анализ китайской миграции во Францию, проведенный в рамках второй главы, подтверждает применимость теории «толчка–притяжения» и концепции кросс-культурной адаптации для интерпретации как направленности миграционных потоков, так и специфики интеграционных процессов. Формирование китайской диаспоры во Франции было обусловлено сочетанием выталкивающих факторов в странах происхождения и притягивающих факторов принимающего государства, включая экономические возможности, образовательную инфраструктуру и стабильность.

Неоднородность китайской диаспоры и разнообразие миграционных стратегий свидетельствуют о сегментированном характере интеграции, при котором экономическая и образовательная включенность не всегда сопровождается глубокой культурной ассимиляцией. В рамках концепции кросс-культурной адаптации китайская диаспора демонстрирует модель прагматичной интеграции, сочетающей соблюдение республиканских норм французского общества с сохранением устойчивых элементов этнокультурной идентичности.

Применимость концепта «образцового меньшинства» в отношении китайских мигрантов во Франции отражает не столько полную ассимиляцию, сколько стратегию социального позиционирования, направленную на снижение конфликтности, укрепление социального доверия и расширение экономических и образовательных возможностей. В совокупности данные процессы формируют специфическую модель интеграции китайских мигрантов во Франции, отличающуюся высокой адаптивностью и относительной устойчивостью к социальным и политическим колебаниям.

Французский кейс показывает, что успешность интеграции китайских мигрантов определяется не только экономическими условиями принимающего государства, но и сочетанием институциональных факторов, культурной дистанции, роли диаспоральных сетей и субъективных миграционных стратегий. Именно поэтому китайская диаспора во Франции демонстрирует

сравнительно высокий уровень социальной устойчивости: интеграция осуществляется преимущественно через постепенное включение в образовательную, профессиональную и культурную среду при одновременном сохранении элементов собственной этнокультурной идентичности.

ГЛАВА 3. КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ КАК КРУПНЕЙШАЯ АЗИАТСКАЯ ГРУППА В ГЕРМАНИИ

3.1 Развитие китайской миграции в Германию

На современном этапе присутствие китайцев в Германии идентифицируется как в немецкой, так и китайской научно-исследовательской плоскости в качестве немецко-китайских сообществ (применимо к диаспорам), либо «китайских немцев» (в случае обозначения и идентификации конкретных индивидов). По данным Федерального статистического управления Германии по состоянию на конец 2024 г. – начало 2025 г., данное сообщество включало в себя свыше 163 тыс. человек (включая граждан КНР и этнических китайцев), что делает данную группу одной из достаточно весомых диаспор Китая в рамках стран ЕС[271].

Общее число выходцев из Китая, которые проживают на текущий момент в Германии невозможно определить с высокой степенью достоверности, учитывая наличие достаточно широкого спектра критериев определения принадлежности конкретного индивида к этническим китайцам, потомкам либо мигрантам первой волны. В то же время, в процессе подсчета численности китайской диаспоры в ФРГ применяются такие элементы как китайское гражданство, восприятие китайского языка как родного языка, включительно с соответствующим миграционным происхождением каждого конкретного индивида. Ранее оценки численности китайцев в Германии могли варьироваться (например, от 110 000 до 250 000)[272], но сейчас современные данные существенно ниже верхнего предела таких оценок. Оценка приблизительно в 163 тыс. человек является наиболее свежей и основана на статистике за 2024-2025 гг.

Кроме того, даже с учетом упомянутых критериев, отдельные лица могут

271 Ausländische Bevölkerung nach Geschlecht und ausgewählten Staatsangehörigkeiten. // Statistisches Bundes amt. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Tabellen/auslaendische-bevoelkerung-geschlecht.html (дата обращения: 31.01.2026).

272 Knerr B., Jieping F. Chinese Diasporas in Europe. History, Challenges, and Prospects. // International Lab or Migration. Vol. 17. 2020. URL: https://portal.ub.uni-kassel.de/kup/d/9783862199426 (дата обращения: 18.03. 2024).

не идентифицировать себя с Китаем, в особенности – в случаях, если данные лица родились и выросли в Германии. Дополняется указанный аспект необходимостью принятия во внимание того факта, что часть мигрантов, будучи этническими китайцами, могут приезжать в Германию из третьих стран (к примеру – Сингапура, Малайзии, Индонезии и иных стран, в которых проживает этническое китайское меньшинство), и также могут не отождествлять себя с Китаем.

Если обратиться к историческому контексту, следует отметить, что китайская миграция в Германию изучена и задокументирована значительно слабее, чем, например, в ряде других европейских стран. Тем не менее известно, что отдельные китайские переселенцы появлялись на территории Германии уже в первой половине XVIII в., хотя их присутствие носило эпизодический и временный характер.

Более заметный рост китайской миграции начинается во второй половине XIX в. Начиная примерно с 1870 г., китайские моряки, работавшие в том числе на судах немецкой приписки, после прибытия в европейские порты иногда оставались жить в Германии. В первую очередь это происходило в крупных портовых городах – Гамбурге и Бремене. Именно здесь постепенно начали формироваться первые небольшие китайские диаспоры, которые впоследствии стали основой будущей диаспоры.

Если обратиться к концепции кросс-культурной адаптации Й. Ким, то раннее формирование китайских диаспор в портовых городах Германии имело значение не только как демографический факт, но и как начальный этап к созданию адаптационной среды для последующих миграционных волн. Небольшие китайские поселения в Гамбурге и Бремене выполняли функцию первичных социальных опор, снижая культурную и языковую дистанцию для новых мигрантов. Через них происходило накопление практического опыта жизни в немецком обществе, формировались каналы трудоустройства, бытовой взаимопомощи и внутридиаспорной коммуникации. В этом смысле ранняя китайская миграция в Германию уже на первом этапе продемонстрировала

характерную для последующих периодов модель адаптации, при которой включение в принимающую среду осуществлялось не напрямую, а через посредничество этнических и профессиональных сетей.

Позднее, по мере развития образовательной и профессиональной мобильности, данная модель стала постепенно усложняться. Если первые китайские мигранты были преимущественно связаны с портовой, морской и сервисной занятостью, то последующие поколения внедрялись в академические, научные и технические структуры Германии. Мы видим, что кросс-культурная адаптация в германском кейсе развивалась не как единый линейный процесс, а как смена нескольких адаптационных режимов – от первичной трудовой адаптации через этнические сети к более сложной образовательной и профессиональной интеграции, предполагающей взаимодействие с институтами принимающего общества.

С позиции теории «толчка–притяжения» ранняя китайская миграция в Германию также демонстрирует действие всех четырех групп факторов. Выталкивающие факторы были связаны с социально-экономической нестабильностью отдельных регионов Китая, ограниченными возможностями занятости и высоким уровнем внутренней бедности. Германия, в свою очередь, выступала в качестве притягивающего направления благодаря развитию морской торговли, потребности в рабочей силе в портовой инфраструктуре и возможностям заработка, существенно превышавшим уровень доходов в стране происхождения.

Промежуточные барьеры в данном случае имели особенно важное значение. Географическая удаленность, языковая дистанция, отсутствие устойчивого правового статуса и культурные различия существенно осложняли адаптацию китайских мигрантов в немецком обществе. Именно поэтому ранние китайские сообщества в портовых городах выполняли функцию механизма снижения подобных барьеров. Индивидуальный фактор миграции также играл значимую роль, поскольку для многих китайских мигрантов переезд в Германию рассматривался как временная стратегия экономического выживания,

а не как окончательная эмиграция или отказ от своей культурной идентичности.

Так, статистические данные конца XIX-начала XX века подтверждают постепенное увеличение китайского присутствия в этих городах. Так, к 1890 г. в Гамбурге проживало около 50 китайцев, а к 1910 г. их численность выросла уже до 207 чел[273]. Большинство из них было связано с морскими профессиями — прежде всего с работой на торговых судах и в портовой инфраструктуре. Именно эта группа стала ядром раннего китайского присутствия на территории современной Германии.

К 1920 г. в Гамбурге был сформирован первый «Китайский квартал», в котором в своем концентрированном виде, равно как и в других городах и странах, проживали китайцы[274]. Последовательный рост китайской диаспоры в регионе обусловлен и экономическими причинами, главным образом – в разрезе использования владельцами кораблей китайских экипажей, которые выдвигали сравнительно меньшие финансовые запросы по сравнению с этническими немцами, что обуславливало выбор в пользу их услуг как наиболее рационального решения.

Формы пространственной концентрации китайских мигрантов выполняли функцию компактного проживания, становились важным механизмом социальной и культурной адаптации. В рамках концепции кросс-культурной этнические пространства снижали уровень культурного и психологического стресса, возникающего при включении мигрантов в иную языковую и социальную среду. Через внутридиаспорные связи происходила передача информации о трудоустройстве, правовых процедурах и повседневных практиках жизни в Германии.

Китайские кварталы также выступали способом преодоления промежуточных барьеров миграции. Наличие привычной языковой среды, устойчивых социальных контактов и экономических связей позволяло мигрантам компенсировать ограниченность взаимодействия с принимающим

273 Gütinger E. Die Geschichte der Chinesen in Deutschland: Ein Überblick über die ersten 100 Jahre ab 182 2. – Münster: Waxmann, 205. S. 12-13.
274 Conrad S. "Kulis" nach Preußen? Mobilität, chinesische Arbeiter und das Deutsche Kaiserreich 1890-1914. // Comparativ. – 2003. – № 13. S. 89.

обществом и снижало адаптационные издержки на ранних этапах проживания в Германии.

В равной степени с Китаем указанный подход мог быть актуален и в отношении выходцев из Индокитая, Африки, в контексте возможного использования их услуг за меньшую оплату за сравнительно более продолжительную тяжелую работу (к примеру, машинных отделениях кораблей). Указанный аспект способствовал усилению как позиций выходцев из Китая в ассоциации морской торговли (3000 китайцев из 48 тысяч моряков к 1920 г.), что обуславливало пропорциональный рост китайских мигрантов в Германии в первой половине XX в.

Рост китайской миграции в Германию обусловлен не только транспортно-логистической либо морской сферой, но и стремлением молодого поколения к повышению уровня и качества жизни. Этот фактор способствовал наращиванию второго потока китайской миграции в Германию, в основе которого были расположены образовательные связи и студенты, проходившие обучение в Германии.

С точки зрения теории «толчка–притяжения» образовательная миграция китайских граждан в Германию отличалась от ранней трудовой миграции как по структуре мотивации, так и по характеру адаптации. В данном случае ключевую роль играли не кризисные выталкивающие факторы, а притягивающие характеристики Германии как одного из ведущих европейских образовательных и научных центров. Для значительной части китайских студентов Германия воспринималась как пространство академической мобильности, профессионального роста и получения международного опыта.

При этом образовательная миграция сопровождалась иными промежуточными барьерами. Если для ранних трудовых мигрантов основными ограничениями были физическая удаленность и правовой статус, то для студентов особое значение приобретали языковая компетенция, академическая адаптация, различия образовательных моделей и необходимость включения в немецкую институциональную среду. Именно поэтому образовательная

миграция китайских граждан в Германию во многом стала переходным этапом от преимущественно экономической миграции к более сложным формам профессиональной и интеллектуальной мобильности.

С конца XIX в., активная работа была связана с привлечением выходцев из Китая в сельскохозяйственный сектор преимущественно на Востоке Германии. Выбор в пользу выходцев из Китая был связан не с экономическими, а с политическими причинами, главным образом – в контексте замены польских сезонных рабочих, а также минимизации риска смешения связанных и между собой немецких и польских рабочих, тогда как китайцы, будучи более чужой этнической группой позиционировалась в качестве более рационального выбора. В свою очередь, на данный аспект указывал Ф. Сироп, по оценкам которого оседание иностранцев в Германии может создавать определенные угрозы демографического характера, включая риск усиления культурного влияния со стороны выходцев из Польши, тогда как специфика выходцев из Китая была связана с относительно низкой чувствительностью к культурному влиянию[275].

Отмеченные тенденции, к слову, способствовали наращиванию китайской миграции в контексте использования труда мигрантов в рамках Германской колониальной империи (около 1000 рабочих было завербовано для работы в Восточной Африке, однако в силу высокой восприимчивости к климату и условиям данная практика не получила свое развитие). Тем не менее, уже к 1914 г., в Новой Гвинее проживало около 1.3 тыс., выходцев из Китая, в Немецком Самоа – 2.2 тыс., китайцев, что в целом позволяет рассматривать данные направления в качестве опосредованного влияния китайской миграции в Германию[276].

Тем не менее, после начала Первой мировой войны, миграция китайцев в Германию была существенным образом ограничена в силу нестабильности и непригодности данной страны для длительного и безопасного проживания.

275 Syrup-Stettin F. Die ausländischen Industriearbeiter. // Archiv für exakte Wirtschaftsforschung. – 1922. – № 9. S. 295.
276 Conrad S. "Kulis" nach Preußen? Mobilität, chinesische Arbeiter und das Deutsche Kaiserreich 1890-1914. // Comparativ. – 2003. – № 13. S. 90-92.

Дополнился указанный аспект агрессивной политикой правительства Германии, проявляемой в виде интернирования китайцев в отдельных городах Германии (главным образом, в местах их этнической концентрации – в Гамбурге и Бремерхафене).

После окончания Первой мировой войны наблюдался последовательный рост китайской диаспоры в Германии, что обусловлено экономическими причинами, а также мобильностью молодого поколения (студенты), в результате чего к 1925 г. китайская диаспора была четвертой по своей величине группой в стране. Стоит полагать, что такие тенденции проявлялись и в виде наращивания влияния «мягкой силы» – создание «групп» по изучению китайского языка (работали в Берлине), а также формированию китайских диаспор (формировались в 1920-х гг.) в Гамбурге, Берлине, следствием чего стало формирование новых китайских кварталов в регионе[277].

Указанный аспект дополнялся и расширением предпринимательской деятельности, с акцентом на мелком бизнесе – прачечных, ресторанах, поддержке работы бальных залов (Чеонг Шинг), а также открытия баров (Гонконгский бар), а также гостиницами. В данном случае отметим позицию Г. Бентона, по оценкам которого активное наращивание китайского присутствия в Германии не находило своего качественного отражения в политической сфере – «значительная часть китайцев», проживающих в Германии «придерживались левых взглядов», однако данный аспект не приводил к росту политической активности[278].

После окончания Второй мировой войны китайская диаспора в Германии начала постепенно восстанавливаться. Уже к 1948 г. в Восточном и Западном Берлине проживало около 350 китайцев. Несмотря на сравнительно небольшую численность, именно эти группы стали основой для дальнейшего

277 Giese K. New Chinese Migration to Germany: Historical Consistencies and New Patterns of Diversificatio n within a Globalized Migration Regime. // IOM International Migration. 15 September 2003. URL: https://libr ary.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/17507191.pdf (дата обращения: 18.03.2024).
278 Benton G. "Germany", Chinese Migrants and Internationalism. Forgotten Histories, 1917–1945. – London: Routledge, 2007. P. 30-37.

формирования китайского присутствия в послевоенной Германии[279]. В последующие годы наблюдалось постепенное увеличение миграционных потоков в Федеративную Республику Германию. При этом важно учитывать, что часть китайских мигрантов прибывала в страну не напрямую из Китая, а переезжала из других европейских государств, прежде всего из Великобритании и Франции, где китайские диаспоры сформировались раньше. Такие вторичные перемещения внутри Европы также сыграли роль в росте китайского населения в Германии. Постепенное увеличение миграции привело к расширению китайского присутствия в стране. В результате уже к 1967 г. в Западной Германии проживало более 2,5 тыс. китайцев. Хотя эта цифра оставалась относительно небольшой по сравнению с другими миграционными группами, она свидетельствовала о формировании устойчивой китайской диаспоры и постепенном закреплении китайских мигрантов в немецком обществе[280].

Отметим, что схожая ситуация наблюдалась и в отношении ГДР – так, к концу 1980 гг., в советской сфере влияния Германии проживало около 1000 китайцев, деятельность которых была связана с осуществлением трудовых направлений (строительство)[281].

Так, после окончания Второй мировой войны в Германии проживало лишь несколько сотен китайских граждан, и на протяжении более чем двух десятилетий их численность не превышала нескольких сотен человек. Только после установления Федеративной Республикой Германия нормальных дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой в 1972 г. численность китайцев начала немного увеличиваться. Однако темпы роста, как и абсолютная численность, в последующие годы оставались низкими (см. табл. 7). Доля китайцев среди иностранных граждан, проживающих в Германии,

279 Gütinger E. A Sketch of the Chinese Community in Germany: Past and Present. // Chinese Migrants and Internationalism. Forgotten Histories, 1917–1945, G. Benton (ed.). – London: Routledge, 2007. P. 201.
280 Ibid.
281 Giese K. New Chinese Migration to Germany: Historical Consistencies and New Patterns of Diversificatio n within a Globalized Migration Regime. // IOM International Migration. 15 September 2003. URL: https://libr ary.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/17507191.pdf (дата обращения: 18.12.2024).

оставалась на уровне примерно 0,02 %[282], и их число не увеличивалось вплоть до начала экономических реформ в Китае в 1979 году. К 1983 году число китайских жителей из материкового Китая (3 720 человек) впервые превысило число китайцев из Тайваня (3 710 человек), которые до этого времени составляли доминирующую группу этнических китайских иммигрантов.

Таблица 9. Китайские мигранты в Германии в период 1972-2001 гг.

Год	Приток	Жители	Доля китайцев в населении	Год	Приток	Жители	Доля китайцев в населении
1972	-	462	0,01	1988	-	10761	0,21
1973	-	525	0,01	1989	-	14087	0,24
1974	-	658	0,02	1990	6476	18377	0,29
1975	-	730	0,02	1991	5560	22099	0,34
1976	-	972	0,02	1992	6699	25480	0,38
1977	-	934	0,02	1993	8746	31452	0,39
1978	-	984	0,02	1994	5787	32317	0,46
1979	-	1348	0,03	1995	5531	33173	0,46
1980	-	2146	0,05	1996	6246	34622	0,46
1981	-	2812	0,06	1997	7451	36723	0,48
1982	-	3419	0,07	1998	7887	36727	0,5
1983	-	3720	0,08	1999	10913	42926	0,53
1984	-	4024	0,09	2000		50886	0,7
1985	-	6178	0,13	2001		63112	0,86
1986	-	8112	0,18				
1987	-	9732	0,21				

Источник: составлено автором по материалам Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland, 1981; 1994б 2002. // Statistische Bibliothek. – URL: https://www.statistischebibliothek.de/mir/receive/DESerie_mods_00006972 (дата обращения: 21.07.2024)

Как показывают представленные статистические данные, несмотря на то что в абсолютных показателях доля граждан КНР среди иностранного

282 Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland, 1981. // Statistische Bibliothek. URL: https://www.statistischebibliothek.de/mir/servlets/MCRFileNodeServlet/DEHeft_derivate_00055629/1981kpl.pdf (дата обращения: 20.07.2024).

населения Германии долгое время оставалась небольшой, динамика её роста была весьма заметной. В течение десяти лет численность китайцев увеличилась почти в десять раз и если в 1979 г. их доля составляла около 0,03%, то к 1989 г. она достигла уже 0,24%.

В период с 1989 по 1994 гг. темпы роста стали ещё более интенсивными. Это объяснялось как увеличением числа новых мигрантов, прибывающих в Германию, так и тем, что значительная часть китайцев, ранее приехавших на временной основе, предпочла остаться в стране. В результате за этот промежуток времени доля китайцев среди иностранного населения Германии выросла примерно на 50% и достигла 0,46%.

В середине 1990-х гг., примерно в 1995-1996 гг., наблюдался кратковременный период относительной стабильности: численность китайского населения практически не менялась, а приток новых мигрантов заметно сократился. Однако уже к концу десятилетия миграционные процессы вновь активизировались. Абсолютное число китайцев, проживающих в Германии, начало постепенно увеличиваться, а масштабы иммиграции вновь стали расти. Если в 1997 г. рост численности китайского населения составил около 4,4% по сравнению с предыдущим годом, то к 2000-2001 гг. китайская диаспора в Германии увеличилась уже примерно на 24%[283].

С 1978 по 2001 годы численность китайского населения увеличилась в 64 раза, в то время как численность иностранного населения в Германии в целом за тот же период выросла менее чем в два раза. Тем не менее, в абсолютных цифрах 63 тыс. китайцев из КНР, легально проживавших в Германии к началу XXI века, все еще являлись очень маленьким и незначительным этническим меньшинством по сравнению с более чем 7,3 млн. иностранных граждан, проживавших в Германии в тот же период.

Как мы видим, экономические реформы и политика «реформ и открытости» в КНР существенно изменили характер китайской миграции в

283 Bevölkerungsentwicklung 2002. // Statistisches Bundesamt: Wirtschaft und Statistik 12/2003. URL: https://www.destatis.de/DE/Methoden/WISTA-Wirtschaft-und-Statistik/2003/12/bevoelkentwicklung-2002-122003.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 21.07.2024).

Германию. Если ранние миграционные потоки были преимущественно связаны с трудовой мобильностью и поиском экономического выживания, то начиная с конца 1970-х гг. большую роль стали играть индивидуальные стратегии образовательного, профессионального и социального продвижения. Германия начала восприниматься китайскими гражданами не только как источник заработка, но и как пространство научной, технологической и академической самореализации. Это наглядно свидетельствует о трансформации баланса миграционных факторов. На первый план постепенно выходят притягивающие факторы принимающего государства – высокий уровень немецкого образования, возможности научной деятельности, развитая промышленная экономика и перспективы профессиональной карьеры. Усиливается значение субъективного восприятия миграции, поскольку решение о переезде основывается не на вынужденных обстоятельствах, а на индивидуальных образовательных и профессиональных стратегиях самих мигрантов.

Подавляющее большинство китайских граждан в Германии имели временный вид на жительство. К концу 2001 года только 10 % из примерно 63 100 китайцев в Германии имели постоянный вид на жительство (Aufenthaltserlaubnis или Aufenthaltsberechtigung, 5,4 тыс. и 1,02 тыс случаев, соответственно) по сравнению с 38% всех иностранных граждан в ФРГ[284]. Наибольшая часть китайцев, проживающих в Германии – более 17 тыс., имела статус временного проживания с установленной целью пребывания. Почти 2 тыс. человек претендовали на статус фактических беженцев (Aufenthaltsbefugnis), а 2,86 тыс. получили статус временного пребывания (Duldung) до тех пор, пока не станет возможным добровольный выезд или принудительная репатриация. В то же время 2,66 тыс. китайских граждан, подавших прошение о предоставлении политического убежища в Германии, все еще ожидали решения либо ответственных органов, либо немецких судов

Оценивая же современное состояние, отметим последовательный рост

284 Giese K. New Chinese Migration to Germany: Historical Consistencies and New Patterns of Diversificatio n within a Globalized Migration Regime. // International Migration. – 2003. – Vol. 41. – № 3. P. 159.

китайской диаспоры в Германию (около 350 человек ежегодно получают немецкое гражданство), с акцентом на работе китайской диаспоры в сфере услуг, гостинично-ресторанном бизнесе, розничной торговле (азиатские рынки)[285].Дополняется указанный аспект последовательным увеличением числа китайских студентов в Германии, что связано с образовательной, научной дипломатией, а также «мягкой силой» Китая – примером да выступает поддержка работы Институтов китаеведения, академических учреждений на базе которых происходит изучение китайского языка, культуры, истории (к примеру, на базе Берлинского университета, Синологического института Боннского университета, Фрайбургского университета, Кильского университета, Гейдельбергского университета), работы в сфере междисциплинарного изучения Китая, обучения китайскому языку, сотрудничества с Нанкинским, Шанхайским университетом, включая культурные исследования, программы китаеведения.

Отметим, что образовательные и академические структуры выполняют не только функции культурной дипломатии, но и становятся важным элементом адаптационной инфраструктуры для китайских студентов и высококвалифицированных мигрантов в Германии. В рамках концепции Й. Ким они способствуют снижению культурной дистанции и облегчают включение мигрантов в академическую и профессиональную среду принимающего общества. Через университетские программы, языковые курсы и академические обмены китайские мигранты получают возможность постепенно адаптироваться к немецким социальным и институциональным нормам без полного разрыва с собственной культурной средой. С позиции же теории Э. Ли наличие подобных образовательных и культурных институтов также снижает восприятие промежуточных барьеров миграции. Возможность взаимодействия с китайскими академическими и культурными структурами в Германии делает образовательную мобильность более предсказуемой и

285 Chinese Migrant Communities in Germany: Heritage Language, Identities and Ideologies. // Seminar Migrations and Multiculturalism. 9 March 2020. URL: https://www.sciencespo.fr/centre-etudes-europeennes/sites/sciencespo.fr.centre-etudes-europeennes/files/200309%20sem%20M%26M.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

институционально понятной для китайских граждан, что дополнительно усиливает привлекательность германского направления.

Таким образом, развитие китайской миграции в Германию демонстрирует постепенную трансформацию структуры миграционных потоков и механизмов адаптации китайских мигрантов в принимающем обществе. Если ранние этапы миграции были преимущественно связаны с трудовой мобильностью и использованием китайской рабочей силы в морской и сервисной сферах, то на современном этапе всё большую роль играют образовательная, научная и профессиональная миграция, тесно связанные с процессами глобальной академической и экономической мобильности.

С точки зрения теории «толчка–притяжения» китайская миграция в Германию формировалась под воздействием не только экономических различий между странами, но и совокупности промежуточных барьеров, институциональных условий и индивидуальных миграционных стратегий. В рамках концепции кросс-культурной адаптации развитие китайской диаспоры в Германии демонстрирует переход от первоначальной адаптации через этнические сети к более сложным формам профессиональной и образовательной интеграции, предполагающим постепенное включение мигрантов в академическую, экономическую и социальную среду принимающего общества при сохранении устойчивых элементов собственной культурной идентичности.

3.2 Состав и структура китайских диаспор в Германии

С точки зрения А. Оганесяна, важным элементом в выборе китайцами иммиграционных направлений в ЕС, выступает уровень благосостояния страны и соотношение доходов граждан и мигрантов[286].Данные факторы, в свою очередь, продуцируют высокую заинтересованность китайских мигрантов в

286 Оганесян А.Л. Участие КНР в современных миграционных процессах: особенности и основные напр авления. // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2020. – № 2. С. 77-78.

направлении либо наиболее развитых с экономической точки зрения стран Европейского Союза, включая Германию. Также германский вектор в миграционной политике китайцев тесным образом связан с наличием развитой и жизнеспособной китайской диаспоры. Указанный аспект, в свою очередь, позволяет причислить к крупным направлениям китайской миграции, кроме Франции, такие страны как Голландия, ФРГ, Испания, а также Италия и Великобритания, в рамках которых поддержка интеграции китайцев осуществляется на системной и последовательной основе.

Отметим, что современные миграционные потоки из Китая в Германию развиваются в тесной взаимосвязи с интенсивными торгово-экономическими и дипломатическими отношениями между двумя государствами. Германия на протяжении более десяти лет сохраняет статус крупнейшего торгового партнера Китая в ЕС. По данным Федерального статистического ведомства ФРГ, объем товарооборота между Германией и КНР в 2025 г. составил около 185,9 млрд евро, несмотря на общее замедление мировой торговли[287]. Китай остается ключевым рынком для немецкого экспорта автомобилей, промышленного оборудования и химической продукции, одновременно выступая важнейшим источником импорта промежуточных товаров и комплектующих.

Углубление экономического взаимодействия сопровождается ростом взаимных инвестиций, что оказывает прямое влияние на мобильность специалистов и предпринимателей. Китай стабильно входил в тройку крупнейших стран-инвесторов в ФРГ среди неевропейских государств, при этом китайские компании активно развивают присутствие в сферах автомобилестроения, логистики, высоких технологий и «зелёной» энергетики. Эти процессы стимулируют деловую и профессиональную миграцию, включая приезд управленцев, инженеров, ИТ-специалистов и исследователей, а также формирование устойчивых китайских бизнес-сообществ в Берлине, Мюнхене,

287 KORREKTUR: Januar bis September 2025: China wichtigster Handelspartner Deutschlands. // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2025/11/PD25_411_51.html (дата обращения: 04.02.2026).

Франкфурте-на-Майне и Штутгарте.

Важным каналом миграции остается образовательное сотрудничество, которое Германия рассматривает как элемент долгосрочной внешнеэкономической и научной стратегии. Китайские студенты являются крупнейшей группой иностранных обучающихся в немецких вузах. Немецкая политика «образовательной миграции» ориентирована не только на временное обучение, но и на последующую интеграцию выпускников в рынок труда, что соответствует интересам ФРГ в условиях дефицита квалифицированной рабочей силы и одновременно отвечает стратегии Китая по формированию транснационального человеческого капитала.

Итак, миграция китайских граждан в Германию выступает структурным элементом германо-китайских отношений, встроенным в логику внешней политики ФРГ, ориентированной на экономический прагматизм, и внешней политики КНР, нацеленной на укрепление международного присутствия через торговлю, инвестиции и человеческие связи. В этом контексте китайская диаспора в Германии функционирует как посредник экономических, научных и культурных взаимодействий, что усиливает ее значение в двусторонней повестке.

С точки зрения теории «толчка–притяжения» активизация китайской миграции в Германию в современных условиях определяется не только экономическими различиями между странами, но и совокупностью институциональных и профессиональных факторов, повышающих привлекательность германского направления для китайских граждан. Германия воспринимается китайскими мигрантами как государство с устойчивой экономикой, высоким качеством образования, развитым рынком труда и возможностями долгосрочной профессиональной реализации. Особенно важную роль данные факторы играют для студентов, исследователей, инженерно-технических специалистов и предпринимателей. Сохраняется значение промежуточных барьеров миграции, прежде всего языковых и культурных различий, а также сложностей социальной адаптации в

принимающем обществе. В этой связи китайская диаспора и профессиональные сообщества начинают выполнять функцию компенсаторного механизма, позволяющего снижать адаптационные издержки и облегчать включение мигрантов в немецкое экономическое и образовательное пространство.

В связи с изложенным, в Германии наблюдается активная работа следующих структур – Немецкой ассоциации друзей Шанхая (Леверкузен), Ассоциации Вэньчжоу (Ойскирхен), Баден-Китайской ассоциации Вюртемберга (Штутгарт), Федерации зарубежных китайцев на Юго-Западе Германии (Диллинген), Цинтянской ассоциации путешественников в Германии и Ассоциации Гуаньхуа (Кастроп-Рауксель), Китайской ассоциации Цжэнже (Дуйсбург), Берлинской федерации заграничного Китая (Берлин), Всегерманской ассоциации заморских китайцев (Берлин), Китайской федерации Кельна и Бонна (Бонн), Всегерманской федерации китайского народа и обществ (Бонн), Берлинской ассоциации зарубежных китайцев (берлин), Федерации заморского Китая северного Рейна (Леверкузен), Шанхайской федерации китайцев за рубежом в Германии (Дортмунд), Бременской китайской ассоциации (Бремен), Чэцзянской китайской федерации в Германии (Бонн)[288].

Китайское население в Германии распределено по территории страны достаточно равномерно. В целом его размещение повторяет общие тенденции расселения иностранного населения, хотя несколько более заметная доля китайских мигрантов наблюдается в восточной части Германии. При этом, в отличие от Франции, здесь практически не сформировались классические «чайна-тауны». Тем не менее в отдельных городах концентрация китайского населения значительно выше, чем в среднем по стране. К таким центрам относятся прежде всего Берлин, Гамбург и Бремен (включая Бремерхафен).

Особенность этих городов связана не только с наличием крупных университетов и научных центров, но и с историей китайского присутствия.

288 В Германии существует около 40 зарубежных китайских организаций. // Китай за границей. URL: https://web.archive.org/web/20070703220359/http://www.chinabroad.org/Huaren1.htm (дата обращения: 19.03.2024).

Еще до Второй мировой войны здесь существовали небольшие китайские диаспоры – в частности, в Берлине и Гамбурге. Именно более ранние миграционные поселения впоследствии стали основой для восстановления и дальнейшего развития китайской диаспоры в Германии после войны. В этом смысле можно говорить о том, что данные города выступили своеобразным ядром формирования современной китайской диаспоры в стране.

Кроме того, на территории Германии действует достаточно широкая сеть китайских организаций и структур, ориентированных на поддержание контактов с выходцами из Китая. Их деятельность направлена на сохранение культурных связей, развитие деловых контактов и поддержку диаспоры. Подобные структуры также способствуют укреплению внутренних связей между китайскими мигрантами и поддерживают характерную для диаспоры модель кооперации.

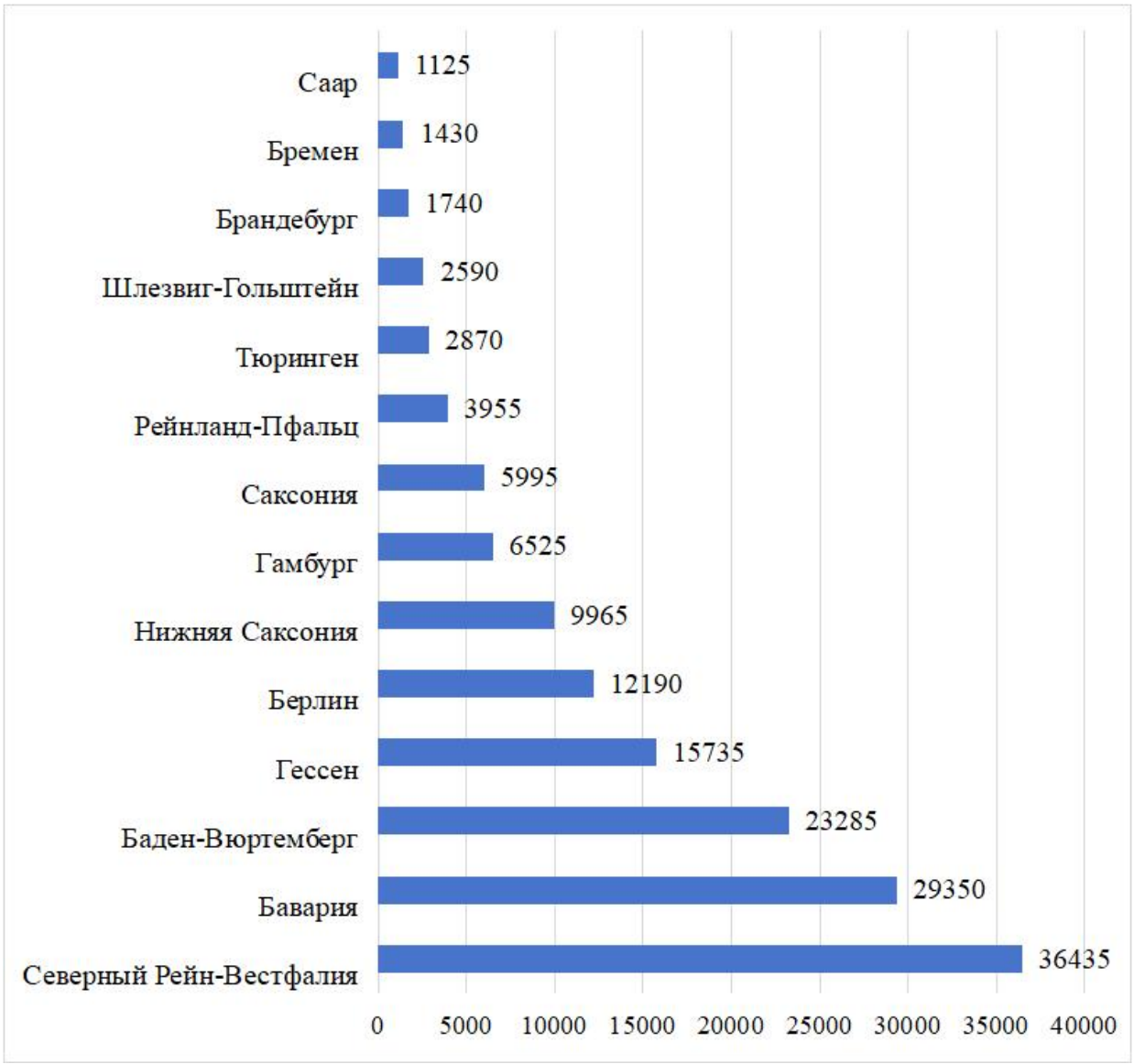
В рамках концепции кросс-культурной адаптации деятельность подобных организаций имеет существенно более широкое значение, чем простое поддержание внутридиаспорных контактов. Объединения диаспор выполняют функцию адаптационной инфраструктуры, позволяя мигрантам снижать уровень социальной неопределенности в принимающем обществе. Через них осуществляется передача информации о трудоустройстве, системе образования, административных процедурах, медицинском обслуживании и особенностях повседневной жизни в Германии.

С позиции же теории Э. Ли данные организации одновременно способствуют снижению промежуточных барьеров миграции. Наличие устойчивых китайских сетей в Германии уменьшает влияние языковых, культурных и институциональных ограничений, повышая привлекательность германского направления для новых мигрантов. В результате китайская диаспора – уже не только этническое сообщество, но и механизм воспроизводства последующих миграционных потоков.

В результате, хотя китайцы в Германии проживают по всей стране, они всё же тяготеют к крупным городам, где сосредоточены образовательные

учреждения, экономические возможности и уже существующие диаспоральные сети. Наиболее заметная концентрация китайского населения наблюдается в Берлине, Гамбурге, а также в ряде крупных городов Рейнско-Рурского региона, включая Дортмунд, Леверкузен, Бонн и Дуйсбург. Такое расселение отражает как экономическую логику миграции, так и стремление опираться на уже сложившиеся социальные и профессиональные связи внутри китайской диаспоры[289](см. рис. 1).

Рисунок 1. Количество граждан Китая в Германии по федеральным землям в 2024 г.

289 Тан Синь: В каком городе Германии проживает больше всего китайцев?. // Plandi. 06.06.2023. URL: https://www.deplanking.com/article/135332 (дата обращения: 19.03.2024).

Источник: составлено автором по Anzahl der chinesischen Staatsbürger in Deutschland nach Bundesländern im Jahr 2024. // Statista. – URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/74726/umfrage/auslaender-aus-china-und-korea-nach-bundeslaendern/ (дата обращения: 29.01.2026)

С точки зрения концепции кросс-культурной адаптации пространственная и организационная структура китайской диаспоры в Германии выполняет двойственную функцию. С одной стороны, рассредоточенное проживание китайских мигрантов по крупным университетским, промышленным и деловым центрам облегчает их включение в профессиональную и образовательную среду принимающего общества. С другой стороны, сохранение устойчивых организаций диаспор и земляческих объединений позволяет поддерживать культурную идентичность, язык, привычные формы коммуникации и внутренние механизмы взаимопомощи. В результате интеграция китайских мигрантов в Германии не сводится к ассимиляции, а приобретает транснациональный характер, так как мигранты участвуют в немецких экономических и образовательных структурах и сохраняют устойчивую связь с китайской культурной и социальной средой.

Особенно это заметно в отношении студентов и высококвалифицированных специалистов. Их включение в немецкие университеты, исследовательские центры и технологические отрасли способствует языковой и профессиональной адаптации, однако не обязательно ведет к полной социальной интеграции. Напротив, значительная часть китайских студентов и специалистов продолжает опираться на собственные диаспоральные круги, китайские академические сети, земляческие объединения и транснациональные профессиональные контакты. Изложенное позволяет говорить о неполной, но устойчивой кросс-культурной адаптации, при которой профессиональная и образовательная успешность сочетается с сохранением культурной дистанции и ограниченной вовлеченностью в повседневную социальную практику принимающего общества.

Подобная модель расселения также отражает важность субъективного

восприятия миграции самими китайскими мигрантами. Для значительной части выходцев из КНР проживание в крупных городах с уже сформированной китайской инфраструктурой воспринимается как способ минимизации адаптационных рисков и культурного стресса. В результате выбор места проживания определяется не только экономическими возможностями конкретного региона Германии, но и наличием устойчивой социальной среды, в которой мигрант может сохранить привычные формы коммуникации и культурной идентичности.

Китайские мигранты в Германии имеют много общих черт с другими мигрантами в Германии и за ее пределами. Однако, в силу исторических событий, китайские мигранты в Германии имеют и свои специфические черты. Так, например, более пристальный взгляд на основные возрастные группы показывает, что китайские мигранты, как правило, значительно моложе. Это вызвано не увеличением числа маленьких детей – их доля остается стабильной и составляет около 11 %, а резким увеличением числа китайских мигрантов в возрасте от 18 до 25 лет. К 2024 г. эта возрастная группа составляет 17,8 % от общего числа мигрантов в ФРГ, увеличившись почти вдвое по сравнению с 9,5 % в 2000 году[290]. Хотя доля мигрантов в наиболее экономически активной возрастной группе (21-40 лет) снизилась с 66,3 до 59%, это произошло в основном за счет значительно меньшего числа мигрантов в возрасте от 25 до 35 лет, в то время как доля мигрантов в возрасте от 35 до 40 лет и старше 45 лет в основном остается неизменной. Примечательна и обратная тенденция наблюдается в отношении китайских граждан в возрасте от 40 до 45 лет. В абсолютных цифрах эта группа увеличилась в три раза, а ее доля выросла почти на 30 %[291].

С 2000 по 2020 гг. число китайских граждан, проживающих в Германии,

290 Foreign population by place of birth and selected citizenships on 2024. // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/foreigner-place-of-birth.html (дата обращения: 03.01.2026).

291 Ausländische Bevölkerung nach Altersgruppen und ausgewählten Staatsangehörigkeiten: Ausländische Bevöl kerung nach Altersgruppen und ausgewählten Staatsangehörigkeiten am 31.12.2023. // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Tabellen/auslaendische-bevoelkerung-altersgruppen.html (дата обращения: 23.07.2024).

увеличилось с 50,88 тыс. до 110,28 тыс. человек, а доля женщин среди них – с 43% до 52,2%. Большинство из них приехали на учебу, хотя их доля в общем числе китайских граждан в Германии постоянно снижается после пандемии COVID-19. Одновременно с этим неуклонно растет число китайцев, работающих в Германии, которое в период с 2016 по 2024 гг. увеличилось на 70,7%. Число китайцев, получивших постоянный вид на жительство, также быстро росло[292].

Из-за пандемии COVID-19 число китайских иммигрантов, переехавших в Германию в 2020 г., было чрезвычайно низким, в результате чего в Германии впервые за 20 лет была зарегистрирована отрицательная чистая иммиграция из Китая (10,3 тыс. человек)[293].В 2020 году около 14,5 тыс. китайцев иммигрировали из Германии, что привело к оттоку 4,2 тыс. человек.

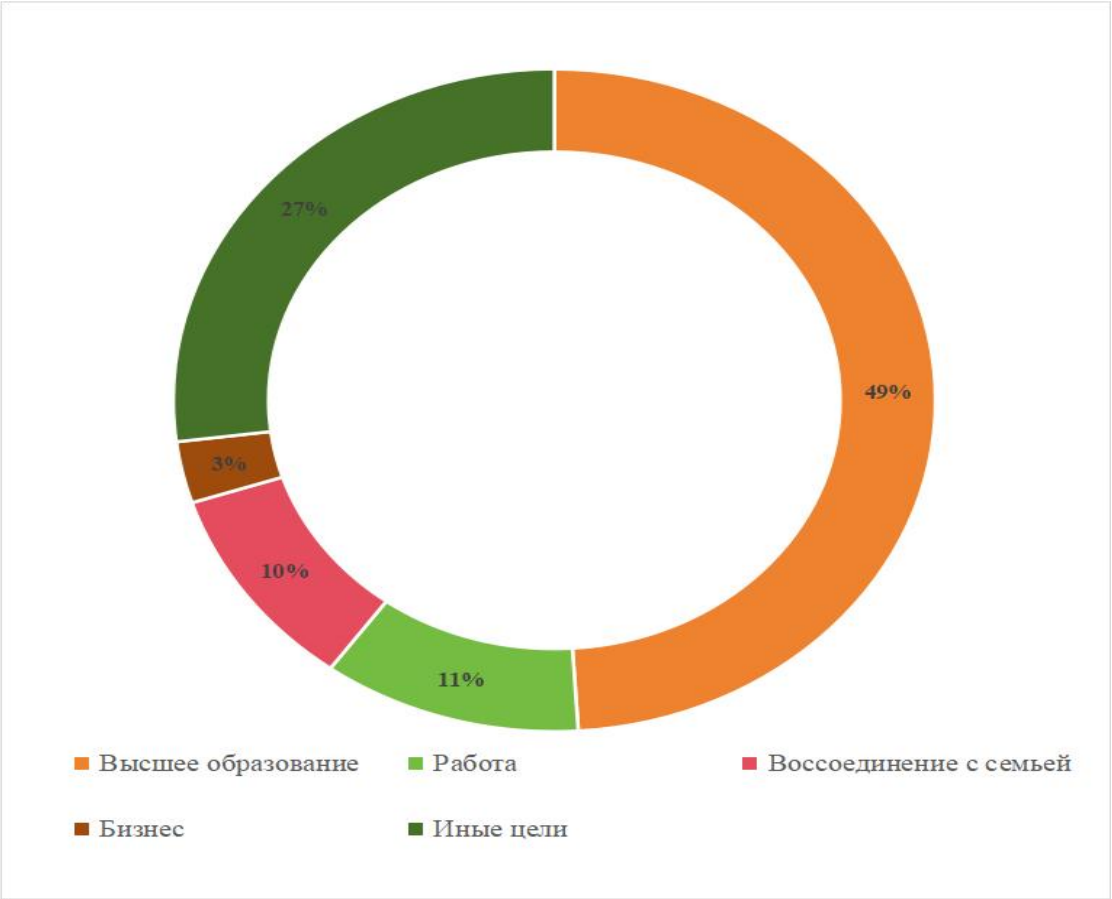
Для сравнения, количество иммигрантов из Китая в Германию в 2019 г. более чем вдвое превысило показатель 2020 года (23,4 тыс. человек), причем более половины из них составили женщины (12 тыс. человек). Несмотря на негативное влияние пандемии, общее количество разрешений на проживание, выданных китайцам в Германии с целью обучения в 2020 году (1,69 тыс. человек), значительно сократилось на 73,4% по сравнению с 2019 годом (6,38 тыс. человек). Однако большинство китайских иммигрантов по-прежнему приезжают в Германию с образовательными целями, за ними следуют китайцы, приезжающие в Германию на работу. На третьем месте китайские иммигранты, воссоединяющиеся со своими семьями[294].На рис. 2 показано распределение китайских иммигрантов, переехавших в Германию с различными иммиграционными целями после 2019 г.

292 Zhang K. Knerr B. Highly qualified migration from China to Germany. Trends in the early 21st Century. // Chinese Diasporas in Europe: History, Challenges, and Prospects, B. Knerr (ed.). – Kassel: Kassel Universi ty Press, 2015. P. 55.

293 Ван Хуэй. Исследование положения китайских квалифицированных иммигрантов и иммигрантов, раб отающих в сфере высоких технологий, в Германии // Taihe Think Tank. 24 августа 2022. URL: http://w ww.taiheinstitute.org/Content/2022/08-24/1716385402.html (дата обращения: 03.08.2024).

294 Ван Хуэй. Исследование положения китайских квалифицированных иммигрантов и иммигрантов, раб отающих в сфере высоких технологий, в Германии // Taihe Think Tank. 24 августа 2022. URL: http://ww w.taiheinstitute.org/Content/2022/08-24/1716385402.html (дата обращения: 03.08.2024).

Рисунок 2. Распределение китайских мигрантов в Германии в зависимости от целей иммиграции (после 2019 г.)

Структура современной китайской миграции в Германию демонстрирует, что образовательные и профессиональные мотивы остаются ключевыми факторами миграционной мобильности. Это позволяет говорить о трансформации характера китайской миграции. Если ранние миграционные потоки были преимущественно связаны с поиском экономического выживания, то современная миграция основывается на стратегиях образовательного и профессионального продвижения. В данном случае значение приобретают притягивающие характеристики Германии и субъективные ожидания самих мигрантов, ориентированных на получение международного образования, карьерное развитие и долгосрочную профессиональную мобильность. Но пандемия COVID-19 продемонстрировала уязвимость транснациональных миграционных стратегий, поскольку ограничения мобильности резко сократили образовательные и академические потоки между КНР и Германией.

Как уже было отмечено, по состоянию на 2025 г. в Германии проживает

около 116 тыс. китайских мигрантов, деятельность которых, по аналогии с Францией и Испанией, ориентирована на работу в малом бизнесе (розничная торговля), ресторанном бизнесе, развитии мелких торговых сетей, а также продаже изделий легкой промышленности (текстиль, одежда, сумки, кожаные вещи).

Подход китайских мигрантов, отличающийся трудолюбием и системностью, тесным образом связан с стремлением китайцев идти за инвестициями страны. Указанный аспект актуален и в разрезе Германии – с точки зрения акцента китайских мигрантов на поддержании экономических связей в бизнесе с Китаем – на практике указанный аспект предполагает, что упомянутая продажа изделий легкой промышленности (текстиль, одежда, сумки и т.п.), тесным образом связана с работой с китайцами производственными предприятиями и фабриками, в результате чего ключевые мощности по производству китайской продукции производятся в Китае, доставка осуществляется в рамках развернутых Китаем маршрутов «Один пояс – один путь», тогда как сбыт осуществляется непосредственно в мелких китайских сетях, интернет-магазинах и т.п.

По аналогии с Францией, китайский подход в Германии не исключает последовательного расширения фактического присутствия китайцев в местах своего проживания. Обосновавшись в крупных немецких городах, китайцы не отказываются от идеи трансфера своих родных, что приводит в дальнейшем как к расширению китайского бизнеса в Германии, так и к его фактическому расширению[295].

Указанный аспект, в свою очередь, проявляется на статистическом примере – так, в результате переписи 2011 г. количество китайцев с немецким гражданством, а также без него проживало в Дармштадте (0.9%), Дюссельдорфе (0.6%), Госларе (0.5%), Бонне (0.5%), Гейдельберге (0.5%),

295 Wighton D. Chinese in Germany: How many are there and where do they live? // The Local Germany. February 25, 2019. URL: https://www.thelocal.de/20190225/chinese-in-germany-how-many-are-there-and-where-do-they-live (дата обращения: 20.03.2024).

Карлсруэ (0.5%)[296]. В 2024 г. в измерении по федеральным землям, наибольшее количество китайских мигрантов проживает в Северном Рейн-Вестфалии – 35 тыс., Баварии – 27 тыс., Баден-Вюртемберге – 22 тыс., Гессе – 15 тыс., Берлин – 11 тыс., Нижняя Саксония – 9,8 тыс[297].

Данный аспект в целом прослеживается и на структуре занятости выходцев из Китая в Германии. Так, по состоянию на конец 2023 г., магистральным направлением трудовой и предпринимательской деятельности выступает сфера услуг, сфера питания, розничная торговля, ресторанный бизнес – по оценкам экспертов, примером выступает Тилбург, в рамках которого в ресторанной сфере задействовано около 60% выходцев из Китая[298].

Аналогичная ситуация затрагивает образовательную сферу – так, после окончания своего обучения, выходцы из Китая, осевшие в Германии, отдают предпочтение открытию ресторанов, кафе, точек быстрого питания, объектов по оказанию кейтеринговых услуг (питание для компаний), тогда как образовательной и научно-исследовательской сфере отводится сравнительно меньшее внимание, с акцентом на первом этапе приезда мигранта (к примеру, в рамках студенческих либо академических обменов).

Такую ситуацию во многом можно объяснить тем, что внутри китайской диаспоры активно действует неформальная система коммуникации и взаимной поддержки. Мигранты обмениваются опытом, деловыми контактами и информацией, благодаря чему открытие нового бизнеса в уже знакомой сфере требует меньше ресурсов и рисков. Именно поэтому многие предприниматели предпочитают развивать деятельность в тех направлениях, которые уже освоены представителями диаспоры. Подобная практика характерна не только для одного города, но наблюдается и в Берлине, Дортмунде, Кёльне, где

296 Population based on the 2011 Census. // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Current-Population/Tables/census-sex-and-citizenship-2018.html (дата обращения: 20.03.2024).

297 Anzahl der chinesischen Staatsbürger in Deutschland nach Bundesländern im Jahr 2024. // Statista. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/74726/umfrage/auslaender-aus-china-und-korea-nach-bundeslaendern/ (дата обращения: 29.01.2026).

298 Cörvers B., Dijck M. Asian Culture and Commodity in the City Centre of Tilburg. // Diggit Magazine. URL: https://www.diggitmagazine.com/articles/asian-culture-and-commodity-city-centre-tilburg (дата обращения: 20.03.2024).

китайский бизнес часто представлен отдельными ресторанами и небольшими семейными предприятиями.

Дополнительным направлением экономической активности становится туристическая сфера. Часть китайских мигрантов участвует в организации поездок из Китая в Германию, выступая посредниками между китайскими туристическими агентствами и немецкой инфраструктурой туризма. По оценкам специалистов, многие китайские турфирмы, действующие на территории Германии, ориентированы прежде всего на китайский рынок. Их деятельность направлена как на организацию туристических поездок граждан Китая в Германию, так и на обслуживание обратных поездок китайцев, проживающих в Европе, на родину. Такая модель работы отражает транснациональный характер китайской диаспоры, в которой экономическая деятельность часто строится одновременно вокруг рынков принимающей страны и страны происхождения.

Также стоит обозначить, что и китайские квалифицированные иммигранты и иммигранты, работающие в сфере высоких технологий, составляют 56% от общего числа китайских иммигрантов в Германии. Среди китайских иммигрантов, имеющих рабочий вид на жительство в Германии, 94% являются квалифицированными иммигрантами и высококвалифицированными иммигрантами. В 2022 г. китайские высококвалифицированные иммигранты составляли 8% от общего числа высококвалифицированных иммигрантов в стране[299].До пандемии китайские мигранты получали примерно 5% всех рабочих виз в Германии в рамках программы Синяя карта (единое разрешение на проживание и работу для квалифицированных специалистов), но в последние годы этот показатель снизился, теперь индийские мигранты получают около 25,2% разрешений, в то время как китайцы оказались на пятом месте с около 2,8% всех новых выданных Синих карт[300].

299 Ван Хуэй. Исследование положения китайских квалифицированных иммигрантов и иммигрантов, раб отающих в сфере высоких технологий, в Германии. // Аналитический центр Тайхэ. 24 августа 2022 г. U RL: http://www.taiheinstitute.org/Content/2022/08-24/1716385402.html (дата обращения: 22.03.2024).
300 Germany as an immigration destination + Strategies for decarbonization. // Table.Briefings. URL: https://t able.media/en/china/professional-briefing/germany-as-an-emigration-destination-strategies-for-decarbonization (дата

Большая часть рабочей силы-иммигрантов в Германии (около 39%) занята на неквалифицированной работе (иммигранты, имеющие вид на жительство как иммигранты с низкой квалификацией), за которыми следуют иммигранты с общей квалификацией (около 33%, имеющие вид на жительство), а остальные 28% являются высококвалифицированными иммигрантами.

Напротив, рабочая сила иммигрантов из Китая имеет противоположную структуру: только 6% (157 человек, по данным за 2024 г.) китайских иммигрантов работают на неквалифицированных работах (низкоквалифицированные иммигранты, как обладатели вида на жительство). Как показывают данные 2024 года (см. рис. 3), остальные 94% (2,37 тыс. человек) китайских иммигрантов – это квалифицированные и высококвалифицированные иммигранты: большинство (61%) – высококвалифицированные иммигранты, а 39% – квалифицированные иммигранты. Кроме того, общее количество китайских иммигрантов (низкоквалифицированных иммигрантов), работающих на неквалифицированных работах, продолжает значительно снижаться.

Рисунок 3. Соотношение китайских рабочих мигрантов в Германии по степени квалификации (в 2024 г.)

обращения: 03.01.2026).

Высококвалифицированные китайские мигранты в Германии представляют собой особую группу людей, которые хорошо образованы и владеют несколькими языками, обладают разнообразным международным опытом и профессиональной подготовкой. Эта группа сохраняет сильную китайскую идентичность и активно участвует в различных транснациональных, международных и местных социальных сетях. Эти группы очень мобильны и могут выбирать, где поселиться в любой точке мира – либо вернуться на родину для трудоустройства, либо переехать в другие англо- или немецкоязычные страны.

В логике концепции кросс-культурной адаптации данная категория мигрантов представляет особый тип транснациональной мобильности, при котором интеграция в принимающее общество не сопровождается обязательным отказом от собственной культурной идентичности. Высококвалифицированные китайские специалисты способны одновременно быть включенными в немецкое профессиональное пространство и сохранять устойчивые связи с китайскими образовательными, научными и деловыми сетями. Поэтому их адаптация носит не ассимиляционный, а преимущественно транснациональный характер.

Кроме того, высокая мобильность этих групп снижает значение части промежуточных барьеров миграции. Владение иностранными языками, высокий уровень образования и наличие международного опыта облегчают профессиональную адаптацию в Германии. Однако даже при относительно успешной экономической интеграции сохраняются культурные и социальные ограничения, препятствующие полной социальной инклюзии.

По альтернативному направлению развивается процесс интеграции китайцев через образовательную дипломатию. Студенты и студенческое движение составляет значительную часть китайского населения в Германии. Наблюдается последовательный рост китайского присутствия в студенческой сфере – так, к 2000 г. китайцы являлись самой большой группой иностранных студентов в высших учебных заведениях Германии (10 тыс. к 2002 г., 27 тыс. к

2017 г., 40 тыс. к 2025 г.), с акцентом на долгосрочных программах магистратуры и аспирантуры[301].

Например, только в семестре 2023/24 гг. в вузы Германии поступило около 42,2 тыс. студентов из Китая (что составляло около 13,1 % всех иностранных студентов в стране) большинство из которых, около 3,2 тыс. китайцев, учатся в ведущих немецких университетах по техническим специальностям: RWTH Aachen и TU München[302].

Многие из этих студентов остаются в Германии после окончания учебы, чтобы найти благоприятные возможности для трудоустройства, тем самым увеличивая число высококвалифицированных иммигрантов в стране[303]. Иностранные студенты в Германии, включая студентов из Китая, сталкиваются с рядом сложностей уже в период обучения. Среди наиболее распространенных проблем обычно выделяются высокий процент незавершенного образования, ограниченные возможности остаться в стране после окончания университета, а также недостаток повседневного общения с немецкими студентами, во многом связанный с языковым барьером[304].

Ситуация показывает, что обучение в немецком университете еще не означает полноценного включения в социальную среду принимающей страны. Даже при участии китайских студентов в образовательных и научных программах их контакты за пределами учебного процесса нередко остаются ограниченными. Общение сохраняется внутри китайской студенческой среды. В результате адаптация связана с учебой и профессиональной подготовкой, тогда как социальное взаимодействие с принимающим обществом развивается гораздо медленнее. В этом проявляется одна из ключевых особенностей кейса

301 В Германии растет количество иностранных студентов. // Forbes.ru. 13 января 2025. URL: https://www.forbes.ru/education/528698-v-germanii-rastet-kolicestvo-inostrannyh-studentov (дата обращения: 03.01.2026).

302 Auschner E. Implementing Chinese Student Support Services at a German Technical University. // Journal of International Students. – 2025. – Vol. 15. – № 5. – Pp. 63-80.

303 Knerr B. Asian students in Germany: Contexts of their Studies, Living Conditions and Future Plans. – Kassel: Kassel University Press, 2015. P. 66.

304 Heublein U., Schmelzer R. Die Entwicklung der Studienabbruchquoten an den deutschen Hochschulen. // DZHW-Projektbericht Juli 2018. URL: https://idw-online.de/en/attachmentdata66127.pdf (дата обращения: 24.07.2024).

Германии – высокая образовательная интеграция не всегда сопровождается глубокой социальной и культурной адаптацией.

Ситуация демонстрирует, что образовательная интеграция сама по себе не гарантирует формирования устойчивого чувства принадлежности к принимающему обществу. На примере Германии видно, что китайские студенты часто успешно адаптируются к академическим требованиям и профессиональной среде, однако сохраняют ограниченную включенность в неформальные социальные практики. Это позволяет рассматривать немецкую модель адаптации как преимущественно институциональную и функциональную, при которой мигрант успешно взаимодействует с образовательной системой, но сохраняет определенную культурную дистанцию по отношению к принимающему обществу.

Большая часть китайских студентов в Германии изучает инженерное дело (40,9%), математику и естественные науки (18%), хотя значительная часть изучает право, экономику и социальные науки[305]. Соответственно, большинство из них закончили обучение по этим предметам. Значительная часть также закончила обучение по языковым и культурным наукам. Китайские аспиранты в Германии в основном выбирают инженерное дело, естественные науки и медицину, а точнее биологию, химию, машиностроение/технологии, медицинские науки и физику/астрономию. Все эти предметы пользуются высоким спросом на немецком рынке труда, а значит, предлагают многообещающие перспективы трудоустройства и благоприятные перспективы карьерного роста в Германии. Что касается их доли в общем числе иностранных аспирантов, то китайцы занимают первое место среди национальностей в большинстве этих исследовательских областей.

Таким образом, в рамках данного параграфа работы необходимо отметить системный характер миграционных потоков из Китая в Германию. В современных условиях роста взаимосвязей, а также интенсификации цепочек

305 Pawlak B. Between intellectual autonomy and a lack of orientation: perceptions of chinese students in Ge rmany. // Ostasien Aktuell. East Asia Today Working Paper Series No. 7, 2020. URL: https://ostasien-aktuell.u ni-heidelberg.de/wp-content/uploads/2021/04/007-OAWP-Pawlak-2020.pdf (дата обращения: 27.07.2024).

торгово-экономического, общественного взаимодействия, роль китайской диаспоры в Германии тесным образом связана с интеграцией в торгово-экономическую, предпринимательскую, образовательную сферу.

При этом в процессе интеграции китайских мигрантов в Германии не наблюдается серьезных проблем. Однако сохраняется характерная для китайской диаспоры особенность – тесные связи внутри собственной этнической группы. Китайцы часто поддерживают связи с соотечественниками, и такие контакты играют важную роль в их адаптации в принимающем обществе. Подобная практика имеет в первую очередь практическое значение. Через диаспоральные связи проще найти работу, получить необходимую информацию или начать собственный бизнес. Именно поэтому многие китайские предприниматели на начальном этапе ориентируются на поддержку со стороны соотечественников. Малый китайский бизнес нередко работает прежде всего на китайскую диаспору, хотя со временем он постепенно начинает привлекать и местных клиентов.

Хорошим примером может служить развитие китайских ресторанов в крупных немецких городах. Изначально такие заведения часто ориентировались на китайское сообщество, однако со временем китайская кухня стала популярной и среди местных жителей. В результате рестораны превратились не только в бизнес-проекты, но и в своеобразные площадки культурного взаимодействия. Через гастрономию происходит знакомство местного населения с элементами китайской культуры. В этом смысле китайская кухня выступает своеобразным инструментом «мягкой силы»: она формирует более позитивное отношение к Китаю, создаёт ощущение культурной открытости и способствует формированию благоприятного образа страны в глазах принимающего общества.

Роль китайских диаспор в Германии может быть идентифицирована в качестве своеобразного проводника китайских интересов, культуры, традиций на немецком и европейском направлении, что дополняясь высокими позициями Китая и Германии как полноценных центров экономического влияния,

перспективных рынков сбыта, способствует использованию потенциала китайских диаспор в качестве проводника экономических интересов Китая в регионе (инвестиции, инициатива «Один пояс – один путь»), создавая устойчивую структуру для дальнейшего углубления сотрудничества, реализации потенциала двух стран, а также расширения географии присутствия китайских диаспор – как в Германии, так и во Франции, а также иных государствах Европейского союза, отражая следование китайских мигрантов за китайскими инвестициями в Европе (в целом), и ФРГ (в частности).

Таким образом, структура китайской диаспоры в Германии демонстрирует сложное сочетание образовательной, профессиональной, предпринимательской и транснациональной мобильности. Современная китайская миграция в ФРГ уже не ограничивается трудовой занятостью в сфере услуг или малого бизнеса, а включает значительное число студентов, исследователей, инженерно-технических специалистов и высококвалифицированных работников, интегрированных в немецкую экономику и систему высшего образования.

С точки зрения теории «толчка–притяжения» китайская миграция в Германию определяется совокупностью экономических, образовательных и профессиональных факторов привлекательности принимающего государства. Одновременно значительную роль продолжают играть промежуточные барьеры миграции, включая языковые ограничения, культурную дистанцию и сложности социальной адаптации, что усиливает значение диаспоральных сетей как механизма снижения адаптационных рисков.

В рамках концепции кросс-культурной адаптации китайская диаспора в Германии демонстрирует преимущественно транснациональную модель интеграции. Китайские мигранты активно включаются в экономическое, образовательное и научное пространство Германии, однако сохраняют устойчивые связи с собственной культурной средой, земляческими объединениями и китайскими профессиональными сетями. Это позволяет говорить о формировании модели частичной, функциональной и

асимметричной интеграции, при которой высокий уровень профессиональной адаптации не всегда сопровождается глубокой социальной и культурной инклюзией.

3.3 Особенности идентичности и проблемы ассимиляции китайской диаспоры в Германии

Германский кейс имеет иную историческую траекторию в отличие от рассмотренного в 2.3 опыта Франции. На протяжении длительного времени миграционная политика Германии была связана с логикой привлечения иностранной рабочей силы при ограниченном признании долгосрочного характера миграции. Модель «гостевых работников» способствовала формированию ситуации, при которой мигранты включались в экономическую жизнь страны, но их социальная, культурная и политическая интеграция развивалась значительно медленнее. В этом смысле германский опыт может быть рассмотрен через элементы сегрегационно-функциональной модели, когда мигрант оказывается востребован как участник рынка труда, однако его включение в повседневные социальные связи, гражданское участие и культурную коммуникацию с принимающим обществом ограничено.

Применительно к китайской миграции, если во Франции китайская диаспора демонстрирует более выраженную социальную и психологическую адаптацию, поскольку сохранение этнокультурных связей внутри диаспоры не исключает постепенного включения в городскую, образовательную и предпринимательскую среду принимающего общества. В Германии, напротив, китайские мигранты чаще демонстрируют высокий уровень профессиональной и образовательной интеграции, однако социальная дистанция между диаспорой и принимающим обществом сохраняется заметнее. Различие французской и германской моделей проявляется не только в институциональных возможностях, предоставляемых мигрантам, но и в характере их повседневной адаптации, типе занятости, уровне социальных контактов и способах

сохранения идентичности.

Сопоставление германского кейса с французским показывает, что интеграция китайских мигрантов в Германии в большей степени сохраняет черты функционально-экономической модели. В отличие от французского варианта, где социальная и психологическая адаптация китайских мигрантов в большей степени опирается на гибкость городской и диаспоральной среды, германская модель делает акцент на профессиональной состоятельности мигранта, его языковой подготовке, квалификации и способности соответствовать институциональным требованиям принимающего государства. В результате китайские мигранты в Германии могут быть успешно включены в академическое, инженерное, технологическое и предпринимательское пространство, однако это не всегда сопровождается сопоставимой глубиной социальной и культурной инклюзии.

Так, в 1999-2000 гг. в Германии были приняты законы о гражданстве и правах мигрантов. В них была предусмотрена возможность получения немецкого гражданства для детей, родившихся на территории Германии, у которых оба родителя являются иностранцами, при соблюдении определенных условий. Условия включали проживание родителей на территории Германии не менее 8 лет и законное пребывание в браке не менее 3 лет для переселенцев и их семей. Реформа законодательства о гражданстве Германии в 2000 г. положила основу для создания системы управления миграционными процессами, отвечающей современным требованиям общества. Согласно этой реформе, основными приоритетами федеральной миграционной политики стали[306]:

- учет экономических и социальных потребностей страны при регулировании миграционных потоков и ограничении иммиграции;

- интеграция законных мигрантов на территории Германии;

- соблюдение гуманитарных обязательств, вытекающих из Основного

306 Немытина М.В. Правовое регулирование миграционных отношений: опыт Германии // Вестник РУДН. – 2010. – № 4. С. 111.

закона ФРГ и международных соглашений;

- гарантия безопасности и защиты лиц, проживающих в Германии;

- активное продвижение основных позиций Германии в политике Европейского союза.

В 2004 г. в Германии был принят первый комплексный закон об иммиграции, который существенно изменил подход государства к регулированию миграционных процессов. Документ фактически закрепил новый статус страны: Германия перестала быть государством иммиграции лишь фактически (de facto) и официально признала себя страной иммиграции на уровне законодательства (de jure). Одновременно с этим была пересмотрена система приема иностранных граждан. Правила въезда и проживания стали более строгими, а государственная политика начала уделять больше внимания контролю миграционных потоков. Одним из ключевых направлений стала борьба с нелегальной иммиграцией, а также усиление регулирования условий пребывания иностранцев на территории страны[307].

В 2005 г. был принят Закон об иммиграции, в котором были сформулированы два основных принципа иммиграционной политики ФРГ. Первый принцип заключался в успешной интеграции иммигрантов, проживающих в Германии на законном и постоянной основе. Второй принцип касался прозрачного и активного подхода к управлению иммиграцией в интересах экономической и интеграционной политики страны. Закон регулировал миграционные процессы на рынке труда, интеграцию иностранцев и правила предоставления убежища[308].

В 2007 г. был принят Национальный план интеграции, в содержательной части которого внимание немецкого законодателя было ориентировано на выявлении индивидуального желания мигранта стать частью немецкого

307 Gesetz zur Steuerung und Begrenzung der Zuwanderung und zur Regelung des Aufenthalts und der Integr ation von Unionsbürgern und Ausländern (Zuwanderungsgesetz) 2004 // Bundesministerium des Innern und für Heimat. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/gesetztestexte/Zuwanderungsgesetz.pdf?__blob =publicationFile&v=1 (дата обращения: 15.12.2024).

308 Das Zuwanderungsgesetz von 2005. // Bundesministerium des Innern und für Heimat. – URL: https://www. bmi.bund.de/SharedDocs/gesetzestexte/DE/Zuwanderungsgesetz.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 16.12.2024)

общества[309]. В случае наличия данного желания, логика государства была направлена на оказание помощи в изучении языка, а также интеграции в немецкое общество, без навязывания своих взглядов.

В то же время, каждому мигранту, исходя из указанного плана, гарантировалось толерантное отношение со стороны немецкого общества. Характерные практические аспекты реализации данного подхода были сделаны на мягкосиловым факторе – изучении немецкого языка (ключевой фактор интеграции мигрантов), а также принятии культуры, политических особенностей, законов и правовой системы, обычаев, традиций Германии.

С позиции теории «толчка–притяжения» миграционная политика Германии формирует особую конфигурацию притягивающих и ограничивающих факторов одновременно. С одной стороны, государство создает институциональные условия для привлечения квалифицированных мигрантов через образовательные программы, возможности трудоустройства и механизмы долгосрочного проживания. С другой стороны, высокая значимость языковой компетенции, правовой интеграции и индивидуальной ответственности мигранта за собственную адаптацию превращаются в своеобразные промежуточные барьеры, от успешного преодоления которых зависит глубина включения иностранцев в немецкое общество.

Важно оговориться, что немецкий подход к построению мультикультурного общества тесным образом был связан с наличием возможностей мигранта на равных правах стать его частью, при естественном условии сохранения культурного многообразия, языка, традиций, морально-ценностных и духовных ориентиров[310]. Тем не менее, по нашему мнению, указанный подход обладает характером ассимиляции, и в меньшей степени – мультикультурализма.

В то же время считаем важным отметить, что реализация немецкой

309 2007 bis 2013 den Nationalen Integrationsplan. // Bundesregierung. – URL: https://www.bundesregierung.de/resource/blob/2065474/441038/acdb01cb90b28205d452c83d2fde84a2/2007-08-30-nationaler-integrationsplan-data.pdf (дата обращения: 16.12.2024)

310 Полетаева М.А. Иммигранты в европейском культурном процессе. Опыт ФРГ. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. С. 126.

политики мультикультурализма также ориентирована на модернизацию государственных подходов. Примером данной стратегии выступает работа во Франкфурте-на-Майне Управления по делам этнических групп. Схожий подход используется в Штутгарте – на примере Пакта интеграции (2001 г.), в содержательной части которого подчеркивается важность сохранения культурного разнообразия, принципы мирного сосуществования, социальной сплоченности немцев и мигрантов, а также соблюдение равных возможностей для всех жителей Германии[311].

С позиции положений теории кросс-культурной адаптации, немецкая интеграционная модель представляет собой достаточно сложную среду для китайских мигрантов. С одной стороны, государство формально создает институциональные условия для включения иностранцев в общество через языковые курсы, образовательные программы, правовое регулирование занятости и поддержку квалифицированной миграции. С другой стороны, значительная часть ответственности за успешную адаптацию фактически возлагается на самого мигранта, что усиливает значение индивидуальной языковой компетенции, профессионального статуса, способности к межкультурной коммуникации и готовности к самостоятельному встраиванию в немецкие социальные структуры.

Поэтому адаптация китайских мигрантов в Германии приобретает преимущественно функциональный характер. Китайские мигранты относительно успешно включаются в рынок труда, высшее образование, научно-техническую сферу и предпринимательство, однако более глубокая социальная интеграция сталкивается с рядом ограничений. К ним относятся высокая роль немецкого языка как условия полноценного участия в общественной жизни, ограниченность неформальных контактов с местным населением, а также устойчивое значение диаспоральных сетей, которые одновременно облегчают первичную адаптацию и поддерживают

311 Шаяхметова А.А. Модели мультикультурализма в Европейских странах. // Вопросы студенческой на уки. – 2018. – № 11. С. 114.

определенную социальную дистанцию. Кейс Германии демонстрирует не отсутствие адаптации, а ее асимметричный характер, то есть, экономическая и образовательная включенность развивается быстрее, чем психологическое чувство принадлежности и повседневная социальная вовлеченность.

При этом субъективное восприятие миграции самими китайскими мигрантами также оказывает существенное влияние на характер интеграции. Для значительной части представителей китайской диаспоры Германия рассматривается прежде всего как пространство образовательной и профессиональной реализации, а не как среда окончательной культурной ассимиляции. В результате даже при успешной экономической интеграции сохраняется установка на поддержание тесных связей с китайским языком, культурой и транснациональными социальными сетями.

Отметим, что политика мультикультурализма Германии обладает своим системным характером, но не предполагает интенсивных действий по интеграции мигрантов в немецкое общество, находясь в зависимости от наличия такого желания непосредственно у каждого индивида. Указанный аспект позволяет выделить и ситуативные особенности в подходах Германии и иных стран. Главным образом, за счет отсутствия в Германии стремления к соблюдению баланса между разнообразием и равенством и, как результат, акцентом на ассимиляционные процессы, с сохранением опции по «включению» мигрантов в социально-культурные аспекты жизнедеятельности немецкого общества. Это предполагает сохранение для мигрантов активности в сфере труда, при сравнительно низкой представленности в политической, гражданской жизни Германии (для такого присутствия нужно гражданство, правовой статус) что, дополняясь «правом крови» в контексте гражданства, ограничивает для мигрантов процесс полноценного включения в немецкое общество[312].

Первоначальной инициативой правительства О. Шольца стала реформа

312 Kraus P., Schönwälder K. Multiculturalism in Germany: Rhetoric, scattered experiments, and future chance s. // Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies; K. Banting, W. Kymlicka (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 211.

немецкого иммиграционного законодательства, направленная на набор квалифицированной рабочей силы из-за границы для заполнения вакантных должностей в предприятиях, связанных с энергетическим переходом. Пандемия коронавируса значительно ограничила доступ компаний к работникам, затрагивая различные секторы, начиная с промышленности и заканчивая квалифицированными ремесленниками и работниками в сфере ухода. В связи с чем правительство активизировало работу в направлении шагов для заполнения вакансий, сосредотачиваясь на поддержке образовательных программ, активном вовлечении женщин в поиск работы и обеспечении гибкого перехода к выходу на пенсию[313].

Министр экономики и климата Р. Хабек из «Партии зеленых» отмечал, что дефицит рабочей силы уже начал замедлять рост во многих отраслях: «необходимость перехода к более активным мерам по борьбе с изменением климата и обеспечению устойчивого развития требует существенного увеличения иммиграции рабочей силы»[314].В этой связи ставилась цель расширить иммиграционное законодательство и улучшить административные процедуры, делая их более прозрачными и оперативными.

В основе реформы немецкой миграционной политики лежали три направления: расширение доступа к немецкому рынку труда для специалистов с подтвержденной квалификацией; расширена практика использования «синей карты ЕС», которая упростила переезд квалифицированных работников и членов их семей; направление образовательной миграции (обучение и стажировки в Германии как один из инструментов привлечения иностранных специалистов)[315].

Изменения миграционных правил Германии в последние годы

313 Deutschland wird das Einwanderungsrecht grundlegend modernisieren. // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. 30.11.2022. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2022/11/20221130-deutschland-wird-das-einwanderungsrecht-grundlegend-modernisieren.html (дата обращения: 13.12.2024).
314 Reform of German immigration law aimed at filling tens of thousands of vacant energy transition jobs. // Clean Energy Wire. December 1, 2022. URL: https://www.cleanenergywire.org/news/reform-german-immigration-law-aimed-filling-tens-thousands-vacant-energy-transition-jobs (дата обращения: 13.12.2024).
315 Fachkräfteeinwanderungsgesetz. Neue Wege zur Fachkräftegewinnung. // Bundesregierung. 23. Februar 2024.URL:https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/arbeit-und-soziales/fachkraefteeinwanderungsgesetz-2182168 (дата обращения: 13.12.2024).

происходили на фоне увеличения числа беженцев и общей миграционной нагрузки на страну. Немецкие власти были вынуждены корректировать существующие механизмы регулирования миграции и интеграции. Уделялось внимание вопросам трудоустройства иностранных специалистов, признания квалификации и доступу мигрантов к образовательной системе. Однако законодательство Германии не предусматривает отдельных мер или особых условий для представителей конкретных этнических групп, в том числе и китайских мигрантов. Подход государства к интеграции иностранных диаспор носит универсальный характер, ориентированный на предоставление равных возможностей всем мигрантам независимо от их национальной принадлежности.

Немецко-китайское взаимодействие в 2010-е – первой половине 2020-х гг. сохраняет двойственную структуру: с одной стороны, Германия объективно вовлечена в экономическую взаимозависимость с КНР как с ключевым внешним рынком, промышленным партнером и источником отдельных технологических и инвестиционных связей; с другой стороны, на фоне обострения дискуссий о «рисках зависимости», угрозах и конкуренции норм усиливается политизация китайского направления, что постепенно переводит отношения из логики «экономического прагматизма» в режим повышенной чувствительности. Миграция из Китая в Германию также перестает восприниматься как нейтральный социальный процесс и интерпретируется через призму внешнеполитических и экономических отношений, то есть как феномен, находящийся на стыке рынка труда, академической мобильности и политики.

При этом общественный фон, на котором происходит интеграция китайских мигрантов, демонстрирует заметный сдвиг в сторону настороженности, что напрямую влияет на символические барьеры адаптации. Так, по данным YouGov EuroTrack, доля респондентов в Германии, выражающих неблагоприятное отношение к Китаю, составляет около 70% (при примерно 19-21% благоприятных оценок), то есть негативная установка

оказывается доминирующей[316]. Подобная конфигурация восприятия формирует «вторичный контур» ассимиляционных рисков: даже при высокой профессиональной и образовательной интегрированности китайские мигранты оказываются включены в пространство, где отношение к стране происхождения окрашивает ожидания принимающего общества и повышает чувствительность к любым формам культурной обособленности, к деятельности китайских организаций публичной дипломатии и, в целом, к вопросу о том, где заканчивается диаспора как социальное сообщество и где начинается диаспора как объект внешнеполитической интерпретации.

В данном случае негативное восприятие Китая начинает выполнять функцию дополнительного промежуточного барьера миграции в логике теории Э. Ли. Даже при отсутствии формальных ограничений китайские мигранты сталкиваются с усложнением социальной адаптации на символическом уровне, поскольку отношение к стране происхождения влияет на восприятие самих представителей диаспоры. Особо заметно это на фоне роста политической чувствительности к вопросам экономического влияния Китая, академического сотрудничества и китайской публичной дипломатии в Европе.

Важным, но в тексте до настоящего момента не обозначенным фактором формирования идентичности китайской диаспоры в Германии выступает деятельность институтов культурной и образовательной дипломатии КНР, прежде всего Институтов Конфуция. По состоянию на 2025 г. в Германии работают 19 Институтов Конфуция, работающих в университете или в партнерстве с академическими центрами в таких городах, как Берлин, Гейдельберг, Кёльн, Мюнхен, Лейпциг и др[317]. Институты Конфуция предлагают курсы китайского языка, культурные программы, обмены профессорско-преподавательским составом и студенческие стажировки, а также регулярно организуют мероприятия, посвящённые китайской истории, кино, литературе и новым технологиям.

316 Eurotrack Survey Results. // YouGov. August 2024. URL: https://d3nkl3psvxxpe9.cloudfront.net/documents/Topline_Eurotrack_Aug24_lEbyhNM.pdf (дата обращения: 13.01.2026).
317 Germany: Risky cooperation, mitigation awaited. // China-Europe Academic Engagement Tracker. URL: https://academytracker.ceias.eu/articles/2cPXMRm4IpiaWJPBuC1nR2 (дата обращения: 03.01.2026).

Мягкая сила Институтов Конфуция проявляется не только в образовательных мероприятиях, но и в создании платформ для межкультурного диалога, способствуя расширению социальных сетей китайских мигрантов и студентов в Германии. Они облегчают доступ к китайской культуре для немецких граждан и мигрантов из других стран и играют роль неформальных мостов между академическими и общественными сообществами, что усиливает позитивное восприятие Китая и китайской культуры в принимающем обществе.

В контексте интеграции китайских мигрантов Институты Конфуция выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они способствуют сохранению культурной и языковой идентичности выходцев из Китая, формируя пространство символической и культурной репрезентации китайской диаспоры в немецком обществе. С другой стороны, данные институты выступают посредником между китайской диаспорой и немецкой академической средой, снижая культурную дистанцию и создавая дополнительные возможности для образовательной и профессиональной социализации китайских мигрантов, особенно молодежи и студентов.

При этом, если взглянуть на Институты Конфуция с точки зрения концепции кросс-культурной адаптации, то они могут быть рассмотрены как часть адаптационной инфраструктуры, поскольку они поддерживают культурную идентичность мигрантов и одновременно создают площадки межкультурной коммуникации с принимающим обществом. Двойственность отражает одну из ключевых особенностей кросс-культурной адаптации китайских мигрантов в Германии. Институты, способствующие сохранению культурной идентичности и снижению культурной дистанции, одновременно могут усиливать внутреннюю замкнутость диаспоральной среды. В результате адаптация развивается не как линейный процесс постепенной ассимиляции, а как более сложная форма транснационального существования, при которой мигранты одновременно включены в немецкое академическое и профессиональное пространство и сохраняют устойчивую связь с китайскими культурными структурами.

Значение Институтов Конфуция заключается не только в сохранении китайского языка и культурной памяти, но и в снижении культурной дистанции между китайской диаспорой и немецкой академической средой. Вместе с тем в контексте примера Германии эта функция оказывается противоречивой. Структуры, способствующие культурной адаптации и межкультурному диалогу, одновременно могут восприниматься как элементы внешнеполитического влияния КНР, что усиливает неоднозначность адаптационного процесса. Китайские мигранты получают дополнительные ресурсы для сохранения идентичности, но сама видимость китайского культурного присутствия может становиться фактором политизированного восприятия со стороны принимающего общества.

Работа Институтов Конфуция в Германии часто вызывает споры, прежде всего, вокруг университетской среды. Часть немецкого академического сообщества рассматривает их как структуры, связанные с китайским государственным влиянием. Из-за этого вокруг деятельности Институтов Конфуция регулярно возникают дискуссии о «политической нейтральности» университетов и допустимых формах внешнего присутствия в образовательной сфере[318].

Китайское население в Германии расселено менее компактно, чем во Франции. Если во французских городах китайская среда чаще связана с отдельными районами и чайна-таунами, то в Германии многие китайские мигранты проживают точечно в крупных городах и в небольших населенных пунктах (во многом это связано с учебой, научной работой и профессиональной занятостью). Пространственная стратегия объясняется рядом факторов, включая стремление к более спокойной социальной среде, меньшую интенсивность городского ритма и наличие сложившихся предпринимательских ниш. Важную роль здесь играют локальные китайские диаспоры, которые выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они

318 China's Confucius Institutes may face German restrictions. // DW. 07.08.2023. URL: https://www.dw.com/en/chinas-confucius-institutes-may-face-restrictions-in-germany/a-66158864 (дата обращения: 03.01.2026).

выступают механизмом социальной поддержки и облегчения интеграции новых мигрантов, а с другой – формируют своеобразную экономическую инфраструктуру, выступая одновременно и потребительской базой, и деловой средой для развития предпринимательской деятельности[319].

Особенности восприятия китайской диаспоры в Германии в определённой степени отличаются от ситуации в других странах Европейского союза. Эти различия обусловлены как историческими обстоятельствами, включая специфический опыт Германии в XX в., так и особенностями общественного и культурного контекста страны. Немецкое общество традиционно придаёт большое значение вопросам институциональной прозрачности, общественной ответственности и академической автономии, что отражается и в оценке различных форм иностранного присутствия. Вместе с тем между культурными и трудовыми установками немецкого общества и ценностными ориентирами китайских мигрантов можно обнаружить ряд сходных черт. К числу таких характеристик нередко относят высокую трудовую дисциплину, склонность к системности и организованности, ориентацию на результат и способность функционировать в рамках четко выстроенной иерархической структуры.

Наличие сходств создает относительно благоприятные условия для профессиональной интеграции китайских мигрантов в таких секторах, как промышленность, производственные отрасли и инженерно-техническая сфера. В этих областях взаимодействие между немецкими компаниями и специалистами китайского происхождения нередко оказывается достаточно эффективным. В то же время в сфере услуг, розничной торговли и малого предпринимательства сохраняется более выраженная этническая сегментация. В данных секторах китайский бизнес часто ориентируется преимущественно на собственные диаспоральные сети и клиентские группы, что приводит к определённой степени экономической обособленности и ограничивает

319 Zhao Jing. Knowledge, practice and emotion in migration: The lifeworld of Chinese migrants in Germany. // Chinese Immigrants in Europe, Liu Yue, Wang Simeng (eds.). – Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2020. – P. 53-74.

формирование смешанных предпринимательских структур с участием местного населения.

В немецком сообществе существует подход, в соответствии с которым идентификация китайской диаспоры сопряжена с ее восприятием как монолитной группы, а также лиц, задействованных в отдельных сегментах предпринимательской деятельности в Германии (упомянутые ранее торговые сети, магазины, рестораны, точки быстрого питания).

Эмпирические данные немецких исследовательских центров подтверждают неоднозначный характер восприятия выходцев из Китая в немецком обществе. Лица азиатского происхождения в Германии в меньшей степени ассоциируются с угрозой общественной безопасности по сравнению с выходцами из стран Ближнего Востока и Африки, однако при этом регулярно сталкиваются с формами скрытой дискриминации. В частности, около 30-35% респондентов немецкого происхождения отмечают наличие социальных стереотипов в отношении людей азиатского происхождения, включая представления о «замкнутости» и «обособленности» таких сообществ[320].

Во время пандемии COVID-19 в Германии заметно усилились антикитайские настроения. Согласно данным мониторинга NaDiRa, проводимого Институтом DeZIM, более 40% опрошенных жителей азиатского происхождения сообщали о случаях дискриминации. Во многих случаях подобное отношение было связано именно с восприятием Китая как «страны происхождения коронавируса»[321].Хотя подобные настроения усилились в период пандемии, их последствия сохранялись и после, что повлияло на повседневное отношение к китайским мигрантам и характер их взаимодействия с окружающей социальной средой.

В случае китайской диаспоры в Германии уровень адаптации зависит не только от образования, занятости или профессионального положения

320 Liu Amy. Public Attitudes and the Chinese Migrants in Central-Eastern Europe. // International Migration. 2020. Vol. 58. № 3. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/imig.12638 (дата обращения: 04.01.2026).

321 Antiasiatischer Rassismus in Zeiten der Pandemie. // NaDiRa-Fokusbericht. 11 April 2024. URL: https://www.rassismusmonitor.de/fileadmin/user_upload/NaDiRa/Publikationen/Berichte/NaDiRa_Fokusbericht_01_RZ_240405_web_Metadaten_Pdf_A.pdf (дата обращения: 03.01.2026).

мигрантов. Значение имеет и отношение со стороны принимающего общества. Даже при успешной учебе или профессиональной реализации китайские мигранты могут сталкиваться с социальной дистанцией и настороженным восприятием. В этом смысле процесс интеграции связан не только с действиями самих мигрантов, но и с готовностью принимающего общества воспринимать их как часть собственной социальной среды.

Формы дискриминационного или настороженного восприятия оказывают влияние не только на внешний статус мигрантов, но и на их субъективное чувство принадлежности к принимающему обществу. Даже при наличии высокого уровня образования, занятости и экономической устойчивости негативные установки в отношении страны происхождения могут снижать готовность мигрантов к расширению социальных контактов за пределами собственной диаспоры. В случае с Германией это особенно важно, поскольку восприятие китайских мигрантов нередко накладывается на более широкий контекст политической и экономической конкуренции между КНР и странами Запада. Тем самым адаптация китайской диаспоры осложняется не только языковыми или институциональными барьерами, но и символическими факторами, связанными с образом Китая в немецком общественном дискурсе.

При этом, данные соцопросов все же показывают, что китайские мигранты и лица азиатского происхождения в целом воспринимаются немецким обществом как сравнительно «успешно интегрированные» группы, характеризующиеся высокой занятостью, образовательной мобильностью и низким уровнем социальной конфликтности. Таким образом, восприятие китайской диаспоры в Германии формируется на пересечении позитивных оценок экономической и образовательной интеграции и устойчивых культурных стереотипов, ограничивающих глубину социальной инклюзии.

В то же время процессы глобализации, дополняемые активным развитием массовой культуры в виде кинематографа, создают угрозы при котором восприятие китайских диаспор может обладать высоким удельным весом предрассудков и негативных предубеждений, что формирует индивидуальное

восприятие китайцев как «членов триад»[322]. Но в целом использование данных характеристик является чертой скорее для конкретного индивида, нежели для подхода конкретной этнической группы в Германии, нося точечный и максимально фрагментарный характер.

Такие факторы как наплыв мигрантов в Германию из стран других регионов мира, может создавать угрозы для негативного восприятия китайской диаспоры, выступающей своеобразной «частью миграционного потока»[323]. Это также может создавать угрозы для качественной интеграции выходцев из Китая в немецкое сообщество, в том числе – создавать угрозы полноценной ассимиляции (на фоне заявлений про крах идеи мультикультурализма), что может проявляться и в снижении внимания немецкого сообщества к китайским диаспорам в торгово-экономической и предпринимательской сфере.

Негативное отношение, формируемое на базе предрассудков и ошибочных суждений может способствовать росту националистических настроений, которые хоть и не будут повторять контуры 1939 – 1944 гг., но, тем не менее, могут привести к пропаганде отказа от взаимодействия с иностранцами, реализации программ «покупай только немецкие товары», «поддержи немецкий бизнес», в результате чего китайские предприятия в сфере общественного питания, рестораны, рынки могут пройти через череду негативных экономических последствий (снижение спроса, сознательный отказ от покупки как китайских, так и иных товаров), следствием чего может также стать рост общественного недовольства мигрантами.

Игнорирование указанных проблем может привести к овладению интеграции китайских мигрантов в немецкое общество, а также сформировать устойчивый пласт предрассудков, негативную предрасположенность со стороны немецких слоев общества по отношению к Китаю, что по мере роста националистических настроений и осознания краха идеи мультикультурализма,

322 Zhao Jing. Knowledge, practice and emotion in migration: The lifeworld of Chinese migrants in Germany. // Chinese Immigrants in Europe, Liu Yue, Wang Simeng (eds.). – Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2020. P. 56.

323 Wang Yihong. Changing Structure of Oversas Chinese in Germany. // Historical Studies of Overseas Chin ese. – 2019. – № 4. P. 37.

может сопутствовать более сильному обособлению китайских мигрантов, создавая сложноразрешимые проблемы на пути их интеграции в немецкое сообщество[324].В то же время, мы считаем важным дополнительно уточнить, что обозначенные нами аспекты также могут носить в большей степени гипотетический, а не практический характер. Аргументом в пользу данного тезиса выступает высокая степень заинтересованности Германии в расширении рынка рабочей силы, учитывая существующие тенденции к ее сокращению, что обуславливает для потребность в миграции для обеспечения экономической выживаемости страны.

Таким образом, несмотря на отсутствие специфических мер регулирования миграционного законодательства ФРГ для китайской диаспоры, особенности этой группы мигрантов позволяют выделить определенные закономерности в их адаптации. Китайские мигранты в Германии демонстрируют высокий уровень вовлеченности в образовательные и профессиональные программы, что способствует их успешной интеграции.

Большая часть китайских мигрантов в Германии связана с университетской, научной и профессиональной средой. Многие работают в сфере информационных технологий, инженерии, медицины или занимаются исследовательской деятельностью. При этом даже при успешной профессиональной реализации социальные контакты за пределами китайской среды нередко остаются ограниченными. Во многом это связано с сохранением тесных связей внутри самой диаспоры, а также с ориентацией части мигрантов на привычную культурную среду и контакты с Китаем.

Подход Германии к вопросам интеграции мигрантов также постепенно менялся. Если раньше немецкая миграционная политика в большей степени была ориентирована на ассимиляцию, то в последние годы акцент все чаще делается на более гибких формах адаптации. Речь идет о попытке сочетать включение мигрантов в общественную и экономическую жизнь страны с

324 Жуйруй Чжоу. «Азиатская ненависть» в Германии: эпидемия, стеклянная обложка и несогласованная коммуникация. // The Paper.cn. 14.07.2021. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_13161149 (да таобращения: 24.03.2024).

сохранением культурного разнообразия. Китайская диаспора – пример того, что профессиональная интеграция не обязательно сопровождается отказом от собственной культурной среды.

Китайские мигранты демонстрируют высокий уровень участия в академической и трудовой среде Германии, однако одновременно сохраняют устойчивые связи с собственной диаспоральной инфраструктурой, культурными практиками и транснациональными сетями.

С точки зрения теории «толчка–притяжения» миграция китайских граждан в Германию определяется сочетанием сильных притягивающих факторов – высокого уровня образования, развитого рынка труда и возможностей профессиональной мобильности, наличием промежуточных барьеров, связанных с языковой дистанцией, особенностями общественного восприятия, институциональными требованиями и культурными различиями. В рамках концепции кросс-культурной адаптации германский кейс демонстрирует преимущественно асимметричную модель интеграции, при которой успешная функциональная адаптация не всегда приводит к формированию глубокого чувства принадлежности к принимающему обществу.

В отличие от французской модели, характеризующейся большей гибкостью в социально-культурной адаптации, германская интеграционная система в большей степени ориентирована на индивидуальную ответственность мигранта и соответствие институциональным требованиям принимающего государства. В результате китайская диаспора в Германии может быть охарактеризована как экономически и образовательно интегрированная, но социально более дистанцированная группа, сохраняющая устойчивую транснациональную идентичность и высокий уровень внутренней сплоченности.

3.4 Оценка интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии на основе индексного метода

Оценка интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии в рамках настоящего параграфа проводится не как самостоятельное количественное социологическое измерение, а как вспомогательный сравнительно-аналитический инструмент, позволяющий обобщить данные, полученные на основе интервью, статистических материалов, научных исследований и анализа интеграционных практик двух принимающих государств. Индексный метод в данном случае используется для выявления относительных различий между французским и германским кейсами по ряду параметров интеграции, а не для построения репрезентативной модели положения всей китайской диаспоры в указанных странах.

В рамках исследования индексный метод применяется как способ структурирования эмпирического материала и сопоставления французского и германского кейсов по единым аналитическим параметрам. Его использование позволяет не столько измерить интеграцию китайских мигрантов в строгом количественном смысле, сколько выявить соотношение различных сторон адаптации: психологической, экономической, политической, социальной, языковой и навигационной.

Разработка стандартизированного эмпирического показателя интеграции мигрантов оставалась одной из сложных задач, что подтолкнуло Международную организацию по миграции к созданию совместного проекта с Лабораторией иммиграционной политики. Этот проект был направлен на разработку многомерного подхода к оценке интеграции мигрантов, результатом которого стал инструмент под названием «Индекс интеграции мигрантов»[325]. Основная цель данного индекса заключается в предоставлении комплексного понимания интеграционных процессов мигрантов путем анализа многомерных аспектов их опыта, что позволяет более точно адаптировать будущие

325 IPL Integration Index. URL: https://www.integrationindex.org/

программы поддержки, ориентировать их на целевые группы и корректировать миграционную политику.

Эмпирическая база индексной оценки была сформирована на основе качественного интервьюирования 50 респондентов из числа китайских мигрантов, проживающих, обучающихся или работающих во Франции и Германии. Выборка носила целевой характер и формировалась с учетом основных типов китайской миграции, рассматриваемых в диссертации: образовательной, трудовой, предпринимательской и высококвалифицированной профессиональной миграции.

Формирование выборки осуществлялось по принципу целевого отбора (purposive sampling)[326], широко применяемого в качественных миграционных исследованиях. Подобный подход позволил сосредоточиться на респондентах, обладающих релевантным опытом интеграции в принимающем обществе, включая взаимодействие с образовательными учреждениями, рынком труда, государственными институтами и диаспоральными сетями.

Для сохранения сопоставимости французского и германского кейсов респонденты были распределены между двумя странами приблизительно равномерно. В состав выборки вошли студенты и выпускники европейских вузов, трудовые мигранты, предприниматели, а также специалисты, занятые в профессиональных и высококвалифицированных секторах экономики. Такой состав респондентов позволил соотнести результаты интервью с основными типами миграционных траекторий, последовательно рассматриваемых во второй и третьей главах диссертации.

Использованная выборка соответствует логике качественного сравнительного исследования, ориентированного на выявление устойчивых моделей восприятия, адаптационных стратегий и особенностей интеграционного опыта китайских мигрантов во Франции и Германии. На

[326] Примаков В.Л. К вопросу о классификации методов формирования выборок в социологических исследованиях. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2024. – № 3. С. 118.

определенном этапе интервьюирования ответы респондентов начали воспроизводить сходные адаптационные модели и повторяющиеся интеграционные практики, что позволило говорить о достижении тематической насыщенности материала. Полученные данные не претендуют на статистическую репрезентативность в строгом социологическом смысле, однако позволяют выявить устойчивые сравнительные тенденции адаптации и интеграции китайских мигрантов в рамках двух исследуемых кейсов.

Индекс интеграции мигрантов обычно рассматривается через несколько взаимосвязанных измерений, которые позволяют оценить степень включенности человека в социальную, экономическую и институциональную среду принимающей страны.

Во-первых, учитывается психологическая составляющая интеграции. В этом случае анализируется, насколько мигранты ощущают связь с обществом страны проживания, планируют ли они оставаться там на длительный срок и возникает ли у них чувство принадлежности к новому социальному пространству.

Во-вторых, важным показателем выступает экономическая интеграция. Здесь оцениваются такие параметры, как уровень доходов, характер занятости, удовлетворённость положением на рынке труда, а также способность человека справляться с возможными финансовыми трудностями.

В-третьих, внимание уделяется политическому измерению. Исследуется, насколько мигранты осведомлены о ключевых политических вопросах в принимающей стране, следят ли они за общественно-политической повесткой и участвуют ли в обсуждении общественно значимых тем.

Четвёртым аспектом является социальная интеграция. Она проявляется через характер социальных контактов, наличие связей с местным населением и участие мигрантов в общественных объединениях или гражданских инициативах, что свидетельствует о накоплении социального капитала.

Пятое направление связано с языковой адаптацией. В данном случае оценивается уровень владения языком принимающей страны – способность

читать, говорить, писать и понимать устную речь, что напрямую влияет на возможности участия в общественной и профессиональной жизни.

Шестым важным элементом выступает так называемый навигационный аспект интеграции. Он отражает способность мигрантов ориентироваться в институциональной системе принимающего государства: пользоваться медицинской помощью, решать юридические вопросы, искать работу и в целом взаимодействовать с основными социальными институтами.

Вопросы интервью были сгруппированы по указанным направлениям и касались субъективного ощущения связи с принимающей страной, намерения остаться на длительный срок, уровня удовлетворенности занятостью, характера социальных контактов с местным населением, степени владения языком принимающей страны, опыта обращения к медицинским, юридическим и административным институтам, а также восприятия дискриминации и языковых барьеров. Такая структура позволила сопоставить не только формальные условия интеграции, но и субъективное восприятие мигрантами собственного положения во Франции и Германии.

Применение индексной системы в настоящем исследовании позволяет не столько получить строгую количественную оценку интеграции, сколько структурировать качественные данные и сопоставить французский и германский кейсы по единым аналитическим параметрам.

В результате проведенного исследования, в рамках которого были опрошены 50 респондентов — китайские мигранты, проживающие, работающие или обучающиеся во Франции и Германии, была проведена вспомогательная индексная оценка интеграции, охватывающая шесть ключевых аспектов: психологический, экономический, политический, социальный, лингвистический и навигационный (см. табл. 10)[327]. Таблица включает аспекты интеграции мигрантов, вопросы по каждому аспекту, оценки по каждой стране, а также суммарные баллы по каждому аспекту.

327 Прим. автора: Ответ респондентов по каждому вопросу оценивается по пятибалльной шкале, где 1 - малая значимость того или иного фактора, а 5 – наоборот высокую значимость определенного фактора. Итоговый, суммарный результат оценки по каждому вопросу определяется в качестве моды распределен ия.

Таблица 10. Результаты опроса китайских мигрантов по Индексу интеграции Лаборатории иммиграционной политики (IPL)

Аспекты интеграции	**Вопросы**	**Франция (баллы)**	**Германия (баллы)**	**Сумма баллов по аспекту Франция**	**Сумма баллов по аспекту Германия**
Психологические	Связь с принимающей страной	4	3	**11**	**9**
	Вероятность остаться жить	3	4		
	Чувство принадлежности	4	2		
Экономические	Уровень дохода	3	5	9	12
	Удовлетворенность занятостью	4	3		
	Способность справляться с финансами	2	4		
Политические	Осведомленность о политике	2	2	4	4
	Участие в политической жизни	1	1		
	Важность политического участия	1	1		
Социальные	Социальные связи с местными	4	1	8	3
	Участие в общественных организациях	1	1		
	Наращивание социального капитала	3	1		
Лингвистические	Чтение на языке страны	2	1	5	4
	Разговорные навыки	2	2		
	Письменные навыки	1	1		
Навигационные	Доступ к медицинской помощи	4	4	11	11
	Решение юридических вопросов	4	3		
	Поиск работы	3	4		
			Итого:	**48**	**43**
Проблемы:	Дискриминация	2	**2**	**4**	**5**
	Языковой барьер	2	**3**		

Представленные показатели следует рассматривать как сравнительные аналитические оценки, полученные на основе качественного материала, а не как универсальные статистические значения, характеризующие всю китайскую диаспору во Франции и Германии. Аспекты интеграции помогают нам выявить общие тенденции и проблемы в процессе адаптации мигрантов в принимающем обществе. Рассмотрим каждый аспект подробнее.

Психологический аспект интеграции. Психологическая адаптация мигрантов играет ключевую роль в их успешной интеграции в новое общество. В проведенном опросном исследовании рассматривались три вопроса-показателя: связь с принимающей страной, вероятность остаться жить на постоянной основе, и чувство принадлежности к новому обществу.

Прежде всего, обратим внимание на связь с принимающей страной. Китайские респонденты из Франции оценили свою связь с принимающей страной на 4 балла. Это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о том, что мигранты чувствуют себя относительно комфортно в новой культурной среде, что может быть обусловлено многолетней историей Франции как иммигрантского общества, где активно развиваются мультикультурные инициативы.

В Германии данный показатель составил 3 балла. Это также достаточно высокий результат, однако ответы респондентов показывают, что процесс адаптации для части мигрантов сопровождается определенными сложностями. В немецком обществе интеграция иностранцев во многом строится вокруг языковой и социальной адаптации, что для части китайских мигрантов становится дополнительным барьером. Кроме того, влияние оказали и миграционные кризисы последних лет, после которых вопросы миграции в Германии стали восприниматься значительно острее.

Показатель готовности остаться жить во Франции респонденты оценили на 3 балла. Это позволяет предположить, что значительная часть китайских мигрантов рассматривает Францию как возможную страну постоянного проживания, однако окончательное решение во многом зависит от условий занятости, уровня дохода и общей стабильности жизни.

В Германии этот показатель выше – 4 балла. Вероятно, для части респондентов Германия воспринимается как страна с более устойчивыми экономическими и профессиональными перспективами, особенно в сфере образования, науки и квалифицированной занятости.

Чувство принадлежности к принимающему обществу во Франции было

оценено на 4 балла. Ответы респондентов показывают, что китайские мигранты во Франции в большей степени ощущают себя включенными в социальную среду страны проживания.

В Германии данный показатель составил 2 балла. Это указывает на то, что даже при успешной учебе или профессиональной деятельности многие мигранты по-прежнему ощущают определенную социальную дистанцию. Среди причин респонденты чаще всего отмечали языковые сложности и ограниченность социальных контактов за пределами китайской среды.

Полученные результаты показывают, что китайские мигранты во Франции в целом легче воспринимают социальную среду принимающей страны, чем респонденты в Германии. При этом в Германии более высоко оцениваются профессиональные и экономические возможности, несмотря на более сложную социальную адаптацию.

Экономический блок исследования включал вопросы, связанные с уровнем дохода, удовлетворенностью работой и способностью справляться с финансовыми трудностями.

Во Франции уровень дохода респонденты оценили на 3 балла. Судя по результатам опроса, речь идет скорее о среднем уровне материального положения, достаточном для повседневной жизни, но без ощущения высокой финансовой стабильности. В Германии показатель уровня дохода составил 5 баллов, что может указывать на более благоприятные условия занятости и более высокий уровень оплаты труда среди китайских мигрантов.

Удовлетворенность занятостью во Франции была оценена на 4 балла. Большая часть респондентов положительно оценивала свою текущую работу и возможности профессиональной реализации. В Германии показатель оказался ниже (3 балла). Несмотря на более высокий уровень дохода, часть респондентов указывала на сложности, связанные с конкуренцией на рынке труда и необходимостью постоянной языковой адаптации.

Показатель способности справляться с финансовыми трудностями во Франции составил 2 балла. Вероятно, на оценки повлияли высокая стоимость

жизни и ограниченные финансовые возможности части мигрантов. В Германии данный показатель выше и составляет 4 балла. Респонденты отмечали большую финансовую устойчивость и более стабильные условия материального положения.

Политический аспект интеграции включал вопросы информированности мигрантов о политической жизни принимающей страны и их участия в общественно-политических процессах. Во Франции уровень интереса к политической жизни респонденты оценили на 2 балла, что говорит о сравнительно низкой вовлеченности в политическую повестку страны проживания. В Германии показатель оказался аналогичным на 2 балла. Во многих случаях китайские мигранты не проявляют значительного интереса к внутренним политическим процессам принимающего государства.

Участие в политической жизни и во Франции, и в Германии было оценено на 1 балл. Большинство респондентов практически не участвуют в политической деятельности, включая выборы, общественные кампании или иные формы гражданской активности. Восприятие важности политического участия во Франции также оценено в 1 балл. Результат подтверждает, что мигранты не придают значительного значения участию в политической жизни принимающей страны и больше сосредоточены на решении повседневных вопросов и адаптации к новому окружению. В Германии данный показатель также равен 1 баллу, что указывает на аналогичное отношение к политическому участию. Мигранты не видят необходимости или пользы в активном участии в политической жизни принимающего общества.

Результаты индексной оценки указывают на тенденцию, что политическая интеграция китайских мигрантов как во Франции, так и в Германии, находится на низком уровне. Осведомленность о политической жизни, участие в политических процессах и восприятие важности политической активности получили минимальные оценки. Мигранты, столкнувшись с культурными и языковыми барьерами, а также с отсутствием прав на политическое участие (в случае, если они не имеют гражданства), не

рассматривают активное участие в политике как приоритет. Отсутствие значительных различий между Францией и Германией указывает на то, что данная тенденция характерна для обеих стран.

Социальный аспект интеграции охватывает степень взаимодействия мигрантов с местным населением, их участие в общественных организациях и наращивание социального капитала через эти взаимодействия.

Китайские мигранты во Франции оценили уровень контактов с местными жителями на 4 балла. Для части респондентов было характерно регулярное общение с французским населением и участие в повседневной социальной жизни вне китайской среды.

В Германии оценки оказались ниже (1 балл). Многие респонденты указывали на ограниченность контактов с местным населением. В ряде случаев общение в основном сохранялось внутри китайской среды, среди родственников, знакомых или других мигрантов из Китая. На ситуацию влияли языковые сложности и более замкнутый характер социальной адаптации.

Участие в общественных организациях и во Франции, и в Германии получило низкие оценки (по 1 баллу). Большинство респондентов практически не участвовали в деятельности формальных общественных объединений. Основные социальные контакты чаще складывались вне подобных структур.

Во Франции уровень наращивания социальных связей респонденты оценили на 3 балла. Часть мигрантов постепенно расширяла круг общения и формировала новые социальные контакты за пределами китайской среды. В Германии данный показатель составил 1 балл. Значительная часть респондентов сохраняла преимущественно внутренний круг общения, связанный с китайской средой и ограниченным числом социальных контактов за ее пределами.

В целом ответы респондентов показывают, что китайские мигранты во Франции легче включаются в повседневную социальную среду принимающей страны. В Германии социальная дистанция между мигрантами и местным населением выражена заметно сильнее.

Навыки чтения на французском языке респонденты во Франции оценили невысоко. Многие мигранты сталкивались с трудностями при работе с французским языком в повседневной жизни. В Германии оценки владения немецким языком оказались еще ниже. Респонденты нередко указывали на сложности при изучении языка и ограниченность практики общения вне китайской среды.

Разговорные навыки и во Франции, и в Германии также получили сравнительно низкие оценки. Во многих случаях мигранты испытывали трудности в повседневной коммуникации. Низкими оставались и оценки письменных языковых навыков. Часть респондентов связывала это с недостатком языковой практики и сложностью самого процесса изучения языка принимающей страны.

Таким образом, языковая адаптация оставалась одной из наиболее проблемных сфер как во Франции, так и в Германии. Ограниченное владение языком напрямую влияло на социальные контакты, повседневное взаимодействие и положение мигрантов на рынке труда. Во Франции респонденты достаточно высоко оценивали доступ к медицинской помощи. Существенных проблем в данной сфере большинство мигрантов не отмечало.

В Германии оценки доступа к медицинским услугам также оставались высокими. Медицинская сфера в целом не воспринималась респондентами как один из основных барьеров адаптации. Во Франции выше оценивались возможности решения юридических вопросов. Часть мигрантов отмечала большую доступность правовой помощи и более понятный характер взаимодействия с административными структурами. В Германии оценки в данной сфере были несколько ниже. Наиболее часто упоминались сложности, связанные с бюрократическими процедурами и оформлением документов.

Поиск работы во Франции получил более низкие оценки. Часть респондентов сталкивалась с трудностями трудоустройства и ограниченными возможностями профессиональной реализации. В Германии оценки поиска работы оказались выше. Многие мигранты связывали это с более широкими

возможностями занятости и более высоким спросом на квалифицированных специалистов.

Дискриминация и языковые сложности сохранялись в обеих странах. Во Франции респонденты реже сталкивались с подобными проблемами. В Германии подобные оценки встречались заметно чаще.

В целом же результаты показывают различия между французским и германским вариантами интеграции. Во Франции китайские мигранты выше оценивали социальные контакты, чувство включенности в общественную среду и повседневное взаимодействие с местным населением. В Германии значительно выше оценивались экономические возможности, уровень дохода и профессиональная реализация, однако социальная адаптация во многих случаях проходила заметно сложнее.

Различия французской и германской моделей интеграции китайских мигрантов свидетельствуют о том, что адаптация мигрантов определяется не только индивидуальными стратегиями самих мигрантов, но и особенностями государственной миграционной и интеграционной политики. В данном случае речь идет не исключительно о социально-экономическом включении мигрантов, а о более широком политическом процессе формирования механизмов общественной интеграции, регулирования культурного многообразия и поддержания социальной устойчивости принимающего общества.

Французская и германская модели демонстрируют различные подходы к взаимодействию государства, общества и мигрантских сообществ. Во Франции интеграционная политика в большей степени ориентирована на формирование гражданской принадлежности и включение мигрантов в единое общественное пространство, тогда как германский подход длительное время сохранял элементы функциональной интеграции, при которой экономическое включение мигрантов опережало их социальную и культурную инклюзию. В результате миграционные процессы начинают рассматриваться не только как демографический или трудовой феномен, но и как фактор трансформации общественно-политической среды европейских государств.

На основе результатов опроса IPL, уровень интеграции китайских мигрантов в Франции и Германии можно оценить в 48 и 43 балла соответственно из 60 возможных. Значения соответствуют индексам интеграции 0,8 для Франции и 0,71 для Германии, что показывает, что интеграция китайских мигрантов в обеих странах находится на среднем уровне. Полученные сравнительные показатели не следует интерпретировать как точное количественное измерение интеграции китайских мигрантов, поскольку они отражают прежде всего качественную аналитическую оценку, основанную на сопоставлении интервьюируемых кейсов. Использование балльной шкалы в данном случае носит вспомогательный характер и применяется для структурирования эмпирического материала и выявления относительных различий между французским и германским примерами интеграции.

Применение индексного метода позволяет сделать вывод о том, что степень интеграции китайских мигрантов в обеих странах обладает срединным характером. Хотя китайские мигранты проявляют высокую степень адаптивности и стремятся интегрироваться в новые общества, они сталкиваются с определенными трудностями. Основными из них являются языковой барьер и не всегда дружелюбная миграционная политика. В условиях высокого потока мигрантов и кризисных ситуаций с беженцами из других стран, миграционные политики могут не полностью охватывать социальные права иностранных граждан, что создаёт дополнительные барьеры для их интеграции.

Несмотря на это, наблюдается положительная динамика в миграционных установках. В обеих странах китайские мигранты выражают удовлетворенность уровнем дохода от трудовой деятельности и демонстрируют готовность к улучшению своих языковых навыков, что свидетельствует о намерении продолжить интеграцию и улучшить свои позиции в принимающих обществах. Таким образом, хотя уровень интеграции китайских мигрантов в обеих странах можно считать средним, позитивные установки мигрантов и их стремление к улучшению могут способствовать дальнейшему прогрессу в процессе интеграции.

Дополнительное значение полученные результаты приобретают при их соотнесении с концепцией кросс-культурной адаптации Й. Ким, поскольку она позволяет интерпретировать интеграцию не только как включение мигранта в рынок труда или систему государственных услуг, но и как более сложный процесс взаимодействия личности, диаспоральной среды и принимающего общества. Итак, на основе проведенного исследования китайских мигрантов во Франции и Германии, проанализируем результаты с точки зрения концепции кросс-культурной адаптации Й. Ким[328]. В рамках концепции Й. Ким адаптация рассматривается как динамический и многоуровневый процесс, в ходе которого мигрант постепенно выстраивает устойчивые формы взаимодействия с принимающим обществом, сохраняя при этом элементы собственной культурной идентичности. Важное значение в данной модели приобретают не только институциональные условия интеграции, но и степень открытости принимающего общества, характер межкультурной коммуникации, уровень языковой адаптации и возможности формирования социальных связей за пределами диаспоральных сетей.

Первый критерий – социокультурная восприимчивость принимающего общества. Во Франции она оказалась выше, чем в Германии. Полученные данные позволяют говорить о том, что во французском кейсе условия социальной восприимчивости принимающего общества воспринимаются респондентами как более благоприятные. Китайские мигранты во Франции показывают лучшую интеграцию в социальные структуры, что говорит о большей гибкости и открытости местных норм и правил. Французское общество менее требовательно к полной ассимиляции, позволяя мигрантам сохранять свою культурную идентичность, что облегчает процесс адаптации.

В Германии уровень социокультурной восприимчивости оказался ниже, что может свидетельствовать о более строгих требованиях к мигрантам в плане соблюдения местных норм и правил, что, в свою очередь, усложняет адаптацию,

328 Kim Y. Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation. –Toronto: SAGE Publications, Inc., 2001. – 336 p.

так как китайские мигранты сталкиваются с трудностями в социальной интеграции, испытывая давление на адаптацию к более закрытому и требовательному обществу.

Второй критерий – институты социальной поддержки. Во Франции институты социальной поддержки функционируют на достаточно высоком уровне, что подтверждается лучшей интеграцией мигрантов в социальные структуры. Несмотря на низкие оценки в части участия в общественных организациях, наличие социальных программ и поддержка со стороны государства способствуют более успешной адаптации мигрантов. В Германии, несмотря на наличие институтов социальной поддержки, китайские мигранты оценивают свои возможности интеграции в эти структуры гораздо ниже. Возможно, доступность этих программ или их ориентированность не соответствуют потребностям китайской диаспоры, что сдерживает их адаптацию.

Отношение принимающего общества во Франции респонденты в целом оценивали более положительно. Многие китайские мигранты отмечали наличие социальных контактов с местными жителями и более комфортное взаимодействие в повседневной жизни. Это облегчало адаптацию и снижало ощущение дистанции между мигрантами и окружающей социальной средой.

В Германии контактов с местным населением у респондентов было меньше. Часть мигрантов указывала на сложности при выстраивании общения за пределами китайской среды. На ситуацию влияли культурные различия и языковой барьер.

Во Франции уровень владения французским языком также оставался сравнительно невысоким, однако сами языковые трудности воспринимались мигрантами менее остро. Даже при слабом владении языком часть респондентов продолжала активно взаимодействовать с окружающей средой.

В Германии проблемы с немецким языком воспринимались тяжелее. Для части мигрантов язык оставался препятствием не только в бытовом общении, но и в учебе, работе и социальных контактах.

Различия проявлялись и в культурной адаптации. Во Франции китайские мигранты легче включались в повседневную жизнь принимающего общества. Во многом это связано с тем, что французская социальная среда исторически дольше существует в условиях миграционного и культурного разнообразия.

В Германии культурные различия воспринимались мигрантами более остро. Респонденты чаще говорили о сложностях в общении и ощущении отчужденности по отношению к принимающей среде.

Социальный статус, образование и профессиональные навыки китайских мигрантов во Франции во многих случаях помогали адаптации и облегчали включение в общественную жизнь. Даже при наличии экономических и бытовых сложностей часть мигрантов чувствовала себя достаточно устойчиво в социальной среде страны проживания.

В Германии высокий уровень образования и профессиональной подготовки не всегда сопровождался столь же успешной социальной адаптацией. Даже при хороших возможностях в сфере занятости мигранты продолжали сталкиваться с языковыми и культурными ограничениями в повседневной жизни.

Результаты исследования показывают, что китайские мигранты во Франции сталкиваются с меньшими трудностями в интеграции, чем в Германии. Во Франции более благоприятная социокультурная среда, лучшее отношение местного населения и более гибкие институты социальной поддержки создают условия для более успешной адаптации мигрантов. В Германии, напротив, более строгие требования к мигрантам, культурные барьеры и недостаточная социальная поддержка, которые затрудняют процесс интеграции.

Таким образом, на основании проведенного индексного анализа можно сравнить положение китайских мигрантов и сохранении их идентичности во Франции и Германии.

Анализ эмпирических данных, полученных в рамках индексного метода, позволяет охарактеризовать интеграцию китайских мигрантов во Франции как многомерный процесс, в котором наиболее выражены психологические и

социальные компоненты вовлеченности в принимающее общество. Совокупный индекс 0,8 (48 из 60 возможных баллов) свидетельствует о сравнительно более высокой степени интеграции по сравнению с германским кейсом, однако структура данного показателя носит неоднородный характер.

Во французском случае наиболее высокие оценки респонденты дали вопросам, связанным с восприятием Франции как страны проживания и ощущением собственной включенности в окружающую социальную среду. Для части китайских мигрантов Франция постепенно перестает восприниматься исключительно как место учебы, работы или временного пребывания. Одновременно окончательное решение о постоянном проживании принимают не все, поскольку многие продолжают поддерживать тесные связи с Китаем и сохраняют возможность возвращения.

В социальной сфере китайские мигранты во Франции чаще взаимодействуют с местным населением, чем респонденты в Германии. У части мигрантов круг общения постепенно выходит за пределы только китайской среды. При этом участие в общественных организациях остается низким. Основная часть социальных контактов складывается скорее через повседневное общение, работу, учебу или личные связи, а не через формальные структуры.

Экономический аспект в случае Франции характеризуется умеренными показателями. Уровень дохода оценивается как средний, удовлетворённость занятостью – сравнительно высокая, однако способность справляться с финансовыми трудностями остаётся ограниченной. Это позволяет говорить о стабильной, но не максимальной экономической интеграции. Китайские мигранты во Франции в большей степени ориентированы на устойчивость и адаптацию, нежели на достижение высоких доходных позиций.

Политическая интеграция, как и в германском случае, остаётся минимальной. Низкие показатели информированности, участия и значимости политической активности свидетельствуют о дистанцированности китайской диаспоры от публичной сферы. Однако в отличие от Германии, данная дистанция во Франции компенсируется более выраженной социальной и

психологической включённостью.

Лингвистический блок остается уязвимым направлением интеграции. Несмотря на более высокие показатели психологической адаптации, уровень владения французским языком ограничен, что формирует структурный барьер к более глубокой социальной и профессиональной инклюзии. Тем не менее, в условиях более гибкой социокультурной среды языковой дефицит не приводит к столь выраженной социальной изоляции, как в германском контексте.

Показатели, связанные с навигационными аспектами повседневной адаптации, свидетельствуют о достаточно устойчивом уровне вовлеченности китайских мигрантов во Франции в базовые институциональные механизмы принимающего общества. В частности, доступ к медицинской помощи, а также способность самостоятельно ориентироваться в юридических и административных процедурах оцениваются на относительно высоком уровне. Подобная динамика указывает на то, что ключевые общественные сервисы остаются институционально доступными для представителей китайской диаспоры, а сама административная система Франции в целом воспринимается ими как достаточно понятная и предсказуемая.

В совокупности результаты индексного метода оценки позволяют охарактеризовать сложившуюся модель интеграции китайской диаспоры во Франции как социально инклюзивную, однако сопровождающуюся умеренной экономической эффективностью и сравнительно низким уровнем политической вовлечённости. Основное развитие интеграционных процессов происходит в социокультурной плоскости: формируется устойчивое чувство принадлежности к принимающему обществу, укрепляются межличностные и диаспорные связи, расширяется участие мигрантов в повседневной социальной жизни. Вместе с тем сохраняются ограничения, прежде всего в языковой сферах, которые продолжают оказывать влияние на глубину включенности китайских мигрантов в общественно-политические структуры французского общества.

Анализ китайской миграции в Германию, проведенный в рамках третьей главы, позволяет рассматривать данный миграционный поток как структурно

устойчивый и качественно дифференцированный, ориентированный преимущественно на образование, квалифицированную занятость и предпринимательскую деятельность. Современная китайская диаспора в ФРГ характеризуется устойчивым ростом численности, высокой долей молодых и трудоспособных мигрантов, а также значительной представленностью в сегментах науки, высшего образования, высоких технологий и сферы услуг.

Результаты исследования показывают, что адаптация китайских мигрантов в Германии во многом связана прежде всего с учебой, работой и профессиональной реализацией. Германия стала одним из основных направлений китайской миграции не только из-за высокого уровня экономического развития, но и из-за устойчивого спроса на квалифицированных специалистов, научных сотрудников и студентов. Дополнительную роль сыграли изменения на европейском рынке труда в условиях глобализации и роста международной образовательной мобильности.

Наиболее устойчивые позиции китайские мигранты занимают именно в сфере занятости и образования. Многие респонденты были связаны с университетской средой, исследовательской деятельностью, инженерными и техническими специальностями. Экономические показатели и уровень дохода в германском случае также оказались выше, чем во французском.

При этом социальная адаптация проходила сложнее. Даже при длительном проживании в Германии у части мигрантов сохранялся ограниченный круг общения за пределами китайской среды. Низким оставалось участие в общественной жизни и взаимодействии с местным населением. Часть респондентов указывала и на отсутствие устойчивого чувства принадлежности к принимающему обществу.

Немецкая модель интеграции в большей степени строится вокруг самостоятельной адаптации мигранта к требованиям принимающей среды. Существенное значение имеют владение языком, способность самостоятельно выстраивать социальные связи и включаться в профессиональную и общественную жизнь. В результате экономическая адаптация во многих

случаях происходит быстрее, чем социальная.

Определенную роль сохраняют и китайские культурные и образовательные организации. Они помогают новым мигрантам в период первоначальной адаптации, однако одновременно поддерживают достаточно тесные внутренние связи внутри самой китайской среды. Из-за этого часть социальных контактов продолжает оставаться преимущественно внутри диаспоры.

Результаты исследования показывают, что китайские мигранты в Германии сравнительно успешно адаптируются в сфере образования, занятости и профессиональной деятельности, однако значительно сложнее происходит включение в социальную среду принимающего общества.

Сравнение Франции и Германии показывает различия двух моделей интеграции китайских мигрантов.

Во Франции китайские мигранты чаще демонстрируют более высокий уровень социальной и психологической адаптации. Для части респондентов характерны более тесные контакты с местным населением и более выраженное чувство включенности в социальную среду страны проживания. При этом экономические показатели во французском случае были ниже, чем в Германии.

В Германии, напротив, более заметны профессиональная и экономическая составляющие интеграции. Более высокий уровень дохода и устойчивости на рынке труда сочетался с меньшим уровнем социальных контактов и более слабым ощущением принадлежности к принимающему обществу.

Вместе с тем мы должны учесть ограничения проведенного исследования. Полученные результаты отражают опыт конкретных групп китайских мигрантов, включенных в выборку, и не могут быть автоматически распространены на всю китайскую диаспору во Франции и Германии. Кроме того, восприятие интеграции носит субъективный характер и зависит от индивидуального миграционного опыта, продолжительности пребывания в принимающей стране, уровня образования, характера занятости и

интенсивности контактов с местным населением. В этой связи индексная оценка используется в работе прежде всего как сравнительно-аналитический инструмент, позволяющий выявить общие тенденции и различия интеграционных моделей двух государств.

В целом результаты показывают, что французский и германский варианты интеграции китайских мигрантов заметно отличаются друг от друга. Во Франции китайские мигранты легче включаются в социальную среду и чаще ощущают связь со страной проживания. В Германии, напротив, более устойчивыми выглядят показатели, связанные с работой, образованием и материальным положением.

При этом в обеих странах сохраняются схожие проблемы. Прежде всего речь идет о языковых трудностях, слабом участии мигрантов в общественной и политической жизни, а также о сохранении тесных связей внутри китайской среды. Поэтому полученные результаты позволяют скорее сравнить особенности адаптации китайских мигрантов во Франции и Германии, чем дать универсальную количественную оценку успешности интеграции.

Проведенный анализ также показал, что концепция кросс-культурной адаптации Й. Ким может использоваться при изучении китайской миграции в странах Европейского союза. Исследование показало, что адаптация мигрантов зависит не только от уровня дохода или миграционной политики принимающего государства. Существенное значение имеют и другие факторы: отношение принимающего общества, владение языком, характер повседневных социальных контактов и культурные различия между мигрантами и местным населением. Сравнение Франции и Германии показывает, что именно сочетание этих факторов во многом влияет на особенности интеграции китайских мигрантов в каждой из стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть китайскую миграцию во Францию и Германию сквозь призму идентичности мигрантов, процессов их интеграции и адаптации, соединив анализ китайских концепций мобильности с европейскими моделями включения.

Применение системного подхода позволило рассматривать китайскую миграцию в страны Европейского союза не как совокупность отдельных миграционных эпизодов, а как часть более широких транснациональных процессов, связанных с глобальными изменениями рынка труда, развитием международной образовательной мобильности, трансформацией миграционной политики ЕС и расширением внешнеполитического присутствия КНР. В рамках исследования китайская миграция анализировалась как многоуровневый процесс взаимодействия государства происхождения, принимающих обществ, сетей диаспор и самих мигрантов.

Теоретическая база исследования была выстроена на сочетании теории «толчка-притяжения» Э. Ли, концепции кросс-культурной адаптации Й. Ким, элементов мир-системного подхода И. Валлерстайна и конструктивистского подхода к идентичности. Такое сочетание позволило рассматривать китайскую миграцию в страны Европейского союза в трех измерениях: как результат глобальных структурных процессов, как форму транснациональной мобильности и как пространство постоянного взаимодействия различных культурных и идентификационных моделей.

Показано, что в Китае склонны воспринимать миграцию не исключительно как демографическое или экономическое явление, а как элемент стратегии глобального позиционирования КНР. Введение в российский научный оборот китайских концептов позволило расширить интерпретационную рамку и продемонстрировать, что современная китайская миграция осмысляется в КНР как инструмент укрепления международных связей, а не как односторонний процесс «утечки» человеческого капитала.

Использование элементов мир-системного подхода И. Валлерстайна позволило рассматривать китайскую миграцию как часть глобальных процессов перераспределения человеческого капитала и трансформации международного рынка труда в условиях усиливающейся взаимосвязанности мирового пространства. В свою очередь, обращение к концепции цивилизационного взаимодействия С. Хантингтона позволило показать, что адаптация китайских мигрантов во Франции и Германии сопровождается не только экономическим включением, но и постоянным взаимодействием различных культурных и ценностных систем, что оказывает влияние на процессы социальной интеграции, восприятие китайской диаспоры и формирование гибридных моделей идентичности.

Рассмотрение истории китайской миграции показало, что со временем ее характер заметно изменился. Если раньше основную роль играли трудовая миграция и торговая деятельность, то сейчас среди китайских мигрантов стало больше студентов, научных сотрудников и специалистов с высоким уровнем образования. Для Китая европейские страны остаются важным направлением прежде всего в сфере высшего образования, научного сотрудничества и профессиональной мобильности.

Анализ миграционной политики КНР также показал, что работа с зарубежными китайцами тесно связана с более широкими государственными задачами. Поддержка студентов за рубежом, развитие профессиональных контактов и сохранение связей с китайским населением за пределами страны рассматриваются китайскими властями не только как культурный вопрос. Важную роль здесь играют и экономические, научные и технологические интересы Китая.

Проведенный анализ показал, что объяснять интеграцию китайских мигрантов только экономическими причинами недостаточно. Уровень дохода или профессиональная успешность сами по себе не означают полной социальной адаптации. Одновременно сохранение китайского языка, культурных традиций и внутренних связей внутри диаспоры не мешает многим

мигрантам получать образование, строить карьеру и включаться в профессиональную среду принимающих стран.

Проведенный анализ показал, что миграционное законодательство Европейского союза оказывает существенное влияние на особенности интеграции китайских мигрантов во Франции и Германии. Несмотря на универсальный характер общеевропейских миграционных механизмов, национальные модели реализации миграционной политики формируют различные условия социальной, профессиональной и культурной адаптации китайской диаспоры. Проявляется это в различиях доступа к образовательной мобильности, механизмам социальной поддержки, языковой интеграции и практикам взаимодействия мигрантов с принимающим обществом.

В контексте настоящего исследования особое значение имеет то, что общеевропейское миграционное регулирование влияет на китайских мигрантов не напрямую через специальные этнические механизмы, а через универсальные правовые режимы доступа к образованию, трудовой занятости, долгосрочному пребыванию и социальной поддержке. Поэтому возможности адаптации китайских мигрантов во Франции и Германии определяются не только нормами ЕС как таковыми, но и тем, как данные нормы реализуются на национальном уровне. Французский и германский кейсы показали, что единая европейская правовая рамка не устраняет различий между национальными моделями интеграции – во Франции она дополняется более выраженной социокультурной гибкостью, тогда как в Германии – более жесткой ориентацией на профессиональную, языковую и институциональную состоятельность мигранта.

Формирование современной китайской миграции в Европу обусловлено сочетанием внутренних изменений в КНР и изменениями миграционной среды Европейского союза. Существенное влияние оказали рост образовательной мобильности китайского населения, повышение уровня благосостояния, расширение международной профессиональной мобильности, а также потребность европейских государств в квалифицированных специалистах и

иностранных студентах. Проведенное исследование показало, что современные миграционные процессы связаны не только с перемещением рабочей силы, но и с формированием устойчивых транснациональных сетей, обеспечивающих обмен знаниями, образовательными ресурсами, профессиональной компетенцией и социальным капиталом.

Отдельным результатом исследования стало разграничение образовательной и экономической миграции китайских граждан в страны Европейского союза. Образовательная миграция выступает не просто каналом временного пребывания китайских студентов во Франции и Германии, а одной из форм современной транснациональной мобильности КНР, связанной с последующим формированием профессиональных, академических и научных связей в принимающих странах. При этом специфика китайской миграции заключается в том, что образовательная мобильность сохраняет связь с государственными и диаспоральными механизмами поддержки, а также с устойчивыми профессиональными и культурными контактами со страной происхождения.

Экономическая миграция китайских граждан имеет иную логику и проявляется через предпринимательскую активность, квалифицированную занятость, малый и средний бизнес, торговлю, сферу услуг, а в германском случае также через высокотехнологичные, инженерные и промышленные отрасли. Ее устойчивость обеспечивается не только привлекательностью европейских рынков, но и действием диаспоральных сетей, которые снижают адаптационные издержки, облегчают доступ к занятости и одновременно поддерживают сохранение китайской идентичности в принимающем обществе.

Пример китайских мигрантов в Европе иллюстрирует трансграничную миграцию разных этнических групп. В условиях высокоразвитиых капиталистических обществ Европы, отношения между мигрантами и принимающим обществом постоянно адаптируются. Они происходят в результате взаимодействия различных заинтересованных сторон, будь то неизбежные последствия миграционных потоков или случайные

трансформации. Именно мигранты играют ключевую роль в формировании нового порядка, который включает их в местное общество. Их методы адаптации и выживания становятся неотъемлемой частью местной жизни. С течением времени, мигранты и их способы преодоления трудностей становятся неотъемлемыми компонентами общества, способствуя его развитию и социальному прогрессу. В этом процессе китайские мигранты, совместно с местным населением стран Европы, способствуют созданию более инклюзивного и прогрессивного общества.

Рост международного влияния КНР сопровождается усилением роли зарубежных китайских диаспор как элементов транснационального социального, культурного и профессионального взаимодействия. Китайские диаспоры во Франции и Германии сохраняют устойчивые связи со страной происхождения, однако эти связи проявляются не только в культурной самоидентификации, но и в образовательных, предпринимательских, научных и профессиональных контактах. В этом отношении диаспора выступает не только средой сохранения идентичности, но и ресурсом внешнеполитического, гуманитарного и экономического присутствия КНР в европейском пространстве.

Исследование китайской диаспоры во Франции показало её структурную неоднородность и сочетание предпринимательских, образовательных и профессиональных стратегий адаптации. Во французском контексте трансформация идентичности происходит в условиях нормативного универсализма, что усиливает требования к публичной культурной интеграции, однако фактическая социокультурная среда допускает сохранение этнических сетей и внутригрупповой солидарности. Концепция «образцового меньшинства» в данном случае выполняет амбивалентную функцию: она способствует позитивному восприятию китайской общины, но одновременно закрепляет символическую дистанцию и ограничивает её политическую субъектность.

Анализ китайской диаспоры в Германии показал, что адаптация

мигрантов здесь во многом связана прежде всего с учебой, работой и профессиональной сферой. Китайские мигранты достаточно активно включены в образовательную и трудовую среду, особенно в университетах, научных центрах и технических специальностях. При этом социальные контакты с местным населением и ощущение принадлежности к принимающему обществу у части респондентов оставались менее выраженными.

Сохранение китайской идентичности в европейских странах нельзя объяснять только слабой интеграцией мигрантов. Во многих случаях речь идет о сознательном стремлении поддерживать связь с китайской культурной средой, языком, семьей и привычными формами общения даже при успешной учебе или профессиональной реализации за пределами Китая.

Результаты исследования показывают, что адаптация мигрантов зависит не только от уровня дохода, доступа к образованию или формальных прав. Не меньшее значение имеют отношение принимающего общества, языковая среда, характер повседневного общения и возможность сохранять собственную культурную среду без социальной изоляции. Китайская диаспора во Франции и Германии демонстрирует устойчивую модель функциональной интеграции с сохранением транснациональной идентичности, что отражает специфику современной мобильности в условиях глобализации и усиливающегося международного позиционирования КНР.

Применение модели теории «толчка-притяжения» Э. Ли позволило установить, что китайская миграция во Францию и Германию формируется под воздействием четырех взаимосвязанных групп факторов. Первая группа факторов связана с внутренними процессами в КНР и включает структурные изменения китайской экономики, рост конкуренции на рынке труда, социальную дифференциацию, повышение образовательной мобильности и стремление части населения к расширению профессиональных и академических возможностей за рубежом. Именно данные обстоятельства формируют выталкивающую основу современной китайской миграции.

Вторая группа факторов связана с особенностями принимающих

государств. Франция и Германия сохраняют высокую привлекательность для китайских мигрантов благодаря развитому рынку труда, высокому уровню высшего образования, наличию научно-исследовательской инфраструктуры, возможностям предпринимательской деятельности и устойчивым каналам академической мобильности. Вместе с тем притягивающие факторы в двух странах реализуются по-разному: французская модель в большей степени способствует социальной и психологической адаптации мигрантов, тогда как германская ориентирована преимущественно на профессионально-экономическую интеграцию.

Третью группу факторов составляют промежуточные барьеры, оказывающие существенное влияние на адаптацию китайских мигрантов в странах Европейского союза. К ним относятся языковые ограничения, культурная дистанция, различия социальных норм, сложности административной и правовой адаптации, а также ограниченность социальных контактов с принимающим обществом. Исследование показало, что именно данные барьеры во многом определяют различия между экономической включённостью мигрантов и глубиной их социальной интеграции.

Четвертая группа факторов связана с субъективным восприятием миграции самими мигрантами, их образовательными и профессиональными ожиданиями, стратегиями мобильности и представлениями о собственном будущем. Проведенное исследование подтвердило, что китайские мигранты во Франции и Германии рассматривают миграцию не исключительно как временную экономическую стратегию, а как форму долгосрочной транснациональной мобильности, сочетающей профессиональную реализацию с сохранением устойчивых культурных и диаспоральных связей.

Повышение влияния Китая в разнообразных сферах сопровождается увеличением патриотизма китайских мигрантов и их тесной связью со страной. Китайская диаспора в европейских странах претерпела длительный эволюционный путь, и на протяжении XXI в. активно использует преимущества современного европейского мультикультурализма, который представляет собой

стратегию управления многообразием культур, языков и традиций в обществе с целью создания открытого и инклюзивного пространства, где каждая культурная группа может сохранить свою уникальную идентичность. Такой подход направлен на сближение и взаимопонимание между различными этническими и культурными сообществами, что способствует созданию благоприятных условий для сосуществования и сотрудничества. В контексте взаимодействия с китайской внешнеполитической стратегией «идти вовне», данное взаимодействие происходит на уровне культурного обмена и интеграции.

С точки зрения европейского мультикультурализма и его уязвимости, с появлением больших потоков китайских мигрантов возникает риск формирования изолированных китайских диаспор внутри городов Франции и Германии. Такие тенденции могут привести к появлению параллельных обществ, где взаимодействие с местным населением будет ограниченным, что может противоречить идеалам мультикультурализма. Аналогично, масштабные китайские инвестиции и бизнес-процессы, связанные с китайской диаспорой, могут оказать экономическое влияние на определенные регионы, вызывая опасения относительно доминирования иностранных экономических интересов и влияния на местные рынки труда.

При этом несмотря на наличие настороженности по отношению к китайским мигрантам во французском обществе, особенно в свете последних потоков беженцев из других стран, подход «образцового меньшинства» применим к китайской диаспоре во Франции. Китайская миграция во Францию и Германию в целом на современном этапе представляет собой взаимодействие идеологии мультикультурализма этих стран-реципиентов с интересами Китая, продвигающего необходимость укрепления связей между сообществами и цивилизациями Востока и Запада. С учетом растущей значимости глобальной интеграции, миграция китайцев во Францию и Германию представляет собой не только перемещение людей, но и возможность для культурного обмена, новых перспектив сотрудничества и углубления межкультурного

взаимопонимания.

С точки зрения конструктивистского подхода к идентичности, выявлено, что китайская диаспора в обеих странах формирует гибридную модель самовосприятия, сочетающую этнокультурную солидарность, профессиональную идентичность и прагматичную лояльность принимающему государству. Идентичность не растворяется в ассимиляционных механизмах и не замыкается полностью в этнических сетях, а конструируется в пространстве постоянного выбора между сохранением культурных кодов и адаптацией к институциональным требованиям принимающего общества. Тем самым подтверждается, что интеграция китайских мигрантов не ведёт к линейной ассимиляции, а воспроизводит устойчивую транснациональную модель принадлежности.

Результаты исследования показали, что концепция кросс-культурной адаптации может использоваться при анализе китайской миграции в странах Европейского союза. Интеграция китайских мигрантов в данном случае не сводится только к постепенной ассимиляции в принимающем обществе. На характер адаптации влияют и сама китайская среда за рубежом, и отношения с местным населением, и особенности социальной среды страны проживания.

Сравнение Франции и Германии показало, что адаптация китайских мигрантов зависит сразу от нескольких факторов. Существенную роль играют отношение принимающего общества, владение языком, возможности повседневного общения с местным населением, социальная среда и характер миграционной политики.

Во Франции китайские мигранты в целом легче включаются в социальную среду принимающей страны и чаще ощущают связь с обществом страны проживания. В Германии более устойчивыми выглядят показатели, связанные с образованием, работой и профессиональной реализацией, однако социальная адаптация во многих случаях проходит сложнее.

Применение концепции Й. Ким позволило установить, что экономическая интеграция сама по себе не гарантирует глубокой социальной инклюзии.

Китайские мигранты во Франции и Германии демонстрируют устойчивые стратегии сохранения этнокультурной идентичности, поддержания внутридиаспоральных связей и воспроизводства транснациональных социальных сетей. Это свидетельствует о том, что адаптация китайской диаспоры в европейском пространстве представляет собой двусторонний и многоуровневый процесс, в рамках которого одновременно происходят как включение мигрантов в принимающее общество, так и сохранение устойчивых элементов культурной самобытности.

С точки зрения подхода к идентичности, китайская диаспора в Европе выступает как активный субъект, конструирующий собственную социальную позицию между культурой страны происхождения и нормами принимающего общества. Идентичность китайских мигрантов формируется в транснациональном пространстве и сочетает элементы этнокультурной принадлежности, профессиональной идентификации и лояльности государству пребывания. Это особенно отчетливо видно в феномене «образцового меньшинства», который, с одной стороны, способствует позитивному восприятию китайской диаспоры, а с другой – закрепляет определенную социальную дистанцию и ограничивает глубину культурной интеграции.

Индексный анализ позволил эмпирически зафиксировать срединный уровень интеграции китайских мигрантов в обеих странах, при различной конфигурации её компонентов. Новизна полученных результатов заключается в том, что сопоставление психологических, социальных, экономических и навигационных параметров выявило не просто различие национальных условий, а различие логик включения: во Франции доминирует модель социально-психологической адаптации при умеренных экономических позициях, в Германии – модель экономической устойчивости при более выраженной социальной дистанции. Это позволяет говорить о двух разных траекториях сохранения идентичности в условиях европейского мультикультурализма.

Практическое значение исследования состоит в том, что выявленные

особенности могут быть учтены при формировании политики КНР в отношении зарубежной диаспоры. Сохранение устойчивых транснациональных связей при одновременной профессиональной интеграции в принимающих странах создает для Китая долгосрочный ресурс научно-образовательного и экономического сотрудничества. Вместе с тем результаты показывают, что чрезмерная опора исключительно на экономический потенциал диаспоры без учета культурно-идентификационного измерения может ограничивать глубину ее включенности и вызывать настороженность в принимающих обществах.

Проведенное исследование в целом подтвердило, что китайскую миграцию во Францию и Германию нельзя рассматривать только как перемещение людей в поисках работы или более высокого дохода. На характер адаптации китайских мигрантов влияют сразу несколько факторов: миграционная политика принимающих стран, внутренние связи внутри китайской среды, особенности социальной адаптации и стремление сохранять собственную культурную идентичность даже после длительного проживания за пределами Китая.

Результаты исследования могут быть полезны и при анализе дальнейшей миграционной политики Китая. Проведенный анализ показал, что миграционные процессы невозможно объяснить только экономическими причинами. Большое значение имеют социальные связи, отношение принимающего общества, культурная среда и возможности повседневной адаптации мигрантов.

Опыт Франции и Германии показывает, что профессиональная успешность и высокий уровень занятости не всегда сопровождаются столь же успешной социальной адаптацией. В германском случае китайские мигранты чаще демонстрируют устойчивые позиции в сфере образования и занятости, однако социальные контакты с местным населением остаются более ограниченными. Во Франции, напротив, мигранты легче включаются в повседневную социальную среду, хотя экономические показатели выглядят более умеренно.

Для Китая подобный опыт представляет интерес и с практической точки зрения. Речь идет не только о поддержке образовательной или профессиональной мобильности китайских мигрантов, но и о создании условий, при которых сохранение культурной идентичности не будет приводить к социальной изоляции за пределами китайской среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. В Германии растет количество иностранных студентов [Электронный ресурс]. // Forbes.ru. – 13 Января 2025. URL: https://www.forbes.ru/education/528698-v-germanii-rastet-kolicestvo-inostrannyh-studentov (дата обращения: 03.01.2026).

2. 2007 bis 2013 den Nationalen Integrationsplan[Электронный ресурс]. // Bundesregierung.URL:https://www.bundesregierung.de/resource/blob/2065474/441038/acdb01cb90b28205d452c83d2fde84a2/2007-08-30-nationaler-integrationsplan-data.pdf (дата обращения: 16.12.2024).

3. Amount of Chinese population living overseas 2024[Электронный ресурс]. // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/632850/chinese-nationals-number-overseas-by-continent/?srsltid=AfmBOoofEJ2cHY6z2gwL6VlNm6psxlReMZvP3Lvl1q943AsiPmA-IKot (дата обращения: 24.01.2026).

4. Antiasiatischer Rassismus in Zeiten der Pandemie[Электронный ресурс]. // NaDiRa-Fokusbericht. – 11 April 2024. URL: https://www.rassismusmonitor.de/fileadmin/user_upload/NaDiRa/Publikationen/Berichte/NaDiRa_Fokusbericht_01_RZ_240405_web_Metadaten_Pdf_A.pdf (дата обращения: 03.01.2026).

5. Anzahl der chinesischen Staatsbürger in Deutschland nach Bundesländern im Jahr 2024[Электронный ресурс]. // Statista. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/74726/umfrage/auslaender-aus-china-und-korea-nach-bundeslaendern/ (дата обращения: 29.01.2026).

6. Anzahl der chinesischen Staatsbürger in Deutschland nach Bundesländern im Jahr 2023[Электронный ресурс]. // Statista. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/74726/umfrage/auslaender-aus-china-und-korea-nach-bundeslaendern/ (дата обращения: 24.07.2024).

7. Ausländische Bevölkerung nach Geschlecht und ausgewählten Staatsangehörigkeiten[Электронный ресурс]. // Statistisches Bundesamt. URL: https://

www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Tabellen/auslaendische-bevoelkerung-geschlecht.html (дата обращения: 31.01.2026).

8. Aus China kommen die meisten Studenten nach Deutschland[Электронный ресурс]. // MAWISTA Visum-Versicherung, –2020. URL:https://www.mawista.com/blog/allgemein/aus-china-kommen-die-meisten-studenten-nach-deutschland/ (дата обращения: 22.03.2024).

9. Ausländische Bevölkerung nach Altersgruppen und ausgewählten Staatsangehörigkeiten: Ausländische Bevölkerung nach Altersgruppen und ausgewählten Staatsangehörigkeiten am 31.12.2023[Электронный ресурс]. // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Tabellen/auslaendische-bevoelkerung-altersgruppen.html (дата обращения: 23.07.2024).

10. Bevölkerungsentwicklung 2002[Электронный ресурс]. // Statistisches Bundesamt: Wirtschaft und Statistik – 12/2003. URL: https://www.destatis.de/DE/Methoden/WISTA-Wirtschaft-und-Statistik/2003/12/bevoelkentwicklung-2002-12 2003.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 21.07.2024).

11. China's Policy Paper on the European Union[Электронный ресурс]. // The State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/ministrydocument/201812/18/content_WS5d3ae98cc6d08408f5022944.html (дата обращения: 04.02.2026).

12. China – International Organization for Migration[Электронный ресурс].//IOM.–URL:https://www.iom.int/countries/china#:~:text=To%20respond%20to%20an%20increasingly,and%20Regular%20Migration%20(GCM). (дата обращения: 27.02.2024).

13. China's Confucius Institutes may face German restrictions[Электронный ресурс]. // DW. – 07.08.2023. URL: https://www.dw.com/en/chinas-confucius-institutes-may-face-restrictions-in-germany/a-66158864 (дата обращения: 03.01.2026).

14. Chinese immigration to France[Электронный ресурс]. // Institut natio

nal d'études démographiques. – 18 January 2023. URL: https://www.ined.fr/en/news/press/limmigration-chinoise-en-france/ (дата обращения: 01.03.2024).

15. Chinese migration to Europe: challenges and opportunities. Report[Электронный ресурс]. // Parliamentary Assembly of the Council of Europe,–2015. URL:http://www.assembly.coe.int/LifeRay/MIG/pdf/TextesProvisoires/2015/20150000-ChineseMigration-EN.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

16. Chinese Migrant Communities in Germany: Heritage Language, Identities and Ideologies[Электронный ресурс]. // Seminar Migrations and Multiculturalism. – 9 March 2020. URL: https://www.sciencespo.fr/centre-etudes-europeennes/sites/sciencespo.fr.centre-etudes-europeennes/files/200309%20sem%20M%26M.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

17. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Common Implementation Plan for the Pact on Migration and Asylum COM/2024/251 final[Электронный ресурс]. // European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2024%3A251%3AFIN (дата обращения: 22.12.2024).

18. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union 2012/C 326/01[Электронный ресурс]. // The Official Journal of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXTf (дата обращения: 24.12.2024).

19. Das Zuwanderungsgesetz von 2005[Электронный ресурс]. // Bundesministerium des Innern und für Heimat. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/gesetzestexte/DE/Zuwanderungsgesetz.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 16.12.2024).

20. Deutschland wird das Einwanderungsrecht grundlegend modernisieren [Электронный ресурс]. // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz.–30.11.2022.URL:https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2022/11/20221130-deutschland-wird-das-einwanderungsrecht-grundlegend-modernisieren.html (дата обращения: 13.12.2024).

21. Dublin Convention on 15 June 1990[Электронный ресурс]. // EU Migration and Home Affairs. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/european-migration-network-emn/emn-asylum-and-migration-glossary/glossary/dublin-convention_en (дата обращения: 25.12.2024).

22. European Parliament agrees on stricter EU migration rules[Электронный ресурс]. // Deutsche Welle. – 10 April 2024. URL: https://www.dw.com/en/european-parliament-agrees-on-stricter-eu-migration-rules/a-68782568 (дата обращения: 19.12.2024).

23. Fachkräfteeinwanderungsgesetz. Neue Wege zur Fachkräftegewinnung [Электронный ресурс]. // Bundesregierung. –23. February 2024.URL:https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/arbeit-und-soziales/fachkraefteeinwanderungsgesetz-2182168 (дата обращения: 13.12.2024).

24. Foreign population by place of birth and selected citizenships on 31 December 2023[Электронный ресурс]. // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/foreigner-place-of-birth.html (дата обращения: 23.07.2024).

25. Foreign population by place of birth and selected citizenships on 2024[Электронный ресурс]. // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/foreigner-place-of-birth.html (дата обращения: 03.01.2026).

26. France shaping as popular study destination, report says[Электронный ресурс]. // China Daily. – 20.12.2023. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202312/20/WS65823fbaa31040ac301a8967.html (дата обращения: 10.07.2024).

27. Full text of Jiang Zemin's report delivered at the 16th National Congress of the Communist Party of China (CPC) on November 8, 2002[Электронный ресурс]. // People's Daily Online. URL: https://en.people.cn/200211/18/eng20021118_106983.shtml (дата обращения: 25.01.2026).

28. Germany: Risky cooperation, mitigation awaited[Электронный ресурс]. // China-Europe Academic Engagement Tracker. URL: https://academytracker.ceias.eu/articles/2cPXMRm4IpiaWJPBuC1nR2 (дата обращения: 03.01.2026).

29. Germany as an immigration destination and Strategies for decarboniz ation[Электронный ресурс]. // Table. Briefings. – URL: https://table.media/en/c hina/professional-briefing/germany-as-an-emigration-destination-strategies-for-decar bonization (дата обращения: 03.01.2026).

30. Gesetz zur Steuerung und Begrenzung der Zuwanderung und zur Reg elung des Aufenthalts und der Integration von Unionsbürgern und Ausländern (Zuwanderungsgesetz) 2004 [Электронный ресурс]. // Bundesministerium des I nnern und für Heimat. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/D E/gesetztestexte/Zuwanderungsgesetz.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обра щения: 15.12.2024).

31. Half of new immigrants in France are students or refugees[Электрон ный ресурс]. // Le Monde. – 28 January 2026. URL: https://www.lemonde.fr/e n/france/article/2026/01/28/half-of-new-immigrants-in-france-are-students-or-refugee s_6749887_7.html (дата обращения: 29.01.2026).

32. IOM Launches 2026 Global Appeal to Support 41 Million People on the Move[Электронный ресурс]. // IOM UN Migration. – 8 December 2025. URL: https://www.iom.int/news/iom-launches-2026-global-appeal-support-41-milli on-people-move (дата обращения: 30.01.2026).

33. Immigration by Country 2026[Электронный ресурс]. // World Popul ation Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/immigrat ion-by-country (дата обращения: 01.02.2026).

34. International Migration Outlook 2025[Электронный ресурс]. // OEC D. URL:https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/11/int ernational-migration-outlook-2025_355ae9fd/ae26c893-en.pdf (дата обращения: 0 1.02.2026).

35. International Migration Outlook 2025: China profile[Электронный ре сурс]. // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/11/international -migration-outlook-2025_355ae9fd/full-report/china_45add11a.html (дата обращен ия: 27.01.2026).

36. International Migration Report 2006: A Global Assessment[Электрон

ный ресурс]. // UN Department of Economic and Social Affairs.URL:https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2006.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

37. KORREKTUR: Januar bis September 2025: China wichtigster Handel spartner Deutschlands[Электронный ресурс]. // Statistisches Bundesamt. URL:https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2025/11/PD25_411_51.html (дата обращения: 04.02.2026).

38. Le regard des Français sur l'actualité: 6 Français sur 10 estiment qu' il y a trop d'immigrés en France, un chiffre stable en 1 an[Электронный ресурс]. // Elabe. – 17 septembre 2025. URL: https://elabe.fr/regard-actualite/ (дата обращения: 30.01.2026).

39. Loi № 2003-1119 du 26 novembre 2003 relative à la maîtrise de l'immigration, au séjour des étrangers en France et à la nationalité [Электронный ресурс]. // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000795635&categorieLien=id (дата обращения: 18.12.2024).

40. Loi № 2006-911 du 24 juillet 2006 relative à l'immigration et à l'intégration [Электронный ресурс]. // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000266495 (дата обращения: 19.12.2024).

41. Loi № 2011-672 du 16 juin 2011 relative a l'immigration, a l'integration et a la nationalité [Электронный ресурс]. // Légifrance. URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000024191380&categorieLien=id (дата обращения: 21.12.2024).

42. Lüber K Vom Studium direkt in den Job[Электронный ресурс]. // Deutschland.de. – 26.04.2023. URL: https://www.deutschland.de/de/topic/wissen/studieren-in-deutschland-china (дата обращения: 22.03.2024).

43. Migration in the EU: data, trends, and policy shifts in 2025[Электронный ресурс]. // Immigrant Invest. –19 January 2026. URL: https://immigrantinvest.com/reports/eu-migration-statistics/ (дата обращения: 24.01.2026).

44. Number of Chinese people living overseas 2012 and 2022, by contin ent[Электронный ресурс]. // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/63 2850/chinese-nationals-number-overseas-by-continent/ (дата обращения: 22.02.20 24).

45. Pact on Migration and Asylum[Электронный ресурс]. // EU Migrati on and Home Affairs. – 21 May 2024. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/p olicies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 27. 01.2026).

46. People on the move: global migration's impact and opportunity. Exec utive summary[Электронный ресурс]. // McKinsey Global Institute. –December 2016. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/industries/public%20an d%20social%20sector/our%20insights/global%20migrations%20impact%20and%20 opportunity/mgi-people-on-the-move-full-report.pdf (дата обращения: 15.02.202 4).

47. Policy paper on EU: Deepen China-EU comprehensive strategic partn ership for mutual benefit and win-win cooperation[Электронный ресурс]. // T he State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www. gov.cn/policies/latest_releases/2014/08/23/content_281474983026968.htm (дата об ращения: 04.02.2026).

48. Politics of Invisibility: The Political Underrepresentation of Chinese Communities in France[Электронный ресурс]. // Humanity in Action. URL: ht tps://humanityinaction.org/knowledge_detail/politics-of-invisibility-the-political-und errepresentation-of-chinese-communities-in-france/ (дата обращения: 30.01.2026).

49. Population based on the 2011 Census[Электронный ресурс]. // Statis tisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environmen t/Population/Current-Population/Tables/census-sex-and-citizenship-2018.html (дата обращения: 20.03.2024).

50. Recensement 2017: résultats sur un territoire, bases de données et fic hiers détail[Электронный ресурс]. // Institut national de la statistique et des ét udes économiques. URL: https://www.insee.fr/fr/information/4467366 (дата обра

щения: 01.03.2024).

51. Regulation (EEC) No 1612/68 of the Council of 15 October 1968 o n freedom of movement for workers within the Community[Электронный ресу рс]. // European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/AL L/?uri=celex%3A31968R1612 (дата обращения: 23.12.2024).

52. Reform of German immigration law aimed at filling tens of thousan ds of vacant energy transition jobs[Электронный ресурс]. // Clean Energy Wir e. – 1 December 2022. URL: https://www.cleanenergywire.org/news/reform-ger man-immigration-law-aimed-filling-tens-thousands-vacant-energy-transition-jobs (д ата обращения: 13.12.2024)

53. Relations bilatérales: France - Chine[Электронный ресурс]. // France Diplomatie.URL:https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/chine/relations-bil aterales/ (дата обращения: 04.02.2026).

54. Réseau des Instituts Confucius en France[Электронный ресурс]. // Institut Confucius de La Rochelle. URL: https://institut-confucius.univ-larochelle. fr/reseau-des-instituts-confucius-en-france/ (дата обращения: 28.01.2026).

55. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland, 1981[Элек тронный ресурс]. // Statistische Bibliothek. URL: https://www.statistischebibliot hek.de/mir/servlets/MCRFileNodeServlet/DEHeft_derivate_00055629/1981kpl.pdf (дата обращения: 20.07.2024).

56. Statistiques sur la migration et la population migrante[Электронный ресурс]. // Eurostat, – 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view /MIGR_POP3CTB__custom_2289178/default/table?lang=en (дата обращения: 02. 03.2024).

57. The World Migration Report 2024[Электронный ресурс]. // IOM. – URL: https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/ (дата обра щения: 03.02.2026).

58. The Treaty on European Union 7 February 1992[Электронный ресур с]. // European Union. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/.../t reaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения: 24.12.2024).

59. The new immigrants: Global trends in migration towards OECD countries between 2000/01 and 2015/16. Migration Data Brief № 4[Электронный ресурс]. // Organisation for Economic Co-operation and Development, – 2019. –URL: https://www.oecd.org/els/mig/Migration-data-brief-4-EN.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

60. Total number of citizens of the People's Republic of China living in the countries of the European Union in 2021[Электронный ресурс]. // Statista. URL:https://www.statista.com/statistics/1419107/eu-china-relations-chinese-citizens-living-europe/ (дата обращения: 22.02.2024).

61. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007[Электронный ресурс]. // European Union Law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (дата обращения: 18.12.2024).

62. What is the «model minority», and why might the term be harmful for Asian Americans?[Электронный ресурс]. // Quizlet. URL: https://quizlet.com/23259850/what-is-the-model-minority-and-whymight-the-term-be-harmful-for-asian-americans-flash-cards/ (дата обращения: 15.07.2024).

63. World Migration Report 2024[Электронный ресурс]. // IOM Publications Platform. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-047-l-world-migration-report-2024_13.pdf (дата обращения: 11.12.2024).

64. World Population Prospects: The 2024 Revision [Электронный ресурс]. // Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. URL: https://population.un.org/wpp/ (дата обращения: 04.07.2024).

65. World Migration Report 2020[Электронный ресурс]. // ION UN Migration. URL: https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2020-interactive/ (дата обращения: 15.02.2024).

66. World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies [Электронный ресурс]. // A World Bank Group Flagship Report, –2023. URL:

https://bit.ly/wdr2023fullEN (дата обращения: 14.02.2024).

67. 75% of Chinese Students Return after Overseas Study[Электронный ресурс]. // CCTV.com. – 23 March 2015. URL: http://english.cntv.cn/2015/03/23/VIDE1427056921461185.shtml (дата обращения: 08.07.2024).

68. 德国的华人华侨组织目前约有40个左右[Электронный ресурс]. – Офиц. источник: 中国侨网 (архивная версия. URL:https://web.archive.org/web/20070703220359/http://www.chinabroad.org/Huaren1.htm (дата обращения: 19.03.2024).

69. 汤歆. 德国哪个城市中国人多 [Электронный ресурс]. // Plandi. –06.06.2023. URL: https://www.deplanking.com/article/135332 (дата обращения: 19.03.2024).

70. 胡锦涛在中共第十七次全国代表大会上的报告全文 (2007年10月24日) [Электронный ресурс]. – Офиц. источник: 中央人民政府 КНР. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2007-10/24/content_785431.htm (дата обращения: 16.02.2024).

71. 中华人民共和国出境入境管理法 [Электронный ресурс]. – Офиц. источник: 国家移民管理局 КНР. URL: https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1013311/content.html (дата обращения: 23.01.2026).

72. 关于国民经济和社会发展第十个五年计划纲要的报告 (2001年3月15) [Электронный ресурс]. – Офиц. источник: 中央人民政府 КНР. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/200709/P020191029595690318727.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

73. 人社部发[2012]53号 关于印发《外国人在中国永久居留享有相关待遇的办法》的通知[Электронный ресурс]. – Офиц. источник: 人力资源和社会保障部 КНР. URL: https://www.shui5.cn/article/ba/56347.html (дата обращения: 24.01.2026).

74. 外国人在中国永久居留审批管理办法 [Электронный ресурс]. – Офиц. источник: 国家移民管理局 КНР. URL: https://www.nia.gov.cn/n741440/

n741547/c1295837/content.html (дата обращения: 24.01.2026).

75. （1983 年国务院关于引进国外人才工作的暂行规定[Электронный ресурс]. – Офиц.источн国务院КНР. – URL: https://www.055110.com/law/1/35954.html (дата обращения: 24.01.2026).

76. 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十五个五年规划的建议 （2025 年 10 月 23 日中国共产党第二十届中央委员会第四次全体会议通过） [Электронный ресурс]. –Офиц. источник: 中共中央 КПК. URL: https://www.12371.cn/2025/10/28/ARTI1761640401107119.shtml (дата обращения: 05.02.2026).

77. 中国常驻联合国代表陈旭详细讲述了中国在移民议题上的立场和建议 [Электронный ресурс]. – Офиц. источник: 中国外交部 (Портал китайской дипломатии.–29.11.2024.URL:https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-11/29/content_117576214.shtml(дата обращения: 05.02.2026).

78. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年（2016—2020 年） [Электронный ресурс]. – Офиц. источник: 国务院КНР . –13 марта 2021. – URL:https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/201603/P020191110461488247409 1.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

79. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要[Электронный ресурс]. // – Офиц. источник:国务院КНР . –13 марта 2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 04.02.2026).

Литература:

На русском языке

80. Абрамова Н.А., Чжоу Юй. «Новая полиэтничность» как проявление межкультурного дискурса в приграничном социокультурном пространств

е КНР. // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализац ии и глобализации: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / Забайк ал. гос. ун-т; отв. А. Ю. Лавров. – Чита: ЗабГУ, 2016.

81. Аксютин Н.А. Миграционная политика Европейского союза: бала нс между правом и моралью. // ДЕМИС. Демографические исследования. - 2024. - № 3. - С. 182-198.

82. Александрова Н.В. К вопросу о формировании европейской иден тичности. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 4. – № 3. – Р. 270-283.

83. Алешковский И.А., Кузовлев С.С. «Новая» миграция как фактор формирования китайской диаспоры в Европейском Союзе. // Вестник Моск овского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2019. – № 2. – Р. 25-39.

84. Анохина Е.С. Иммигранты, реэмигранты и «астронавты»: идентич ность и гражданство «новых» китайских мигрантов. // Человек в меняюще мся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и с овременности: методология, методика и практика исследования. – Томск, 2 014. – Р. 235-236.

85. Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по е е регулированию. – Томск: Томский государственный университет, 2012. – 248 с.

86. Аршин К.В. Политика управления миграцией в КНР. // Власть. – 2021. – № 3. – Р. 269-273.

87. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

88. Вазиров З.К. Китайская миграция в страны Центральной Азии: т енденции и социально-демографические последствия: дис. ... канд. экон. на ук: 08.00.05. – Москва, 2021. – 146 с.

89. Гордон А.В. Трансграничная миграция и образование диаспор: ки тайцы во Франции. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 202 1. – № 2. – P. 26-56.

90. Гордон А.В. Китайские диаспоры Парижа: интегрироваться, сохра няя идентичность. // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 3. – P. 1 36-163.

91. Гу Цзецзин. История китайской эмиграции: основные этапы разв ития. // European Journal of Arts. – 2016. – № 1. – P. 59-61.

92. Думнова Э.М. Основные тенденции трансформации социокультур ного пространства в условиях международной миграции. // Идеи и идеалы. – 2022. – № 3. – P. 123-138.

93. Забияко А.П. Диаспоризация: Китайский опыт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – 2006. – № 7. – P. 239-258.

94. Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материал ам конференции. В 2-х т. Т. 1. // Отв. ред. В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО Р АН, 2014. – 393 с.

95. Костин Р.А., Ведорова И.О. Теоретические основы исследования процесса интеграции мигрантов. // Социология и право. – 2018. – № 4. – P. 22-27.

96. Кочетков В. В., Грачиков Е. Н. Идентичность как источник «мяг кой силы» Китая. // Вестник Московского университета. Серия 25. Между народные отношения и мировая политика. – 2014. – №. 3. – P. 40-62.

97. Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Китайские диаспоры в США и Европе: история, культура, религия: монография. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – 266 с.

98. Кухаренко С.В. Китайские этнорелигиозные сообщества в Западн ой Европе: дис. кандидата философских наук: 09.00.13. – Благовещенск, 2 006. – 159 с.

99. Лапина Н.Ю. Образ России во Франции в начале XXI века: Взгл яд социолога. // Образ современной России во Франции: Опыт междисцип линарного анализа. – М.: ИНИОН, 2012. – P. 99-193.

100. Ларин А.Г. Усиление Китая и возвышение мировой китайской д иаспоры. // Китай в мировой и региональной политике. История и совреме нность. – М.: ИДВ РАН, 2013. – P. 193–222.

101. Лебедева М.М. Международная миграция в современном мире. Развитие интеллектуальной международной миграции в конце XX – начале XXI вв. Миграционные процессы в конце XX – начале XXI вв. Основны е причины особенности современной интеллектуальной миграции. // Интел лектуальная миграция в современном мире. Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – P. 8-14.

102. Лекция Е.Ю. Садовской о растущем присутствии Китая в Центр альной Азии. // Институт социально-политических исследований Федеральн ого научно-исследовательского социологического центра Российской академ ии наук. 30 мая 2019 г. URL: https://xn--h1aauh.xn--p1ai/news-2019-0073/ (да та обращения: 19.02.2024)

103. Лепшокова З.Х. Взаимная аккультурация мигрантов и принимаю щего населения: модели, методики, ключевые исследования и вызовы. // С оциальная психология и общество. – 2022. – № 2. – P. 55-73.

104. Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма. // Проблемы Дальнег о Востока. – 1999. – № 1. – P. 96-103.

105. Ли Пин. Культурная регионализация в условиях межкультурного взаимодействия: на примере Автономного района Внутренней Монголии КНР: дисс... канд. филос. наук: 09.00.13. – Чита: ЗабГУ, 2007. – 114 с.

106. Малахов В. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. – М осква: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. – 272 с.

107. Медведева А.М. Глобализация, регионализация, миграция: особе нности современных международных отношений. // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2023. – № 1. – P. 41-55.

108. Мельков С.А., Алейникова Л.Г., Лябах А.Ю. От традиционности к модернизации: нам с Китаем по пути? // Власть. – 2021. – № 5. – P. 298-304.

109. Немытина М.В. Правовое регулирование миграционных отношен ий: опыт Германии. // Вестник РУДН. – 2010. – № 4. – Р. 111-117.

110. Оганесян А.Л. Участие КНР в современных миграционных проц ессах: особенности и основные направления. // Вестник Пермского универс итета. Серия: Политология. – 2020. – № 2. – Р. 77-87.

111. Полетаева М.А. Иммигранты в европейском культурном процесс е. Опыт ФРГ. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – Р. 122-130.

112. Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мирово й политике. // URL: https://www.geopolitika.ru/article/ problemy-novoy-formiru yushcheysya-identichnostikitaya-v-mirovoy-politike?ysclid=ll0ktjpljs401135811 (да та обращения 05.07.2024)

113. Россия и Китай: Изменения в социальной структуре общества. / Под ред. М.К. Горшкова, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенковой. – М.: Новый хро нограф, 2012. – Р. 257-260.

114. Россия, США и Китай в современном мире: взаимные представ ления российской, американской и китайской молодежи / Общ. ред.: Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. – 210 с.

115. Рубинский Ю.И. Китайская диаспора во Франции. // Современна я Европа. – 2014. – № 3. – Р. 127-132.

116. Слука Н.А., Коробков А.В., Иванов П.Н. Китайская диаспора в странах ЕС. // Балтийский регион. – 2018. – № 3. – Р. 80-95.

117. Смирнова О.А. Миграционная политика Франции на рубеже XX -XXI веков. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: И стория. Международные отношения. – 2022. – № 3. – Р. 356-363.

118. У Яао. Социальная интеграция китайских внутренних мигрантов: условия жизни внутренних мигрантов (agricultural to nonagricultural) и миг рантов рабочих. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социолог ия и политология. – 2015. – № 4. – Р. 235-240.

119. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политичес

кие исследования. – 1994. – № 1. – P. 33-48.

120. Харитонов А.И. Миграционная политика КНР как инструмент « Мягкого» влияния в мире. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2017. – № 3. – P. 69-75.

121. Цзян Ю. История формирования китайской диаспоры во Франци и: социальный контекст. // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 5 2. – P. 1690-1693.

122. Чжоу Ю. Миграционные потоки между Европой и Китаем в X XI веке: основные аспекты и проблемы в материалах российской и китайс кой историографии. // Право и политика. – 2023. – № 8. – P. 137-151.

123. Шаяхметова А.А. Модели мультикультурализма в Европейских с транах. // Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 11. – P. 112-118.

124. Шупленков Н.О., Шупленков О.В. Критерии формирования поли тической европейской идентичности. // Культура мира. – 2021. – Т.9. – № 53. – P. 46-61.

125. Щеткина И.А., Цзян Дань, Сундуева Д.Б. Китайские мигранты к ак социальная группа в социо-гуманитарном знании: теория и практика // Гуманитарный вектор. – 2023. – № 2. – P. 47-56.

126. Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт. // Вестник Институт социологии. – 2017. – № 4. – P. 46-70.

На иностранных языках:

127. Abel G. Estimates of Global Bilateral Migration Flows by Gender between 1960 and 2015 // International Migration Review. – 2016. – Vol. 52. – № 3.–P.809–852.–URL:https://www.econstor.eu/bitstream/10419/156310/1/846744708.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

128. Amit K., Dolberg P. Who do you think I am? Immigrant’s first na

me and their perceived identity // Comparative Migration Studies. – 2023. – V ol. 11. – № 6. – P. 2-18.

129. Amit K., Bar-Lev S. Immigrants' sense of belonging to the host co untry: The role of life satisfaction, language proficiency, and religious motives // Social Indicators Research. – 2015. – Vol. 124. – № 3. – P. 947-961.

130. Anderson K. The Idea of Chinatown: The Power of Place and Insti tutional Practice in the Making of a Racial Category // Annals of the Associat ion of American Geographers. – 1987.– Vol. 77. – № 4. –P. 580-598.

131. Attané I. Chinese Immigration to France // Population. 2022. –Vol.7 7. –№2.–C.580-598.URL:https://www.cairn-int.info/journal-population-2022-2-page -217.htm (дата обращения: 01.03.2024).

132. Attané I., Merli G. Integration and insularity: The diversity of Chin ese immigrants in France // Population & Societies. –2024.– № 622. URL: htt ps://hal.science/hal-04596737/document (дата обращения: 12.07.2024).

133. Auschner E. Implementing Chinese Student Support Services at a G erman Technical University // Journal of International Students. – 2025. – Vol. 15. – № 5. – P. 63-80.

134. Baldassar L., Graeme J., McAuliffe N., Bressan M., Chinese Migrat ion to Europe. Prato, Italy, and Beyond. – London: Palgrave Macmillan, 2015. – 370 p.

135. Benton G. "Germany", Chinese Migrants and Internationalism. Forgo tten Histories, 1917–1945. – London: Routledge, 2007. – 192 p.

136. Bertossi C. National Models of Integration in Europe: A Comparati ve and Critical Analysis. // American Behavioral Scientist. – 2011. - Vol. 55. – № 12. – P. 1561-1580.

137. Biao Xiang. Le migrant en devenir: Transformation sociale, émigrati on de travail et gouvernance dans le nord-est de la Chine // Monde commun. – 2019. – № 3. – P. 126-145.

138. Boda Ch. Devenir Chinois de France. Identité et appartenances chez les migrants chinois // Métropolitiques. – 10 décembre 2018. URL: https://ww

w.metropolitiques.eu/Devenir-Chinois-de-France.html (дата обращения: 09.03.2024).

139. Brutel Ch. La localisation géographique des immigrés. Une forte concentration dans l' aire urbaine de Paris // Institut national de la statistique et des études économiques. – 19 April 2016. URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/2121524 (дата обращения: 03.03.2024).

140. Castles S., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. – New York: Guilford, 2003. – 338 p.

141. Chan S. Diaspora's Homeland: Modern China in the Age of Global Migration. – Durham: Duke University Press, 2018. – 280 p.

142. Chen A., Lu Y. Beyond Ethnic Enclave: Social Integration of Chinese Immigrants in Paris's "Little Asia" // The Journal of Undergraduate Geography. – 2020. – Vol. 10. – № 2. – P. 73-92.

143. Cheng X. The View of Chinese Culture of the Overseas Chinese in America // Bagui Qiaokan. – 2000. – № 4. – P. 19-22.

144. Choquet S. Models of Integration in Europe. // The Robert Schuman Foundation. URL: https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0449-models-of-integration-in-europe (дата обращения: 11.06.2026).

145. Christiansen F. Chinese Identity in Europe // The Chinese in Europe/ed.by G. Benton, F. Pieke – London. Springer, 1998. – P. 42-63.

146. Chuang Y-H., Bail H., Nguyen-Tymoczko D. Asian Minorities in Europe and in North America. A Transatlantic Dialogue on Memories, Representations and Recognition // International conference report: The Sciences Po Transatlantic Research Fund, the Institut Convergences Migrations and the ANR project PolAsie. – 12 June 2023. URL: https://sciencespo.hal.science/hal-04823680v1/file/Asian-minorities-in-Europe-and-North-America_Conference-Report_2023.pdf (дата обращения: 17.12.2024).

147. Chuang Y-H., Bail H.,Tran E. From Silence to Action: The Chinese in France // Global Dialogue. – 21 February 2021. URL: https://globaldialogue.isa-sociology.org/articles/from-silence-to-action-the-chinese-in-france (дата обр

ащения:12.03.2024).

148. Collett E. The development of EU policy on immigration and asylu m // MPI Europe Policy Brief Series. – 2015. – №8. URL: https://www.migrat ionpolicy.org/sites/default/files/publications/MPIE-Asylum-Mechanics-Brief.pdf (да та обращения: 22.12.2024).

149. Conrad S. "Kulis" nach Preußen? Mobilität, chinesische Arbeiter un d das Deutsche Kaiserreich 1890-1914. // Comparativ. – 2003. – № 13. – S. 80-95.

150. Cörvers B., Dijck M. Asian Culture and Commodity in the City Ce ntre of Tilburg. // Diggit Magazine. URL: https://www.diggitmagazine.com/articl es/asian-culture-and-commodity-city-centre-tilburg (дата обращения: 20.03.2024).

151. Dai N. Unique Past and Common Future: Chinese immigrants and Chinese language media in France // Media and Communication in the Chine se Diaspora. – London: Routledge, 2016. – P. 92-114.

152. Dubois de Prisque E. Système de crédit social chinois: Comment P ékin évalue, récompense et punit sa population // Futuribles. – 2020. – № 1. – P. 27-48.

153. Ducanes G., Abella M. Prospects for future outward migration flow s: China and Southeast Asia // ILO Asian Regional Programme on Governance of Labour Migration. Working Paper № 24. – 2009. URL: https://www.ilo.org /media/342301/download (дата обращения: 04.07.2024).

154. Echeverria-Estrada C., Batalova J. Chinese immigrants in the United States // Migration Policy Institute. – 15 January 2020. URL: https://www.mig rationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2018#Age (дата обращен ия:02.03.2024).

155. Farny E. Dependency Theory: A Useful Tool for Analyzing Global Inequalities Today? // E-International Relations. – 23 November 2016. URL: https://www.e-ir.info/2016/11/23/dependency-theory-a-useful-tool-for-analyzing-gl obal-inequalities-today/ (дата обращения:13.02.2024).

156. Friedberg.R.M. The economic impact of knowledge workers from In

dia and China // Movement of Global Talent: The Impact of High Skill Labor Flows from India and China. – Princeton:Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, 2007. URL: https://www.brown.edu/Departments/Economics/Faculty/Rachel_Friedberg/Links/Friedberg%20Princeton.pdf (дата обращения: 16.02.2024).

157. Fullbrook D. Chinese migrants and the power of guanxi // Asia Times Online.–30.July.2011.URL:http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/FG30Ae04.htm (дата обращения: 13.06.2024).

158. Gao H, Li P, Zhang X. Media frames and images of Chinese im migrants: analyzing European newspaper narratives from 2015 to 2022 // Humanities and Social Sciences Communications. –2024. –Vol. 11. –№ 78. URL: https://www.nature.com/articles/s41599-024-03226-8 (дата обращения:30.01.2026).

159. Giese K. New Chinese Migration to Germany: Historical Consistencies and New Patterns of Diversification within a Globalized Migration Regime // International Migration. – 2003. – Vol. 41. – № 3. – P. 155-185.

160. Giese K. New Chinese Migration to Germany: Historical Consistencies and New Patterns of Diversification within a Globalized Migration Regime // IOM International Migration. – 15 September 2003. URL: https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/17507191.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

161. Gransow B. Chinese Migrants in Germany: Transnationalism and Integration. // Journal of Current Chinese Affairs. – 2008. – Vol. 37. – No. 1. – P. 27-52.

162. Guerassimoff C. The New Chinese Migrants in France // International migration. – 2003. – Vol. 41. – № 3. – P. 135-154.

163. Gütinger E. A Sketch of the Chinese Community in Germany: Past and Present // Chinese Migrants and Internationalism. Forgotten Histories, 1917–1945/ed.by G. Benton. – London: Routledge, 2007. – P. 199-210.

164. Gütinger E. Die Geschichte der Chinesen in Deutschland: Ein Überblick über die ersten 100 Jahre ab 1822. – Münster: Waxmann, 2015. – 282

S.

165. Harris J., Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis // American Economic Review. – 1970. – Vol.60. – №1.– P. 126-142.

166. Heberer Th., Schubert G. The Chinese Diaspora and Mainland Chin a: An Emerging Economic Synergy. – London; New York: Routledge, 2008. – 240 p.

167. Heublein U., Schmelzer R. Die Entwicklung der Studienabbruchquot en an den deutschen Hochschulen // DZHW-Projektbericht –Juli 2018. URL: ht tps://idw-online.de/en/attachmentdata66127.pdf (дата обращения: 24.07.2024).

168. Hong Liu.New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nati onalism // Journal of Contemporary China. – 2005. – Vol. 43. – P. 291-316.

169. Hong Liu,Dongen E. The Chinese Diaspora // Oxford Bibliographi es. –January2013.URL:https://www.researchgate.net/publication/342834141_The_C hinese_Diaspora_Oxford_Bibliographies (дата обращения:18.02.2024).

170. Huysmans J. The European Union and the Securitization of Migrati on. // Journal of Common Market Studies.–2000.– Vol. 38.–№ 5. – P. 751-77 7.

171. Human smuggling: Chinese migrant trafficking and the challenge to America's immigration tradition. / ed. by P. Smith. – Washington: Center for Strategic & Intl studies, 1997. – 224 p.

172. Ip D., Inglis C., Wu C. Concepts of Citizenship and Identity amon g Recent Asian Immigrants in Australia // Asian and Pacific Migration Journal. – 1997. – № 3/4.– P.205-229.

173. Jorion P. De l'intégration: des Chinois de France, par DD et DH // Blog de Paul Jorion. 4 octobre 2016. URL: https://www.pauljorion.com/blog/2 016/10/04/de-lintegration-leschinois-de-france-par-dd-et-dh/ (дата обращения: 12. 03.2024).

174. Kay C. Andre Gunder Frank: 'Unity in Diversity' from the Develo pment of Underdevelopment to the World System // New Political Economy. –

2011. – Vol. 16. – № 4. – P. 523-538.

175. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the W orld Political Economy. – Princeton: Princeton University Press, 1984.

176. Keohane R., Nye, J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. – Boston: Little, Brown, 1977.

177. Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the Worl d Political Economy. – Princeton: Princeton University Press, 2005. – 320 p.

178. Kim Y. Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communi cation and Cross-Cultural Adaptation. – Toronto: SAGE Publications, Inc., 200 1. – 336 p.

179. Knerr B. Asian students in Germany. Contexts of their Studies, Liv ing Conditions and Future Plans. – Kassel: Kassel University Press, 2015. – 2 38 p.

180. Knerr B.,Feng J. Chinese Diasporas in Europe. History, Challenges, and Prospects // International Labor Migration. – 2020 –Vol. 17. URL: https:/ /portal.ub.uni-kassel.de/kup/d/9783862199426 (дата обращения: 18.03.2024).

181. Kraus P., Schönwälder K. Multiculturalism in Germany: Rhetoric, sc attered experiments, and future chances // Multiculturalism and the Welfare Sta te: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies/ed. By K. Ba nting, W. Kymlicka. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 202-221.

182. Kritz M., Lin L., Zlotnik H. International Migration Systems: A Gl obal Approach. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 368 p.

183. Laczko F. Europe Attracts More Migrants from China // Internation al Organization for Migration. – 1 July 2003. URL: http://www.migrationinfor mation.org/feature/display.cfm?ID=144 (дата обращения:08.07.2024).

184. Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. – Europe China Research and Advice Network, 2 013. – 65 p.

185. Lee E. A Theory of Migration // Demography. – 1996. – Vol. 3. – № 1. – P. 47-65.

186. Lévy F., Lieber M. La sexualité comme ressource migratoire // Les Chinoises du Nord à Paris, Revue française de sociologie. – 2019. – Vol. 50. – № 4. – P. 719-746.

187. Li Z. Les entrepreneurs chinois en France. «Le modèle de la diasp ora Wenzhou». – Tours: Presses Universitaires François-Rabelais, 2021. – 283 p.

188. Liang Z. Morooka H. Recent Trends of Emigration from China: 1 982-2000 // International Migration. – 2004. – Vol. 42. – № 3.

189. Liu A. Public Attitudes and the Chinese Migrants in Central-Eastern Europe // International Migration. – 2020. –Vol. 58. № 3. URL: https://onli nelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/imig.12638 (дата обращения: 04.01.2026).

190. Liu G. Legal Issues of Overseas Chinese // Southeast Asia Studies. – 2010. – № 4. – P. 67-75.

191. Liu H., Van Dongen E. The Chinese Diaspora // Oxford Bibliograp hie. URL: http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-97801999200 82/obo-9780199920082-0070.xml (дата обращения: 19.07.2024).

192. Liu L. S. Chinese Transnational Migration in the Age of Global M odernity: The Case of Oceania. – London: Routledge, 2019. – 308 p.

193. Live Y.-S. Les Chinois de Paris dépuis le debut de siècle. Présence urbaine et activités économiques // Revue européene des migrations internatio nales. – 1991. – Vol. 8. – № 3. – P. 155-173.

194. Live Y.-S. The Chinese Community in France: Immigration, Econo mic Activity, Cultural Organization and Representations // The Chinese in Euro pe/ ed.by G. Benton, F. Pieke . – London: Palgrave Macmillan, 1998. – P. 96 -124.

195. Lucchini G. Singularités de la migration chinoise en France // La C hine à Paris : enquête au cœur d'un monde méconnu/ed by R. Béraha . – Par is: Robert Laffont, 2012. – P. 243-272.

196. Lőrincz L., Németh B. How Social Capital is Related to Migration Between Communities? // European Journal of Population. – 2022. – Vol. 38.

– № 1. – P. 1119-1143.

197. Ma L., Cartier C. The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, an d Identity. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2003. – 400 p.

198. Ma Mung E. Diaspora et migrations chinoises // L'enjeu mondial. L es migrations. – Paris: Presses de Sciences Po, 2009. – P. 235-244.

199. Ma Mung E. La Diaspora chinoise, géographie d'une migration. – Paris: Ophrys, 2000. – 176 p.

200. Ma Mung E. La diaspora chinoise en France // Migration et mutati ons de la société française/ed by M. Poinsot, S. Weber . – Paris: La Découve rte, 2014. – P. 121-129.

201. Massey D. A Missing Element in Migration Theories // Migration Letters. – 2015. – Vol. 12. – № 3. – P. 279-299.

202. Montgomery J. Components of Refugee Adaptation // International Migration Review. – 1996. – Vol. 30. – № 3. – P. 679-702.

203. Nobel J.W. Morgenthau's Sruggle with Power: The Theory of Powe r Politics and the Cold War // Review of International Studies. – 1995. – Vol. 21. – № 1. – P. 61-86.

204. Nyiri P. Mobility and Cultural Authority in Contemporary China. – Seattle: University of Washington Press, 2010. – 231 p.

205. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – Ne w York: PublicAffairs, 2004.

206. Ong L. Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality. – Durham: Duke University Press 1999. – 322 p.

207. Paul M. The Dongbei: The New Chinese Immigration in Paris // G lobalizing Chinese Migration/ed by P. Nyíri, I. Saveliev. – London: Routledge, 2003. – P. 4-10.

208. Pawlak B. Between intellectual autonomy and a lack of orientation: perceptions of chinese students in Germany // Ostasien Aktuell. East Asia To day Working Paper Series.–No.7.–2020. URL: https://ostasien-aktuell.uni-heidelb erg.de/wp-content/uploads/2021/04/007-OAWP-Pawlak-2020.pdf (дата обращения:

27.07.2024).

209. Phinney J. Ethnic Identity in adolescence and adults: a review of re search // Psychological Bulletin. – 1990. –Vol. 108. – P. 499-514.

210. Pieke F. Recent Trends in Chinese Migration to Europe: Fujianese Migration in Perspective. – Geneva: International Organization for Migration, 2 006. – 57 p.

211. Pieke F. Editorial Introduction: Community and identity in the new Chinese migration order // Population Space and Place. – 2007. – Vol. 13. – № 2. – P. 81-94.

212. Pina-Guerassimoff C. La Chine et sa nouvelle diaspora: la mobilité au service de la puissance. – Paris: Ellipses, 2012. – 240 p.

213. Ping H., Pieke F. N. China Migration Country Study // Regional c onference on migration, development and propoor policy choices in Asia, –200 3. – P. 22-24.

214. Podglajen J. Histoire et influence de la diaspora Chinoise // Institut d'Études de Géopolitique Appliquée. – 2 février 2023. URL: https://www.instit ut-ega.org/l/histoire-et-influence-de-la-diaspora-chinoise/ (дата обращения: 10.03. 2024).

215. Portes A. Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview // The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship/ed by A. Portes. – NewYork: Russel l Sage Foundation, 1995. – P. 211-217.

216. Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimil ation and its variants among post-1965 immigrant youth // Annals of American Academy of Political and Social Sciense. -1993. – № 530. – P. 74-98.

217. Purcell V. The Chinese in Southeast Asia. – Oxford: Oxford Unive rsity Press, 1981. – 640 p.

218. Qian S, Liang Z. New emigration from China: patterns, Causes and Impacts // Dang Dai Zhongguo Yan Jiu. – 2019. – Vol. 26. – № 1. – P. 5-31.

219. Rouillon P. La Chine d'outre-mer : une diaspora d'influence? // Car go Marine: Centre d’etudes strategiques de la marine. – 2014. – № 4. – P. 5-26.

220. Rouillon P. La Chine d'outre-mer: une diaspora d'influence? // Centr e d’etudes strategiques de la marine. – 2014. – № 4. – P. 5-26.

221. Saglio-Yatzimirsky M.-C. La voix des sans-voix. Migrants chinois à Paris. – Paris: CNRS Éditions, 2012. – 320 p.

222. Schwarz K., Williams J. Studies on the social construction of identi ty and authenticity. – London: Routledge, 2021. – 182 p.

223. Skeldon R. Myths and realities of Chinese irregular migration // IO M Migration Research. – 2000. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf /mrs_1_2000.pdf (дата обращения: 21.02.2024).

224. Skeldon R. China: From Exceptional Case to Global Participant // Migration Information Source. URL: http://www.migrationinformation.org/Featur e/displav.cfin?ID=219 (дата обращения: 02.07.2024).

225. Skeldon R. A classic re-examined: Zelinsky’s hypothesis of the mo bility transition // Migration Studies. – 2019. – Vol. 7. – № 3. – P. 394-403.

226. Smith P. Human smuggling: Chinese migrant trafficking and the ch allenge to America's immigration tradition. – Washington, D.C.:Center for Strat egic & International Studies, 1997. – 224 p.

227. Stark O., Bloom D. The New Economics of Labor Migration // A merican Economic Review. – 1985. – Vol. 75. – P. 173-178.

228. Suryadinata L. Rising China and Xinyimin in Southeast Asia: A W ebinar Series (ISEAS Yusof Ishak Institute, Singapore, 7-8 December 2020) // Études interdisciplinaires sur le monde insulindien. – 2021. – № 101. – P. 17-22.

229. Suryadinata L., Gan D. Concepts and patterns of Chinese migration, with reference to Southeast Asia // The ISEAS – Yusof Ishak Institute. Issue 15, 2022. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/09/TRS15_22. pdf (дата обращения: 25.02.2024).

230. Syrup-Stettin F. Die ausländischen Industriearbeiter // Archiv für ex akte Wirtschaftsforschung. – 1922. – № 9. – S. 278-301.

231. Tan C.-B. Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. – London: Routledge 2017. – 522 p.

232. Taylor J. The New Economics of Labour Migration and the Role o f Remittances in the Migration Process // International Migration. – 1999. – № 37. – P. 63-88.

233. The population of Modern China. – London: Plenum Press, 1992. – 757 p.

234. Võ M. V. A Study of the Overseas Chinese Community in French –Indochina during World War Two // Vietnam-Indochina-Japan Relations durin g the Second World War: Document and Interpretations/ed.by M. Masaya–Bruc e,N.V. Lockhart. –Waseda University Institute of Asia-Pacific Studies, 2017. – P. 268-280.

235. Wallerstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. – Ne w York: Academic Press, 1974.

236. Wang H., Bao Y. Reverse migration in contemporary China: Return ees, entrepreneurship and the Chinese economy. – London.: Palgrave Macmilla n, 2015. – 276 p.

237. Wang H., Miao L. Blue book of global talent: Annual report on C hinese International Migration. – Beijing: Social Sciences Academic Press, 201 7. – 143 p.

238. Wang J. Communautés imaginées et reconnaissance républicaine: la diaspora asiatique en France // Nouvelles questions ethniques. –2021. –Vol. 37. № 3. URL: https://journals.openedition.org/remi/19300?lang=fr (дата обращени я: 07.03.2024).

239. Wang S. La diaspora chinoise en mutations: histoire, influences et étude du cas en France // Conférence de Simeng Wang, chargée de recherche au CNRS. – 15 Novembre 2018. URL: https://geopolri.hypotheses.org/827 (дата

обращения: 04.03.2024).

240. Wang S. Highly skilled Chinese immigrants in France: Career choic es, marriage behavior and political participation // Chinese Immigrants in Euro pe: Image, Identity and Social Participation. – Berlin: De Gruyte, 2022. URL: https://hal.science/hal-02999543/document (дата обращения: 07.03.2024).

241. Wang Y. Changing Structure of overseas Chinese in Germany // Hi storical Studies of Overseas Chinese. – 2019. – № 4. – P. 26-41.

242. Weiner M. Security, Stability, and International Migration. // Interna tional Security. – 1992/93. – Vol. 17. – № 3. – P. 91-126.

243. Wemheuer F. Chinese Students in Germany and Transnational Kno wledge Transfer. // China Information. – 2012. – Vol. 26. – No. 3. – P. 329-348.

244. Wilhelmina J. Macro-economic determinants of international migratio n in Europe: // Doctoral Thesis. University of Groningen, 2004. URL: https://p ure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/9799522/c3.pdf (дата обращения: 11.02.2024).

245. Wighton D. Chinese in Germany: How many are there and where do they live? // The Local Germany. February. – 25, February 2019. URL: htt ps://www.thelocal.de/20190225/chinese-in-germany-how-many-are-there-and-where-do-they-live (дата обращения: 20.03.2024).

246. Wu B., Latham K. Chinese Migration into the EU: New trends,dyn amics and implications. – London.: Europe China Research and Advice Networ k, 2013. – 65 p.

247. Wu B., Latham K. Migration from China to the EU: The Challeng e within Europe // China and the EU in Context / ed. by K. Brown . – Lond on: Springer, 2014. – P. 303-327.

248. Wu K. Analysis of Overseas Chinese in the USA // Bagui Qiaokan. – 2002. – № 3. – P. 22-26.

249. Xiang B. Emigration from China: A Sending Country Perspective // International Migration. – 2003. – Vol. 41. № 3. URL: https://library.fes.de/li balt/journals/swetsfulltext/17507186.pdf (дата обращения:21.01.2026).

250. Yan M.-C., Wong K., Lai D. Subethnic interpersonal dynamic in di asporic community: A study on Chinese immigrants in Vancouver // Asian Eth nicity. – 2019. – Vol. 20. – № 4. – P. 451-468.

251. Zou Y. Multiple identities of a Chinese immigrant: A story of adap tation and empowerment // International Journal of Qualitative Studies in Educ ation. – 2002. – Vol. 15. – № 3. – P. 251-268.

252. Zhang K. Knerr B. Highly qualified migration from China to Germ any. Trends in the early 21st Century // Chinese Diasporas in Europe: History, Challenges, and Prospects/ed.by B. Knerr. – Kassel: Kassel University Press, 2015. – P. 49-72.

253. Zhang Z. Tracing Threads of Heritage: The Historical Role of Ha n Cultural Heritage and Diaspora Relations - A Sttudy of Han Cultural Herita ge in the Chinese Museum of Penang // 2024 10th International Conference o n Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2024) URL: https://www.a tlantis-press.com/proceedings/ichssr-24/126003091 (дата обращения: 27.01.2026).

254. Zhao J. Knowledge, practice and emotion in migration: The lifeworl d of Chinese migrants in Germany // Chinese Immigrants in Europe/ed. by Y. Liu, S. Wang. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2020. – P. 53-74.

255. Zhejiang migrants in Europe and China // Internal and international migration: Chinese Perspectives/ed. by , N. Frank, E. Pieke, H. Mallee. – Lo ndon: Routledge, 2013. – 354 p.

256. Zhou M. The Chinese Diaspora and International Migration // Socia l Transformations in Chinese Societies. – 2006. – №1.

257. Zhu H, Qian J. New theoretical dialogues on migration in China: i ntroduction to the special issue // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2021.–Vol.47.–№12.URL:https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X. 2020.1739372 (дата обращения: 27.02.2024).

На китайском языке:

258. 庄国土. 对近 20 年华人国际移民活动的继续考虑 // Huaqiao huaren lishi yanjiu. – 1997. – № 2. – P. 2-6.

259. 李明焕. 欧洲华人移民：社会结构与认同. – 2015. –860 с.

260. 周睿睿. “亚裔仇恨”在德国：疫情、玻璃罩子与沟通错位 [Электронный ресурс]. // The Paper.cn. – 14.07.2021. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_13161149 (дата обращения: 24.03.2024).

261. 刁莉. “一带一路”上的中国海外移民与东道国经济发展 // 中国市场. – 2023. – № 24. – P. 1–7.

262. 青田人出国的历史与现状研究 – 1998. – № 3.

263. 庄国土. 当代华商网络与华人移民：起源、兴起与发展, – 台湾：稻香出版社, 2005. – 814 с.

264. 王亚梅. 中国西部地区与中东欧国家的投资与合作 // 欧亚经济 – 2019. – Т. 2.

265. 李海峰. 协调侨团结构是海外侨胞的希望和期盼 [Электронный ресурс] // China Review News. – 20.06.2007. URL: http://cn.chinareviewnews.com/doc/1003/9/2/5/100392550.html (дата обращения: 29.06.2024).

266. 宋全成. 中国海外移民在欧洲：规模、特征、问题与前景 // 2013 年中国国际移民报告. – 2013. – № 3.

267. 近20年来福建长乐华人移民美国的动机和条件 // 中国历史剧. – 2006. – № 1.

268. 李海峰. 党的十七大后华侨工作的新机遇 [Электронный ресурс] // China Review News. – 12.10.2007. URL: http://cn.chinareviewnews.com/doc/1004/6/7/4/100467404.html (дата обращения: 28.06.2024).

269. 和衷共济, 合作共赢, 共建活力侨社 [Электронный ресурс]. // 中国侨网. – 03.07.2007. URL: http://www.chinaqw.com/news/200707/03/78232.shtml (дата обращения: 26.06.2024).

270. 王慧. 中国在德技术移民与高技术移民情况调研 [Электронный ресурс]. // Аналитический центр «Тайхэ». – 24 августа 2022. URL: http://www.

taiheinstitute.org/Content/2022/08-24/1716385402.html (дата обращения: 22.03.2024).

271. 杜鹃. 隐忍、认同与时间性——在法华人移民劳工的劳务市场与劳动控制 [Электронный ресурс]. – 2018. URL: https://theses.hal.science/tel-02137794/file/DU_Juan_2_incomplete_20180927.pdf (дата обращения: 16.03.2024).

272. 庄国土. 华侨华人数量和分布的历史变化 // 世界历史. – 2011. – № 5. – P. 4–14.

273. 陈里特. 中国海外移民史. – 太原: 山西人民出版社, 2014. – 102 с.

274. 刘为杰. 海外华人新移民对中华文化的传承状态及对策分析 // 侨务工作研究. – 2008. – № 1. URL: http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/140/1070.shtml (дата обращения: 16.02.2024).

275. 刘志山. 移民文化开放性及其影响 // 人文岭南. – № 92. – 29.05.2019.URL:https://www.cssn.cn/ztzl/jzz/rwln/wh/tswh/202209/t20220923_5541324.shtml (дата обращения: 17.02.2024).

276. 李明焕, 朱梅. 欧洲华人社会的新动向——《欧洲中国研究》两个专刊的比较//国际移民研究. – 2022. – № 2. URL: http://www.chinaql.org/BIG5/n1/2022/0615/c420265-32447415.html (дата обращения: 27.07.2024).